

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

2 (53)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 2 (53), 2022

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

2 (53)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 2 (53), 2022

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Бурков С.Б.</i>	К вопросу о курганной погребальной традиции в кобанской археологической культуре	7
<i>Кешева З.М.</i>	Становление и развитие музыкальной культуры народов Кабардино-Балкарии в 1920–1930-е гг.	22
<i>Гетагазова А.М.</i>	Традиционные родильные и детские обряды в современных практиках ингушей	32

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Дзыгъуанэ Р.Хь.</i>	ЩыпІэ превербхэу хэ-, дэ-, йы-хэм лэжыгъэцІэ лъабжэужь -хь шапыувэкІэ адыгэбзэм кышагъэху щхьэхуэныгъэхэр	45
<i>Жылэтеж Хь. Ч.</i>	Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм псалъэухахэм шаІэ зэхэлыкІэ нэхьщхьэхэр	54
<i>Токъмакъ М.Хь.</i>	Адыгэбзэм и паронимхэр	62
<i>Шэру Н.Гъу.</i>	Адыгэбзэм и псалъэуха зэхэль-зэгъусэ лІэужыгъуэхэм я зэхэлыкІэр	69
<i>Хежева М.Р.</i>	Семантика числительных <i>блы</i> – <i>семь</i> в устойчивых выражениях (на материале кабардино-черкесского и русского языков)	75

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Алхасова С.М.</i>	Новые подходы к переводу: сохранение синтаксических конструкций при переводе фольклора	88
<i>Хавжокова Л.Б.</i>	Творчество Мухадина Бемурзова как этнокультурный феномен	95
<i>Гутов А.М.</i>	Мотив неприятия в адыгском (черкесском) эпосе	101
<i>Гутова Л.А.</i>	Сюжет и мотивы цикла о Нартуге (Маратине) Кошироко. География распространения	108

ЮБИЛЕИ

<i>Улаков М.З., Махиева Л.Х., Локьяева Ж.М.</i>	Тернистый путь тюрколога	116
---	--------------------------------	-----

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Burkov S.B.</i>	On the question of the kurgan funeral tradition in the Koban archaeological culture	7
<i>Kesheva Z.M.</i>	Formation and development of musical culture of the peoples of Kabardino-Balkaria in the 1920–1930-s.	22
<i>Getagazova A.M.</i>	Traditional maternity and childhood rites in modern ingush practices	32

LINGUISTICS

<i>Dzuganova R.Kh.</i>	Features of compound verbs with preverbs <i>хэ-, дэ-, йы-</i> in combination with the suffix <i>-хь</i> in the Kabardino-Circassian language	45
<i>Zhiletzhev Kh.Ch.</i>	Basic sentence constructions in Kabardino-Circassian language	54
<i>Tokmakova M.H.</i>	Paronymy in the kabardino-circassian language	62
<i>Sherieva N.G.</i>	Features of the structure of compound sentences Kabardino-Circassian language	69
<i>Khezheva M.R.</i>	Semantics of numerals <i>блы – сем’</i> ‘seven’ in set phrases (on material of kabardino-circassian and russian languages)	75

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Alkhasova S.M.</i>	Approaches to translation: preservation: of syntactic structures in the translation of folklore	88
<i>Khavzhokova L.B.</i>	Creativity of Mukhadin Bemurzov as an ethno-cultural phenomenon	95
<i>Gutov A.M.</i>	The motive of rejection in the Adyghe (Circassian) epic	101
<i>Gutova L.A.</i>	Plot and motives of the cycle about Nartuga (Maratina) Koshiroko. Geography of distribution	108

ANNIVERSARIES

<i>Ulakov M.Z., Makhieva L.H., Lokyaeva Zh.M.</i>	The thorny path of the Turkologist	116
---	--	-----

Научная статья
УДК 903.53. 5'16
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-7-21

К ВОПРОСУ О КУРГАННОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ В КОБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Сергей Борисович Бурков

ГБУ Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ, Россия,
sergeyburkov59@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7324-3618>

© С.Б. Бурков, 2022

Аннотация. Статья посвящена изучению обряда курганного захоронения в кобанской археологической культуре и основана на материалах финальной стадии развитой бронзы – начального этапа позднего бронзового века. В работе анализируются археологические источники, полученные в разные годы на территории Центрального Предкавказья. Показано, что появление этой обрядовой нормы могло быть связано как с погребальными традициями предшествующего времени и культур эпохи бронзы – северокавказской, катакомбной КИО, а также закавказских импульсов. В результате установлено, что данная форма погребальной обрядности могла появиться в погребальной обрядности кобани в различных обстоятельствах, связанных как с предыдущими нормами, так и с кардинальным изменением социального устройства общества, возникновением условий для формирования нового хозяйственного уклада – подвижного скотоводства и появлением на исторической арене военизированных группировок подвижных скотоводов.

Ключевые слова: археологические раскопки, памятники, курган, эпоха бронзы, погребальные традиции, обряды, культы

Для цитирования: Бурков С.Б. К вопросу о курганной погребальной традиции в кобанской археологической культуре // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 7–21. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-7-21

Original article

ON THE QUESTION OF THE KURGAN FUNERAL TRADITION IN THE KOBAN ARCHAEOLOGICAL CULTURE

Sergey B. Burkov

State Budgetary Institution «Institute of History and Archeology of North Ossetia-Alania», Vladikavkaz, Russia, sergeyburkov59@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7324-3618>

© S.B. Burkov, 2022

Abstract. The article is devoted to the study of the burial mound ritual in the Kobani archaeological culture and is based on the materials of the final stage of the developed Bronze Age – the initial stage of the late Bronze Age. The paper analyzes the archaeological sources obtained in different years on the territory of the Central Caucasus. It is shown that the appearance of this ritual norm could be associated with both the funerary traditions of the preceding time and the cultures of the Bronze Age, such as the North Caucasian, Catacomb KIO, and the

Transcaucasian samples as well. As a result, it was found that this form of funeral rites could appear in the funeral rites of Kobani in various circumstances related both to previous norms and to a radical change in the social structure of the society, the appearing of conditions for the formation of a new economic structure, such as the mobile cattle breeding and the appearance of the paramilitary groups of mobile cattle breeders in the historical arena.

Keywords: archaeological excavations, monuments, burial mound, Bronze Age, funerary traditions, rituals, cults.

For citation: Burkov S.B. On the question of the kurgan funeral tradition in the Koban archaeological culture. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 2 (53): 7–21. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-7-21

Обряд захоронения в курганах Северного Кавказа, в том числе – и на изучаемой территории, был свойственен населению, занимавшего степные и предгорные зоны и практиковавшего подвижно – скотоводческую модель экономики, начиная с эпохи энеолита, а также в эпоху бронзы. Большинство курганных погребений финального этапа эпохи поздней бронзы и раннего железного века, найденные на территории Северного Кавказа, исследователи соотносят с племенами киммерийцев, скифов, савромат, сармат и алан [Крупнов 1960: 181–183, 212, 242, 243; Виноградов 1963: 14–18, 41–58, 72–78]. В то же время, среди прочих типов погребальных сооружений, выделяемых на материалах кобанской археологической культуры Северного Кавказа, присутствует и обряд погребения в курганах. На сочетание различных типов погребений (грунтовое, курганное), в том числе – на одном могильнике (Исти – Су – Чечня, Кескем, Пседах, Нестеровский, Луговой – Ингушетия, Моздокский – Северная Осетия – Алания, Баксанский, Шалушинский, Чегемский – I, Кашкатаусский – Кабарда) обратил внимание Е.И. Крупнов [Крупнов 1960: 316, 247, 248]. В сводках В.И. Козенковой, среди учтённых ею 1235 погребений, присутствует и 128 (10,4%) захоронений, устроенных как под курганными насыпями, так и в них самих. Для территории восточного и центрального вариантов кобанской культуры на первом, т.н. «доскифском» этапе, количество курганных погребений незначительно, тогда как для периода VI–V вв. до н.э. оно вырастает – до 1/6 от всех учтённых погребений. Для западного варианта такого резкого изменения соотношения погребальных сооружений не наблюдается. Однако общая численность погребений в курганах как для восточного, так и западного вариантов кобани примерно одинакова (51 и 52 погребения соответственно). Единственное отличие – для запада кобани на раннем этапе (XII–VII в. до н.э.) исследователем учтено 25 таких захоронений, тогда как для востока – только 1 [Козенкова 1977: 45, 46, 49–55; Козенкова 1989: 17, 90–97].

Присутствие обряда погребения в кургане в культуре, связываемой с коренными кавказскими сообществами, видятся исследователям по-разному. Для периода поздней бронзы традиции курганных захоронений связываются с предшествующими культурами северокавказского происхождения [Виноградов 1972: 238, 239; Чеченов 1974: 14–51], для раннежелезного века – в основном, с влиянием кочевых традиций скифов и савроматов [Виноградов 1972: 81, 82, 239; Козенкова 1977: 20].

Для того чтобы определить факторы, повлиявшие на использование предгорно-плоскостным кобанским населением перечисленных выше элементов погребальной обрядности необходимо, прежде всего, обратиться к археологическим свидетельствам, коррелированным с определёнными этапами формирования самой культуры. Определим, что было характерно для обрядовых практик населения – непосредственных участников формирования основ культуры (XIV–XII вв. до н.э.), а затем – сформированных этнокультурных групп её восточного и западного вариантов (XI – первой половины VII вв. до н.э.). Центральная группа погребальных памятников, куда включены объекты, прежде всего, расположенные на территории современных Северной и Южной Осетии, а также Кабардино-Балкарии,

признаётся метрополией данной культуры. Здесь размещены наиболее древние из них. Одновременно с этим, могильники эпохи развитой кобани на этой территории сильно пострадали от грабительских раскопок и не могут быть признаны полноценным историческим источником [Козенкова 1996: 13, 14]. Если исходить из концепции формирования начального этапа кобани в горной зоне – вначале на южных, а потом – на северных склонах Большого Кавказа, то учитывать влияние традиций поздних северокавказской и катакомбной КИО для ранних этапов культуры вряд ли приходится [Дударев Савенко 2019: 69]. Если же считать, что они проходили этап первичной адаптации с учетом присутствия какой-то части населения в зоне предгорных равнин, а также периодических «выплесков» населения предгорий в горную зону, то тогда указанные выше культуры развитого этапа бронзового века, на своей завершающей стадии были задействованы в этом процессе. Вероятно, именно они были зафиксированы материалами Галашкинского могильника в Ингушетии и Верхне-Рутхинского – в РСО-Алания, в которых присутствует эклектизм позднекатакомбной и северокавказской КИО, в сочетании с закавказскими традициями [Крупнов 1950: 86–94; Козенкова Мошинский 1995]. При этом произошла смена курганного обряда погребения на бескурганый. С учетом того фактора, что на раннем этапе кобанской культуры присутствуют и основные погребения в курганах, второй вариант может считаться более вероятным. По версии В.И. Козенковой, на т.н. «предкобанской стадии», выделяемой ею рамках XIV–XII вв. до н.э., погребальные традиции формировались в условиях как предгорных равнин, так и горной зоны, на базе различных культурных особенностей, свойственных пост-северо-кавказской и катакомбной КИО – т.н. «аликановской» (для района Кавминвод) и «архонской – II» (для территорий Центрального Предкавказья) групп [Кореневский Мимоход 2011: 31–70; Дударев Савенко 2019: 73].

Для установления механизмов и возможных причин, способствовавших формированию курганного обряда погребения в некрополях Центрального Предкавказья определим перечень памятников, в которых были встречены элементы вновь создаваемых культурных традиций. В связи с большим объемом анализируемого материала, сложностью заявленной темы и лимитированностью объема настоящей статьи, её хронологические рамки ограничены финальным этапом эпохи поздней бронзы (по некалиброванным значениям) – периодом с XV/XIV вв. до н.э. и вплоть до рубежа XI–X в. до н.э. – этап Кобан II для центральной группы памятников по В.И. Козенковой [Козенкова 1996: 92]. Это связано с тем, что на следующем этапе базовые признаки кобанской культуры предстают уже в сложившемся виде. Кроме того, именно к рубежу III – началу I тыс. до н.э. начинают формироваться предпосылки для появления нового хозяйственного уклада – кочевого скотоводства, возникает и развивается культ лошади и всадника, а также войны как одного из первых общественных разделений труда. Это, в свою очередь, ведет к кардинальным изменениям в идеологических нормах и как следствие – в формах погребальной обрядности. Разбор этих новшеств, зафиксированных курганными захоронениями, совершенными в кобанских традициях, с рубежа двух эпох – финальной стадии эпохи бронзы и по финал второй половины VII в. до н.э. – тема следующей статьи, которая задумывается автором как продолжение первой. Две другие планируется посвятить позднекобанским курганным материалам середины – второй половины VII в. до н.э., и по конец IV в. до н.э. и завершить тему присутствия кавказского сегмента в курганных захоронениях начала III в. до н.э. – конца IV вв. н.э.

Работа по установлению критериев, которые послужили основой для выделения признаков раннекобанской культуры, а также анализу содержания этих процессов, в своей основе была произведена В.И. Козенковой [Козенкова 1996]. Однако вопросам, связанным с формированием погребальной обрядности как системы,

внимания было уделено заметно меньше. За установлением фактов присутствия ряда признаков катакомбной, а также северокавказской КИО в материалах пред – и раннекобанского периодов не последовал детальный анализ тех из них, что составили суть этого процесса. В частности, не был проанализирован вопрос о том, в каких условиях в этой вновь формируемой среде применялось погребение в курганах.

К перечню памятников, в которых зафиксирована начальная стадия появления изучаемых нами обрядов и культов, могут быть отнесены грунтовые и подкурганые катакомбные захоронения предкобанского периода (более 100 комплексов), раскопанные в зоне строительства Кашхатауской РЭС (Кабарда). В них металлические изделия и керамика по декору обладали чертами северокавказской КИО, а форма предметов и некоторые особенности их художественного оформления – классические кобанские. К сожалению, материалы пока не опубликованы, в связи с чем мы сейчас лишены возможности их детального анализа [Атабиев 2008]. В могильнике «Бамутские сады», группы I (к. 5 п. 1; к. 7 п. 3) были найдены основные подкурганые погребения с керамикой, типичной для позднебронзовых памятников горно-предгорной зоны Чечни и Дагестана, в том числе – с обмазкой, а также золотой подвеской – застёжкой с переложной (т.н. «обратной») петлей раннекобанского типа [Бурков 1990: рис. 55–60; рис. 41, рис. 28, 46]. Ранее погребения, совершённые в подобных же традициях, были найдены на территории РСО-Алания – это т.н. «архонская группа». Её характерными чертами были названы обширные ямы подквадратной или подпрямоугольной формы с закруглёнными углами и каменной забутовкой, кольцевая планировка могильника, костяки располагались скорчено на левом боку, руки протянуты к коленям (т.н. «поза скачущего всадника»), в инвентаре – предметы вооружения, украшения, керамика, в т. ч. – с обмазкой. В одном из таких погребений (ст. Архонская, к. 2, п. 2) была найдена подобная же золотая подвеска. Захоронение отнесено ко II хронологическому горизонту кургана – финалу среднебронзового века [Корневский Мимоход 2011: 14, 15, 18, 71, рис. 8, 37]. Однако с рядом признаков, предложенных к выделению данной культурной группы, не все так однозначно. Так, из 9 погребений в курганах у ст. Архонской ни в одном случае не была зафиксирована поза, когда обе руки погребенного своими кистями были положены в район колен. Встречены лишь случаи, когда одна из рук первоначально располагалась «по направлению к коленям». Такой признак, как «ориентировка» также не «работает», т.к. захоронения располагаются по круговой системе. Форма ям – не только прямоугольная, но и с «запличиками». И лишь 2 признака – забутовка и левобочное положение костяка соответствуют заявленной схеме. Погребения же из Ингушетии, что были найдены в зоне строящегося трубопровода к г. Магасу в 1996 г. и также включены С.Н. Корневским и Р.А. Мимоходом в «архонскую» группу, лишь в 2 случаях имели каменную забутовку и в 1 случае одна из рук погребенного была протянута к коленям. Подобной же позы с двумя руками, которая бы соответствовала позиции «скачущего всадника», и тут не было встречено ни разу. Дополнительно отметим, что в могильнике «Бамутские сады» группы I присутствуют крупные неглубокие ямы подпрямоугольной или подтрапецевидной в плане формы с заоваленными углами – типичная черта архонских погребений группы II, но без забутовки камнем*, что ранее считалось узколокальным явлением [Корневский Мимоход 2011: 38, 39; Бурков 1990: 13, 15, 20, 21, 26–29, 31–33, 35, 36]. В.Л. Ростунов и Т.Я. Ростунова датировали этот горизонт по рогатому бисеру XVI–XV вв. до н.э.** Аналогии подвеске авторы находят в комплексах верхнего горизонта Эгикальского склепа и из местности Джизи в Северной Осетии [Ростунова Ростунов 2007: 15],

* Крупные камни в заполнении были встречены только в одном случае – курган № 4, погребение № 1.

** Вероятно, дата дана с учетом калибровочных значений, хотя для архонских комплексов эта работа проведена не была. С.Н. Корневский и Р.А. Мимоход считают подобный подход (автоматический перенос датировок C14) методически неверным – см.: Корневский Мимоход 2011: 33.

В.И. Козенкова – в материалах из Беахни – Куп (Чми) в Северной Осетии. По керамическим формам В.И.Козенковой комплекс отнесен к т.н. «протокобанской группе» памятников [Козенкова 1996: 26, 91, рис. 44, 58, 119, рис. 44, 3]. С.Н. Корневский и Р.А. Мимоход обратили внимание на погребение № 11 кургана № 2 Бамутского могильника (раскопки Р.М. Мунчаева 1964 г.). Костяк – в позе «скачущего всадника», погребальный инвентарь – спиральные бронзовые ленточные пронизи и костяное изделие, подобное кольцевидным пряжкам т.н. «раннебабинского» типа, что позволяет отнести бамутское захоронение к начальному этапу эпохи поздней бронзы. В дополнение к этому отметим ещё одно разрушенное погребение из кургана № 4 того же могильника, где встречен фрагмент нижней части сосуда с намечающимся поддоном. Комплекс датирован временем от второй половины II тыс. до н.э. до начала I тыс. до н.э. [Мунчаев 1968: 141]. На территории Чечни раннекобанские бронзовые наконечники были найдены в разрушенном кургане у с. Знаменское Надтеречного района, как и подвески, в том числе – 2 в виде кистей правой руки – типичные находки для памятников центрального варианта кобани. Материалы датированы концом II – началом I тыс. до н.э. [Виноградов Исламов 1965: 158, 159, рис. 1, 3–6]. В.И. Козенковой для периода Кобан I (начало XIV – первая половина XII вв. до н.э.) для формирования протокобанского комплекса, было отмечено участие компонентов северокавказской, катакомбной, закавказских культур, а также традиций средней бронзы Центральной Европы. Культурный симбиоз для бытовых памятников зафиксирован и материалами Змейского поселения в Северной Осетии-Алания [Козенкова 1996: 35, 37, 89–92]. На его территории, помимо наслоений других эпох, выделяется слой, связанный с северо-кавказской КИО. Он во многих местах был нарушен последующими перекопами, что привело к разрушению культурного слоя кобанского времени. Там где он сохранился (в раскопах СКАЭ) фиксируется мощность до 80 см. Керамические материалы из хозяйственных ям, относящиеся к северо-кавказской КИО, М.А. Бакушевым датированы XVII–XVI вв. до н.э. На наш взгляд, столь «узкая» дата (всего 200 лет) довольно коротка для такого насыщенного культурного слоя. Вероятнее всего, его финальная стадия приближается к периоду «Кобан I а». Судя по опубликованным профилям, на участках культурного слоя, не затронутого перекопами, в его формировании не прослеживается четко выраженного перерыва. Это может свидетельствовать о постоянном обитании его насельников, вплоть до времени формирования «классической кобани» – т.е. до последних веков II тыс. до н.э. [Бакушев 2021].

Согласно концепции В.И. Козенковой, в формировании норм погребального обряда протокобанского переходного периода, помимо племен поздних северокавказцев и катакомбников, принимали участие и культурные группы из Европы, обитавшие в бассейне Дуная, которые связываются с появлением традиции кремационных захоронений. Система доказательств, обосновывающая присутствие в древностях Северного Кавказа, восточноевропейского компонента, выстраивалась ею через анализ предметов материальной культуры, разбросанных по различным погребальным комплексам. Нами был произведен подробный разбор предлагаемых ею доводов [Бурков: 2020]. В результате мы пришли к следующим выводам. Концепция появления обряда кремации на основе привлекаемых В.И. Козенковой материалов, на наш взгляд, является, скорее, культурологической конструкцией, чем реальной оценкой имеющихся материалов. Особенно это симптоматично на фоне отсутствия явных следов проникновения «носителей срубных традиций» на изучаемую нами территорию в XIV–XIII вв. до н.э., во время которого происходил процесс формирования основ кобанской культуры. Их появление на Северном Кавказе В.А. Сафронов определял рубежом XIII–XII вв. до н.э., а В.И. Мамонтов считает, что это произошло ещё позднее – не ранее конца т.н. белозерского этапа, т.е. – в конце IX в. до н.э. [Сафронов 1970: 321; Мамонтов 1980: 176]. В выделяемой И.А. Сорокиной для территории степного Прикубанья культурном

образовании XV–XII вв. до н.э., входящем в срубный мир, признаки кремации отсутствуют. Она подчеркнула, что возникновение этой группы памятников не было связано с экспансией срубной культуры [Сорокина 1989: 281]. В то же время, в ряде могильников иных культурных традиций, чье происхождение и развитие в основном происходило на Северном Кавказе, этот обряд фиксировался на протяжении длительного времени, в том числе – и в позднем бронзовом веке. Достаточно ранние материалы прото- и ранне-кобанского периодов из горно-предгорной зоны являются весомым аргументом в пользу его автохтонного происхождения. Самые ранние находки в гробнице № 2 могильника Терезе связаны с закавказским компонентом, тогда как возможные средневропейские импорты демонстрируют кавказский металл и формы. На этом фоне «колхидское» и более раннее «триалетское» направления выглядят более правдоподобными. К тому же данный обряд он вряд ли мог носить сугубо этнокультурный характер, а скорее всего, являлся надкультурной обрядовой практикой. Поэтому его распространение вряд ли стоит связывать с миграцией каких-то «этнических» группировок. В то же время, мы не исключаем и того, что погребальные традиции, характерные для восточноевропейского населения позднего бронзового века могли стать частью формирующихся социальных норм на «предкобанском» этапе, когда их восприятие ещё не ограничивалось сформированными и закреплёнными регламентами обрядовых церемониалов. Однако эти обычаи в кобанской культуре фиксируются у населения горной зоны, что серьезно ограничивает возможности привнесения данного способа общения с умершими с территории предгорных равнин.

Но вернемся к проблеме появления в зоне предгорных равнин населения из Средней Европы, о чем писала В.И. Козенкова. При этом никаких явных свидетельств непосредственного присутствия его в северокавказских пределах приведено не было. Речь шла лишь о некотором влиянии на выработку ряда предметов – украшений, керамики, конского убора, оружия. При этом их внешнее сходство в различных удалённых друг от друга культурах В.И. Козенковой объяснено конвергентностью развития. Среди них – браслеты со спирально закрученными концами, булавки с волютообразными навершиями, перстни с двойными спирально закрученными щитками, очковидные привески, близкие формы металлических сосудов. Ею было обращено внимание на вывод Е.И. Крупнова относительно того, что все названные предметы подобны, но не тождественны [Крупнов 1960: 343, 344]. По её мнению, не следует принимать во внимание и большинство тех предметов, которые были широко распространены на просторах Евразии с конца II тыс. до н.э. и до VII в. до н.э. (черенковые кинжалы, псалии – лошадки, удила с витыми стержнями, бронзовые и костяные лунницы, застёжки из камня, круглые двойные и тройные бляшки). Анализ металла предметов, происходящих из Сержень – Юртовских могильника и поселения показал, что все они были изготовлены из местного сырья и не являются предметами импорта [Козенкова 1982: табл. IX, 11; Козенкова 2001: 45–50, 102–105; Козенкова 2002: 102]. Бронзовые зооморфные подвески, бронзовые бляхи кобанского типа, найденные в Европе т.н. «конноголовые скипетры», биметаллические кинжалы – это продукция кобанских мастеров. По мнению В.И. Козенковой, все они свидетельствуют о прямом или косвенном контакте между северокавказцами и восточноевропейскими культурами на рубеже III тыс. до н.э. Хотя их перечень не очень представительен для того, чтобы объяснять их появление на Кавказе значительными перемещениями населения, однако ею было высказано предположение о проникновении на Северный Кавказ каких – то неустановленных западных групп [Козенкова 1975: 54–56, 58, 65, 67, 70]. При этом активная фаза этих европейско-кавказских контактов приходится на время расцвета кобани – не позднее середины VIII в. до н.э., тогда как влияние Ближнего Востока и Передней Азии связывается с ранним этапом её функционирования. По наблюдениям В.И. Козенковой, наименьшее количество

инокультурных инфильтраций приходится именно на период Кобан – I а, б. Кроме того, данное влияние проявлялось не путем инвазии определенных этнических группировок, а исключительно при помощи появления в кобанской среде некоторых категорий материальной культуры [Козенкова 2013: 131–143]. Таким образом, следует признать, что имеющимися на сегодня в нашем распоряжении материалами мы не можем доказательно засвидетельствовать факт прямого проникновения на Северный Кавказ восточно-европейского населения, применительно к этапу формирования основ кобанской археологической культуры.

Такой же вывод следует и для материалов, которые документируют связи населения Северного Кавказа с племенами срубной КИО, которая к началу I тыс. до н.э. уже прекращает своё существование. Наличие ряда случайных находок, в основном – предметов вооружения, орудий труда, конского убора и украшений рубежа III/II тыс. до н.э. – самого начала I тыс. до н.э., на территории Центрального Предкавказья не подтверждено присутствием здесь самих носителей этого комплекса [Бурков 2020 – а]. В то же время мы можем предположить, что ряд норм погребальной обрядности в виде своеобразного «надкультурного» феномена, свойственные этой разнородной КИО, на этапе их формирования, когда эти традиции только вырабатывались, действительно мог восприниматься местными племенными коллективами. Однако формы подобных взаимодействий, равно как и их результаты, пока остаются практически неисследованными, прежде всего – из-за отсутствия хотя бы небольшой серии надежно зафиксированных погребальных комплексов. Единственным известным нам захоронением, где в той или иной мере присутствуют эти погребальные традиции, является погребение № 11 кургана 4 группы II могильника «Бамутский поворот», изученное в 1986 [Савенко 1987: 166–171, рис. 216, 217]. Анализ погребального обряда и вещевого сопровождения этого погребения позволяет сделать вывод о том, что в нем сочетаются как привнесенные степные, по всей вероятности – раннесрубные (начальный этап третьей четверти II тыс. до н.э. по некалиброванным значениям), а также закавказские погребальные традиции и северокавказские черты. Последние своими корнями уходят в более ранние исторические периоды начальной стадии среднего бронзового века, вероятно – последних веков III тыс. до н.э. и самого начала II тыс. до н.э.

Для территории Дагестана к материальным свидетельствам присутствия степных племён доскифского времени О.М. Давудовым отнесены конский костяк с бронзовыми псалиями черногоровского типа из Мугеранского могильника и умбовидная бляха из лошадиного погребения. Подобные предметы известны в памятниках Украины, Поволжья, Северного Кавказа и Восточного Закавказья. В этом же могильнике были найдены кости черепа и ног быка и около 30 лепных обмазанных и серолощенных сосудов – обряд, характерный, по мнению исследователя, для срубных и андроновских памятников. Вероятно, в данном случае речь идёт о костных остатках, т.к. сами керамические формы и их количество (как обрядовая норма) – типичны для местных памятников финального этапа эпохи бронзы. Подобная черта погребальной обрядности, в отрыве от других его элементов, характерных для культур Поволжья, не может быть применена в качестве этнокультурного маркера, т.к. присутствует и на других территориях в том числе – и курганных захоронениях т.н. «архонской группы» Северной Осетии-Алании и Чечни, относящихся к более раннему времени. Традиция размещать большое количество сосудов в одном захоронении – очень распространенная черта, свойственная горно-предгорным памятникам эпохи поздней бронзы – раннего железного века как Дагестана, так и соседней Чечни.

По мнению О.И. Давудова планировка жилых помещений, техника строительства и отдельные керамические формы Нижнесигитминского и Ачисуйского поселений напоминают памятники сабастиновского и белозёрского типов, в т.ч. –

памятники Поволжья [Давудов 1985: 110; Давудов 1974: 33]. Но в его работах отсутствует сравнительное описание технологических приёмов домостроения этих культур, а наличие двух сосудов, обладающих некоторыми элементами внешнего сходства не подкреплено анализом технологических особенностей. Вывод об изменении под влиянием срубной экспансии местных керамических форм нуждается, на наш взгляд, в более весомой аргументации, т.к. из прочих «степных» форм необходимо выделить и поздекатакомбные материалы. Керамика из кобяковских памятников Подонья сама несет ощутимые следы влияния северокавказских керамических традиций, в связи с чем привлекать её для доказательства срубно-северокавказских контактов, на наш взгляд, некорректно. Хосрехское святилище, датированное им VIII–VII вв. до н.э., считается выстроенным по канонам индоиранских культовых строений (круглый очаг, вписанный в квадратную в плане постройку) и близко по форме к культовому сооружению, выявленному под одним из курганов середины – второй половины VII в. до н.э. около Ставрополя (могильник «Красное Знамя»). По мнению исследователя, характер Хосрехского святилища отражает духовный мир индоиранских племён. Его создателями названы киммерийцы [Давудов 1983: 56; Давудов 2000: 28, 29]. Эту точку зрения поддержал и С.Л. Дударев, датировав постройку IX – первой половиной VIII в. до н.э. [Дударев 1999: 51–53]. Напротив, О.А. Брилева сблизила это строение с подобными же с территории Грузии и Абхазии, датировав его IX–VIII в. до н.э., указав на дату Ш.О. Давудова – вторая половина VII – начало VI в. до н.э., и В.И. Козенковой – первая половина IX в. до н.э. [Брилева 2012: 39, 52, 62, 70]. У Хосрехского святилища, как и у святилища Мели-геле – II есть 2 культурных и временных слоя, т.к. в нижнем слое пола с обмазкой глиной встречен фрагмент (отрезок) круглой стены, что полностью противоречит позднейшей конструкции помещения, имевшей на заключительном этапе своего функционирования уже иную конфигурацию. Не стоит забывать и ещё одно стратиграфическое наблюдение – под фундаментом сооружения были зафиксированы следы огня, что говорит о перестройке первого уровня до его состояния на момент раскопок [Давудов 1983: 46]. С учетом того, что глобальные доводы о проникновении глубоко в горы Дагестана (2700 м. над уровнем моря) ираноязычных кочевников (по мнению О.М. Давудова и С.Л. Дударева – авторов этого сооружения – С.Б.) основаны исключительно на идее круга алтаря, вписанного в квадрат святилища, данные стратиграфии явно противоречат этой концептуальной идее. При этом не будет необходимости обосновывать верхнюю дату наиболее ранних находок – наконечников копий (не позднее XII в. до н.э.) [Барцева 1985: 46] тем, что они были перенесены туда из более древнего памятника [Дударев 1999: 53]. В этом случае наблюдение О.А. Брилевой о том, что носители культов земледельческого характера в XIV–XII вв. до н.э. изменили первоначальную форму святилища с круглой на квадратную, а также выработали новую формы жертвенника в форме трона, кресла, а также и некоторых округлых форм [Брилева 2012: 52], вполне «вписывается» в обозначенный ею временной период. Он отделен от более раннего слоя, с которым как раз и можно связать предметы вооружения первого этапа существования Хосрехского святилища. На втором этапе появляются многочисленные сосуды, предметы украшения, альчики, что уже характерно для обрядовых церемониалов, по-большей степени связанных с земледельческими культурами. В этом случае дата первого слоя – XIV–XII вв. до н.э., второго – начало IX в. до н.э. – финал VII в. до н.э. Не стоит забывать и то, что большинство находок второго уровня было найдено в переотложенном состоянии, что не могло не сказаться на датировке и полноценности самого вещевого набора.

Отдельные находки конской узды, выполненные из кости (поселение Ачису, Шахсенгерский могильник), по мнению О.М. Давудова, указывают на контакты со степью. В то же время, модели кибиток, обнаруженные на поселении Ачису, автор работ связал с местной традицией отгонного скотоводства [Давудов 1985:

124, рис. 8, 8, 12, 16]. На наш взгляд, охарактеризованный выше материал фиксирует контакты населения Приморского Дагестана со степными культурами конца II – начала I тыс. до н.э. Однако их явно недостаточно для того, чтобы доказательно утверждать проникновение представительных племенных групп, способных вызвать трансформацию в традиционных идеологических воззрениях восточнокавказского населения. Тем более что в самих погребениях местных культур не зафиксированы какие – либо явные следы их использования. Для дагестанских археологов наличие деревянного сруба в погребении автоматически «переводит» его в статус срубных древностей [Давудов 2009: 67, 68]. В то же время, для формирования традиций данного типа погребений закавказские (беденские) погребальные практики являются значительно более предпочтительными.

Следы контактов со степными племенами зафиксированы материалами Сержень-Юртовского и Бамутского поселений в Чечне. Керамику из нижних слоев Нестеровского, Алхастинского и Лугового поселений Е.И. Крупнов посчитал аналогичной срубным образцам. С тех пор этот пассаж воспринимается как доказательство таких связей. Однако если внимательно отнестись к тексту, то можно установить, что речь шла о находках из памятников кобяковского круга [Крупнов 1960: 134, 156, 158, 160]. В настоящее время установлено, что керамический набор данной культуры формировался, в том числе, и на кавказских импортах, а сами кобяковские памятники – во-многом производные от северокавказской, причем – именно кобанской, культурной основы. По мнению В.В. Потапова, материалы, полученные в последнее время, подтверждают тезис о том, что истоки кобяковской культуры лежат на Северо-Западном Кавказе [Шарафутдинова 1980: 69, 70; Потапов 2012: 292, 293, 295]. К тому же среди керамики Нестеровского и Лугового поселений не встречено ни одной целой керамической формы срубного типа, технологические особенности её изготовления не исследованы, а заключение о культурном происхождении базируются на внешнем сходстве ряда фрагментов [Крупнов 1960: 118, 119, 121, 430, табл. VIII, 1, 430, табл. XI, 5]. Случайные же находки единичны и нигде не составляют устойчивых серий, что не даёт возможности доказательно утверждать возможность влияния на погребальную обрядность восточнокобанского населения со стороны степных традиций, за исключением использования некоторых технологических приёмов в металлургии бронзы [Козенкова 1996: 130].

Подведем некоторые итоги. Прежде всего, обратимся к такому понятию, как обряд погребения как целостной концепции. По мнению В.С. Ольховского, формирование элементов погребального обряда зависело от пола и возраста, от личных качеств умершего, обстоятельств смерти, условий и места. По его мнению, привнесение новых черт происходило в результате заимствования или этнического смешения. Вопрос о том, какие из факторов оказывали наибольшее воздействие на погребальную обрядность, в различных условиях имели свою специфику. На базе одних и тех же обычаев возможно формирование и сосуществование обрядов, различных по форме и содержанию [Ольховский 1986: 74, 75]. Данный комплекс признаков может быть применён при оценке погребальной обрядности для уже сформировавшейся культуры, с учётом её собственного внутреннего развития, однако на этапе выработки начальных критериев требуется учёт и иных механизмов, действующих в условиях их первичного отбора и компоновки в конкретных этно – культурных и природно – климатических исторических условиях. Так, по мнению В.Р. Эрлиха, курганный обряд является только признаком определённого социального статуса погребённого, но никак не знаком его принадлежности к другому этносу или культуре [Эрлих 1994: 116]. В.В. Отрощенко биритуализм (курганные и бескурганные захоронения одного и того же населения – С.Б.) объяснял отражением сложной социальной структуры, В.П. Ванчугов – связывал это с инокультурным составом населения.

Так же думает и Г.Н. Тоцев. С.В. Махортых обосновывает это хозяйственной перестройкой той же белозёрской культуры, с процессом выделения подвижного скотоводства и кризисом земледельческого хозяйства [Махортых 1993]. Обедневшие коллективы, которые уже не могли вести комплексное хозяйство, были вынуждены перейти к кочевому скотоводству. Так же думают В.П. Шилов, К.А. Акишев и М.К. Кадырбаев [Махортых 2011]. А.М. Новочихин появление в среде протомеотского населения курганного обряда погребения объяснил заимствованием престижного элемента погребальной обрядности со стороны местной аристократии [Новочихин 2006: 79].

Исходя из выше изложенного, мы можем констатировать следующее. Вполне вероятно, что степень влияния культурных традиций предшествующего времени на формирование курганного обряда в погребальной практике кобанских племён конца II тыс. до н.э. для различных территорий была неодинаковой. На начальном миксированном этапе, скорее всего, они могли восприниматься как обыденные, в дальнейшем – как чуждые. Для уже сформированного к началу I тыс. до н.э. комплекса погребальных обрядовых практик, появление иных традиций, ранее воспринимаемых как новшества, должно было сопровождаться серьёзными социокультурными преобразованиями, связанными с переходом к другой модели хозяйствования, и как следствие – с изменением статусности некоторых занятий, их роли в жизни социально значимых страт в составе племенных групп, что могло быть обосновано и влиянием внешнего фактора (этническая миксация, военное вторжение). В последнем случае изменения становятся более кардинальными, и зачастую сопровождаются сменой принципов формирования коллективов, когда одна группа монополизирует некоторые социальные функции. Переход в её состав из других возрастных или производственных страт ограничивается рамками этнической принадлежности. На наш взгляд, факторы, которые влияли на присутствие в погребальной практике кобанцев обряда захоронения в курганах на раннем этапе могли быть различными, основанными на производственном компоненте (подвижное скотоводство), с учётом социально – престижных (военизированный контингент) и погребальных традиций предшествующего времени. Их применение происходило в конкретно – исторических условиях контактной зоны предгорных равнин как особой эколого-географической зоны. Кроме того, следует учитывать, что для т.н. «предкобанской стадии» наличие курганных захоронений, вероятнее всего, было связано с погребальными практиками этнокультурной доминанты. В последующем, с увеличением степени подвижности ряда производственных коллективов, использование курганов в погребальных обрядах, вероятно, сместилось в сторону социально-престижного и производственного компонентов. Эти процессы были документированы материалами уже следующей исторической эпохи, связанной с возникновением условий для формирования нового хозяйственного уклада – подвижного скотоводства и появлением на исторической арене военизированных группировок подвижных скотоводов.

Список источников

Атабиев 2008 – *Атабиев Б.Х.* Археологические открытия в Кабардино-Балкарии // XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. С. 13.

Бакушев 2021 – *Бакушев М.А.* Новые исследования Змейского поселения кобанской культуры // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Сборник научных трудов. Вып. 2. Владикавказ: ИИА, 2021. С. 9–41.

Барцева 1985 – *Барцева Т.Б.* Химический состав наконечников копий Северного Кавказа VIII–VII вв. до н.э. // Краткие сообщения института археологии. Вып. 184. М.: Наука, 1985. С. 42–49.

Брилева 2012 – Брилева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). М.: «Таус», 2012. 424 с.

Бурков 1990 – Бурков С.Б. Отчет о раскопках курганов на территории совхоза «Бамутский» Ачхой-Мартановского района ЧИАССР в 1989 г. Грозный, 1990 // Архив ИА РАН. Ф.-1. Р-1 № 14105.

Бурков 2020 – Бурков С.Б. Обряд кремации в кобанской археологической культуре // Археологические вести. Вып. № 27. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 60–71.

Бурков 2020 – Бурков С.Б. – а. К вопросу о т.н. «срубном» влиянии на Центральном и Северо-Восточном Кавказе по данным погребальных памятников // Северный Кавказ в историческом и археологическом измерениях. Доклады и сообщения 23 Международного семинара Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Армавир: Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. С. 110–117.

Виноградов 1972 – Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. 389 с.

Виноградов Исламов 1965 – Виноградов В.Б., Исламов А.А. Новые археологические находки в Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИ. Т. VI. Вып. 1. (Ред.: Н.П. Гриценко). Грозный: ЧИНИИИЯЛ, 1965. С. 157–168.

Давудов 1974 – Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала: Дагестанский филиал ИА АН СССР, 1974. 191 с.

Давудов 1983 – Давудов О.М. Святилище у высокогорного селения Хосрех // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала: Институт истории языка и литературы, 1983. С. 43–56.

Давудов 1985 – Давудов О.М. Поселение Ачису // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала: Дагестанский филиал ИА АН СССР, 1985. С. 101–124.

Давудов 2000 – Давудов О.М. О контактах древнего населения Дагестана с ираноязычными кочевниками // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Материалы международной конференции. Махачкала: Институт истории. Археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2000. С. 26–63.

Давудов 2009 – Давудов О.М. Прикаспийская торговая дорога в свете исторических источников // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2009. № 1. С. 64–80.

Дударев 1999 – Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 1999. 400 с.

Дударев Савенко 2019 – Дударев С.Л., Савенко С.Н. К историографии феномена «кобанская культура» // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 67–84.

Козенкова 1975 – Козенкова В.И. Связи Северного Кавказа с карпато-дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев: «Наукова думка», 1975. С. 52–73.

Козенкова 1977 – Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант. Свод археологических источников. Вып. В2-5. М.: Наука, 1977. 88 с.

Козенкова 1989 – Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. Свод археологических источников. Вып. В2-5. Т. III. М.: Наука, 1989. 196 с.

Козенкова 1996 – Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: «Наука», 1996. 164 с.

Козенкова 2001 – Козенкова В.И. Поселок-убежище кубанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ) М.: Наука, 2001. 198 с.

Козенкова 2002 – Козенкова В.И. У истоков горского менталитета: могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III). М.: «Памятники исторической мысли», 2002. 232 с.

Козенкова 2013 – Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир: (Взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: «Таус», 2013. 252 с.

Козенкова Мошинский 1995 – Козенкова В.И., Мошинский А.П. Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н.э.) //

Историко-археологический альманах. Вып. 1. М.: Армавир: Армавирский краеведческий музей, 1995. С. 48–52.

Корневский, Мимоход 2011 – *Корневский С.Н., Мимоход Р.А.* Курганы позднего периода бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М.: ИА РАН, 2011. 120 с.

Крупнов 1950 – *Крупнов Е.И.* Археологические работы в Кабарде и Грозненской области // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. XXXII. М.: 1950. С. 85–100.

Крупнов 1960 – *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960.

Мамонтов 1980 – *Мамонтов В.И.* О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье // Советская археология. 1980. № 1. С. 175–194.

Махортых 1993 – *Махортых С.В.* Ранние кочевники Северного Причерноморья и окружающая среда // Оточуюче середовище і стародавнє населення України. Київ, 1993. С. 44–46.

Махортых 2011 – *Махортых С.В.* О биритуализме в погребальном обряде белозёрской культуры // Переход от эпохи поздней бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы Круглого стола 23–24 июня 2011 года. СПб.: Институт истории материальной культуры. Государственный Эрмитаж, 2011. С. 31–34.

Мунчаев 1968 – *Мунчаев Р.М.* Раскопки Бамутских курганов в 1965 году // Археолого-этнографический сборник. Т. II. Грозный: Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, 1968. С. 131–151.

Новоцихин 2006 – *Новоцихин А.М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). Анапа: Редакционно-издательский отдел СГТУТ и КД, 2006. 220 с.

Ольховский 1986 – *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. 1986. № 1. С. 65–76.

Потапов 2012 – *Потапов В.В.* Кобяковские памятники в низовьях Дона: проблемы появления и исчезновения // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 287–308.

Ростунова, Ростунов 2007 – *Ростунова Т.Я., Ростунов В.Л.* Природно-климатический фактор в заселении Северо-Осетинской равнины в эпоху энеолита – средней бронзы // Материалы по истории и археологии Северного Кавказа. Вып. 8. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2007. С. 5–20.

Савенко 1987 – *Савенко С.Н.* Отчет о раскопках курганов могильника «Бамутский поворот» в 1986 г. Грозный, 1987 // Архив ИА АН РАН, р-1, № №11727, 11727 «а».

Сафронов 1970 – *Сафронов В.А.* Хронология памятников II тыс. до н.э. юга Восточной Европы. Диссертация на соискание канд. историч. наук. М.: 1970 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2078.

Сорокина 1989 – *Сорокина И.А.* О прикубанском варианте срубной культуно-исторической общности // Древности Ставрополья. Сборник научных статей. Отв. ред.: Р.М. Мунчаев. М.: Наука, 1989. С. 279–282.

Чеченов 1974 – *Чеченов И.М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры // Археолого-этнографический сборник. Вып. 1. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 14–51.

Шарафутдинова 1980 – *Шарафутдинова Э.С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // Свод археологических источников. Вып. В1–11. Л.: «Наука», 1980. 128 с.

Эрлих 1994 – *Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М.: Государственный музей Востока, 1994. 148 с.

References

ATABIEV B.H. *Arheologicheskie otkrytiya v Kabardino-Balkarii* [Archaeological discoveries in Kabardino-Balkaria]. IN: *XXV Krupnovskie chteniya po arheologii Severnogo Kavkaza. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii* [XXV Krupnov readings on the archeology of the North Caucasus. Abstracts of the reports of the international conference]. Vladikavkaz: SOIGSI, 2008. P. 13. (In Russian)

BAKUSHEV M.A. *Novye issledovaniya Zmejskogo poseleniya kobanskoj kul'tury* [New studies of the Zmeyskaya settlement of the Koban culture]. IN: *Arheologicheskoe nasledie: materialy i interpretacii. Sbornik nauchnyh trudov* [Archaeological heritage: materials and interpretations. Collection of scientific papers]. Issue 2. Vladikavkaz: ИА, 2021. P. 9–41. (In Russian)

BARTSEVA T.B. *Himicheskij sostav nakonechnikov kopij Severnogo Kavkaza VIII—VII vv. do n.e.* [Chemical composition of spearheads of the North Caucasus of the VIII—VII centuries BC]. IN: *Kratkie soobshcheniya instituta arheologi* [Brief reports of the Institute of Archeology]. Issue 184. Moscow: Nauka, 1985. P. 42–49. (In Russian)

BRILEVA O.A. *Drevnyaya bronzovaya antropomorfnyaya plastika Kavkaza (XV v. do n.e. – X v. n.e.)* [Ancient bronze anthropomorphic plastic of the Caucasus (XV century BC – X century AD)]. Moscow: “Taus”, 2012. 424 p. (In Russian)

BURKOV S.B. *Otchet o raskopkah kurganov na territorii sovhoza «Bamutskij» Achkhoy-Martanovskogo rajona CHIASSR v 1989 g. Groznyj, 1990* [Report on the excavation of mounds on the territory of the state farm “Bamutsky” Achkhoy-Martanovsky district of CHIASSR in 1989, Grozny, 1990]. IN: *Arhiv IA RAN. F.-1. R-1 № 14105*. [Archive of the Institute of Archeology of Academy of Sciences of Russia. F.-1. R-1 № 14105]. (In Russian)

BURKOV S.B. *Obryad kremacii v kobanskoj arheologicheskoj kul'ture* [The rite of cremation in the Koban archaeological culture]. IN: *Arheologicheskie vesti* [Archeological News] Issue № 27. Sankt Petersburg.: IIMK RAN, 2020. P. 60–71. (In Russian)

BURKOV S.B – a. *K voprosu o t.n. «srubnom» vliyanii na Central'nom i Severo-Vostochnom Kavkaze po dannym pogrebal'nyh pamyatnikov* [On the question of the so-called “log” influence in the Central and North-Eastern Caucasus according to the funerary monuments]. IN: *Severnyj Kavkaz v istoricheskom i arheologicheskom izmereniyah. Doklady i soobshcheniya 23 Mezhdunarodnogo seminaru Kavkazovedcheskoj shkoly V.B. Vinogradova* [North Caucasus in the historical and archeological dimension. Report of 23 international seminar of the Caucasus school of V.B. Vinogradov]. Armavir: Stavropol': Dizajn-studiya B, 2020. P. 110–117. (In Russian)

VINOGRADOV V.B. *Central'nyj i Severo-Vostochnyj Kavkaz v skifskoe vremya (VII–IV vv. do n.e.)*. (*Voprosy politicheskoi istorii, evolyucii kul'tur i etnogeneza*) [Central and North-Eastern Caucasus in the Scythian period (VII–IV centuries BC). (Questions of political history, evolution of cultures and ethnogenesis)]. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. 389 p. (In Russian)

VINOGRADOV V.B., ISLAMOV A.A. *Novye arheologicheskie nahodki v Checheno-Ingushetii* [New archaeological finds in Chechen-Ingushetia]. IN: *Izvestiya CHINII, T. VI. Vyp 1*. (Red.: N.P. Gritsenko). [News of the Chechen Ingush Research Institute. V. VI. Issue 1]. Grozny: CHINIYYAL, 1965. P. 157–168. (In Russian)

DAVUDOV O.M. *Kul'tury Dagestana epohi rannego zheleza* [Cultures of Dagestan of the Early Iron Age]. Makhachkala: Dagestanskij filial IA AN SSSR, 1974. 191 p. (In Russian)

DAVUDOV O.M. *Svyatilishche u vysokogornogo seleniya Hosrekh* [Sanctuary at the highland village of Hosrekh]. IN: *Drevnie i srednevekovye poseleniya Dagestana* [Ancient and medieval settlements of Dagestan]. Makhachkala: Dagestanskij filial IA AN SSSR, 1983. P. 43–56. (In Russian)

DAVUDOV O.M. *Poselenie Achisu* [Achisu Settlement]. IN: *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnogo Kavkaza* [Ancient cultures of the North-Eastern Caucasus]. Makhachkala: Dagestan branch of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences, 1985. P. 101–124. (In Russian)

DAVUDOV O.M. *O kontaktah drevnego naseleniya Dagestana s iranoyazychnymi kochevnikami* [On contacts of the ancient population of Dagestan with Iranian-speaking nomads]. IN: *Kavkaz i stepnoj mir v drevnosti i srednie veka. Materialy mezhdunarodnoj konferencii* [Caucasus and the steppe world in antiquity and the Middle Ages. Materials of the international conference]. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the DNC RAS, 2000. P. 26–63. (In Russian)

DAVUDOV O.M. *Prikaspijskaya torgovaya doroga v svete istoricheskikh istochnikov* [The Caspian trade road in the light of historical sources]. IN: *Vestnik instituta istorii, arheologii i etnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography], 2009. No. 1. P. 64–80. (In Russian)

DUDAREV S.L. *Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoj Evropy v predskifskuyu epohu (IX – pervaya polovina VII v. do n.e.)* [The relationships of the tribes of the North Caucasus with the nomads of Southeastern Europe in the pre-Scythian era (IX – first half of the VII century BC)]. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 1999. 400 p. (In Russian)

DUDAREV S.L., SAVENKO S.N. *K istoriografii fenomena «kobanskaya kul'tura»* [To the historiography of the phenomenon “Koban culture”]. IN: *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo*

pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Armavir State Pedagogical University]. 2019. No. 4. P. 67–84. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Svyazi Severnogo Kvkaza s karpato-dunajskim mirom (nekotorye arheologicheskie paralleli)* [Connections of the Northern Kvkaz with the Carpathian-Danube world (some archaeological parallels)]. IN: *Skifskij mir* [Scythian world]. Kiev: “Naukova Dumka”, 1975. P. 52–73. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaya kul'tura. Vostochnyj variant. Svod arheologicheskikh istochnikov* [Koban culture. The Eastern version. A set of archaeological sources]. Issue B2-5. Moscow: Nauka, 1977. 88 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaya kul'tura. Zapadnyj variant. Svod arheologicheskikh istochnikov* [Koban culture. The Western version. A set of archaeological sources]. Issue B2-5. Volume III. Moscow: Nauka, 1989. 196 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Kul'turno-istoricheskie processy na Severnom Kavkaze v epohu pozdnej bronzy i v rannem zheleznom veke (Uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoj kul'tury)* [Cultural and historical processes in the North Caucasus in the Late Bronze Age and in the Early Iron Age (Key problems of the origin and development of Koban culture)]. Moscow: Nauka, 1996. 164 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Poselok-ubezhishche kubanskoj kul'tury u aula Serzhen'-Yurt v Chechnye kak istoricheskij istochnik (Severnyj Kavkaz)* [The refuge-village of the Kuban culture near the village of Serzhen-Yurt in Chechnya as a historical source (North Caucasus)]. Moscow: Nauka, 2001. 198 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *U istokov gorskogo mentaliteta: mogil'nik epohi pozdnej bronzy – rannego zheleza u aula Serzhen'-Yurt, Chechnya (Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. III)* [At the origins of the mountain mentality: the burial ground of the Late Bronze – Early Iron age near the village of Serzhen-Yurt, Chechnya (Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Issue III)]. Moscow: «Pamyatniki istoricheskoy mysli», 2002. 232 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaya kul'tura i okruzhayushchij mir: (Vzaimosvyazi, problemy sud'by i sledov raznokul'turnyh infil'tracij v mestnoj srede)* [Koban culture and the surrounding world: (Interrelations, problems of fate and traces of multicultural infiltrations in the local environment)]. Moscow: “Taus”, 2013. 252 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I., MOSHINSKY A.P. *Kobanskaya kul'tura Kavkaza: geneticheskie korni i usloviya formirovaniya (tret'ya chetvert' II tys. do n.e.)* [Koban culture of the Caucasus: genetic roots and conditions of formation (the third quarter of the II millennium BC)]. IN: *Istoriko-arheologicheskij al'manah* [Historical and Archaeological Almanac]. Issue 1. Moscow: Armavir: Armavirskij kraevedcheskij muzej, 1995. P. 48–52. (In Russian)

KORENEVSKY S.N., MIMOKHOD R.A. *Kurgany pozdnego perioda bronzovogo veka u stanicy Arhonskaya v Severnoj Osetii* [Burial mounds of the Late Bronze Age near the village of Arkhonskaya in North Ossetia]. Moscow: IA RAN, 2011. 120 p. (In Russian)

KRUPNOV E.I. *Arheologicheskie raboty v Kabarde i Groznenskoj oblasti* [Archaeological works in Kabarda and the Grozny region]. IN: *Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noj kul'tury* [Brief reports of the Institute of the History of Material Culture]. Issue XXXII. Moscow, 1950. P. 85–100. (In Russian)

KRUPNOV E.I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient History of the North Caucasus]. Moscow: Nauka, 1960. 520 p. (In Russian)

MAMONTOV V.I. *O pogrebeniyah pozdnego etapa srubnoj kul'tury v Nizhnem Povolzh'e* [About the burials of the late stage of the log culture in the Lower Volga region]. IN: *Soviet Archaeology*, 1980. No. 1. P. 175–194. (In Russian)

MAKHORTYKH S.V. *Rannie kochevniki Severnogo Prichernomor'ya i okruzhayushchaya sreda* [Early nomads of the Northern Black Sea region and the environment]. IN: *Otochuiuche seredovyshche i starodavnē naseleñnia Ukrainy* [The Environment and the ancient population of Ukraine]. Kiiiv: 1993. P. 44–46. (In Russian)

MAKHORTYKH S.V. *O biritualizme v pogrebal'nom obryade belozyorskoy kul'tury* [About biritualism in the funeral rite of the Belozersk culture]. IN: *Perekhod ot epohi pozdnej bronzy k epohe zheleza v Severnoj Evrazii. Materialy Kruglogo stola 23–24 iyunya 2011 goda* [The transition from the Late Bronze Age to the Iron Age in Northern Eurasia. Materials of the Round table on June 23–24, 2011]. St. Petersburg: Institute of the History of Material Culture. State Hermitage Museum, 2011. P. 31–34. (In Russian)

MUNCHAEV R.M. *Raskopki Bamutskih kurganov v 1965 godu* [Excavations of the Bamut mounds in 1965]. IN: *Arheologo-etnograficheskij sbornik* [Archaeological and ethnographic collection]. Volume II. Grozny: Chechen-Ingush Research Institute of History, Language and Literature, 1968. P. 131–151. (In Russian)

NOVOCHIKHIN A.M. *Naselenie Zapadnogo Zakuban'ya v pervoj polovine I tysyacheletiya do n.e. (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov)* [The population of Western Zakuban in the first half of the I millennium BC (based on the materials of funerary monuments)]. Anapa: Redakcionno-izdatel'skij otdel SGTUT i KD, 2006. 220 p. (In Russian)

OLKHOVSKY V.S. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' v sisteme vzaimosvyazannyh ponyatij* [Funeral and memorial rites in the system of interrelated concepts]. IN: *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology]. 1986. No. 1. P. 65–76. (In Russian)

POTAPOV V.V. *Kobyakovskie pamyatniki v nizov'yah Dona: problemy poyavleniya i ischeznoventiya* [Kobyakovsky monuments in the lower reaches of the Don: problems of appearance and disappearance]. IN: *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik* [Russian Archeological Yearbook]. 2012. No. 2. P. 287–308. (In Russian)

ROSTUNOVA Rostunova T.Ya., ROSTUNOV V.L. *Prirodno-klimaticheskij faktor v zasedanii Severo-Osetinskoj ravniny v epohu eneolita – srednej bronzy* [Natural and climatic factor in the settlement of the North Ossetian plain in the Eneolithic – Middle Bronze Age]. IN: *Materialy po istorii i arheologii Severnogo Kavkaza* [Materials on the history and archeology of the North Caucasus] Issue 8. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 2007. P. 5–20. (In Russian)

SAVENKO S.N. *Otchet o raskopkah kurganov mogil'nika «Bamutskij povorot» v 1986 g., Groznyj, 1987* [Report on the excavation of burial mounds of the burial ground “Bamutsky turn” in 1986, Grozny, 1987]. Archive of the Institute of Archeology of Academy of Sciences of Russia. R-1, No. 11727, 11727 “a”. (In Russian)

SAFRONOV V.A. *Hronologiya pamyatnikov II tys. do n.e. yuga Vostochnoj Evropy. Dissertaciya na soiskanie kand. istorich. nauk* [Chronology of monuments of the II millennium BC of the South of Eastern Europe. Dissertation for the Candidate of Historical Sciences]. IN: *Nauchno-otraslevoj arhiv IA RAN. F-1. R-1. No. 2078*. [Scientific and branch archive of Institute of Archeology of Academy of Sciences of Russia. F-1. R-1. No. 2078]. Moscow, 1970. (In Russian)

SOROKINA I.A. *O prikubanskom variante srubnoj kul'tuno-istoricheskoy obshchnosti* [About the Prikubansky variant of the log cultural and historical community]. IN: *Drevnosti Stavopol'ya. Sbornik nauchnyh statej. Otv. red.: R.M. Munchaev* [Antiquities of Stavopol. Collection of scientific articles]. Moscow: Nauka, 1989. P. 279–282. (In Russian)

CHECHENOV I.M. *K voprosu o lokal'nyh variantah kobanskoj kul'tury* [On the question of local variants of Koban culture]. IN: *Arheologo-etnograficheskij sbornik* [Archaeological and ethnographic collection]. Vol. 1. Nalchik: “Elbrus”, 1974. P. 14–51. (In Russian)

SHARAFUTDINOVA E.S. *Pamyatniki predskifskogo vremeni na Nizhnem Donu (kobyakovskaya kul'tura)* [Monuments of the pre-Scythian time on the Lower Don (Kobyakovskaya culture)]. IN: *Svod arheologicheskikh istochnikov* [Set of archaeological sources]. Vol. VI–11. Leningrad: Nauka, 1980. 128 p. (In Russian)

ERLICH V.R. *U istokov ranneskifskogo kompleksa* [At the origins of the Early Scythian complex]. Moscow: Gosudarstvennyj muzej Vostoka, 1994. 148 p. (In Russian)

Информация об авторе

С.Б. Бурков – старший научный сотрудник отдела археологии Государственного бюджетного учреждения (ГБУ) «Институт истории и археологии РСО-Алания».

Information about the author

S.B. Burkov – Senior Researcher of the Department of Archeology of the State Budgetary Institution «Institute of History and Archeology of North Ossetia-Alania».

Статья поступила в редакцию 29.06.2022; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 29.06.2022; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-22-31

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В 1920–1930-Е ГГ.

Зарема Мухамедовна Кешева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, kesheva10@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9296-9967>

© З.М. Кешева, 2022

Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные со становлением профессиональной музыкальной культуры народов КБР, рассмотрены так же самодеятельные и народные формы ее бытования. Отмечено, что в народной музыке еще сильно было влияние традиций, но культура народного пения постепенно утрачивалась, из бытовой переходя в концертную сферу. Следуя жесткому курсу ВКП(б), направленному на активное привлечение трудящихся к художественной самодеятельности, появлялось множество музыкальных кружков (хоровых и инструментальных). В новых советских песнях, прославлялся новый быт, новая жизнь, воспитывавшая нового человека с советской ментальностью, для которого интересы государства должны были стоять выше осознания своей этнокультурной и этносоциальной принадлежности. После Октябрьской революции происходит образование профессиональной музыкальной культуры народов КБР. На первом этапе становления активное участие принимали российские специалисты, широко использовавшие в своих сочинениях народные темы, и адаптировавшие их для профессионального классического исполнения. Российские специалисты оказали помощь в организации музыкальной школы, государственной филармонии, Кабардинского и Балкарского государственных хоров и т.д. Сделан вывод о том, что музыкальная культура народов КБР развивалась в русле общесоюзных принципов и подходов партии и правительства СССР, рассматривавших культуру как действенный инструмент воздействия на население с помощью «мягкой силы».

Ключевые слова: музыкальная культура, Кабардино-Балкария, самодеятельная культура, песенное творчество

Для цитирования: Кешева З.М. Становление и развитие музыкальной культуры народов Кабардино-Балкарии в 1920–1930-е гг. // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 22–31. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-22-31

Original article

FORMATION AND DEVELOPMENT OF MUSICAL CULTURE OF THE PEOPLES OF KABARDINO-BALKARIA IN THE 1920–1930-s.

Zarema M. Kesheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, kesheva10@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9296-9967>

© Z.M. Kesheva, 2022

Annotation. The article examines issues related to the formation of professional musical culture of the peoples of the KBR, as well as amateur and folk forms of its existence.

It is noted that the influence of traditions was still strong in folk music, but the culture of folk singing was gradually lost, moving from the household to the concert sphere. Following the strict course of the CPSU(b), aimed at actively attracting workers to amateur art, many musical circles (choral and instrumental) appeared. In the new Soviet songs, a new way of life was glorified, a new life that brought up a new person with a Soviet mentality, for whom the interests of the state had to stand above the awareness of their ethno-cultural and ethno-social belonging. After the October Revolution, the formation of a professional musical culture of the peoples of the KBR took place. At the first stage of formation, Russian specialists took an active part, who widely used folk themes in their compositions and adapted them for professional classical performance. Russian specialists assisted in the organization of a music school, the State Philharmonic Society, Kabardian and Balkar state choirs, etc. It was concluded that the musical culture of the peoples of the KBR developed in line with the all-Union principles and approaches of the party and the government of the USSR, which considered culture as an effective tool for influencing the population with the help of "soft power".

Keywords: musical culture, Kabardino-Balkaria, amateur culture, song creativity

For citation: Keshewa Z.M. Formation and development of musical culture of the peoples of Kabardino-Balkaria in the 1920–1930-s. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 2 (53): 22–31. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-22–31

Период после Октябрьской революции явился временем формирования и укрепления основ профессиональной культуры у большинства народов, входящих в состав Российской Федерации. Определение их государственного статуса в качестве автономных республик и областей стало важнейшим фактором развития национальной культуры. Во всех автономных республиках создавались свои культурные учреждения, выдвигались национальные кадры, развивались печать и литература на родном языке. Значительные сдвиги происходили и в области музыки: возникали новые формы музыкальной жизни, начинали складываться национальные композиторские школы.

Подробно процессы модернизации культуры народов Северного Кавказа в 1920-е гг. проанализированы в диссертации Мамсирова Х.Б. «Большевистская модернизация культурной сферы народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в 20-е годы XX века». Он отмечает, что создание новых форм духовной реорганизации традиционных горских обществ происходило массированно и насильственно. «Концепция перемен, конечно, затрагивала людей, их изменение планировалось осуществлять не только посредством внешних факторов, но и путем проникновения в их внутренний мир. Но эти изменения сводились к политическим действиям, которые, помимо образовательного эффекта, предусматривали (и сменой графики, и ликбезом, и школой, и политико-просветительной работой) агрессивное внедрение «сверху» новых взглядов на мир, на смысл жизни, системы ценностей, убеждения и поведения» [Мамсиров 2005: 44].

Некоторые аспекты развития музыкальной культуры народов Кабардино-Балкарии нашли отражение в работах Г.Х. Мамбетова «Из истории развития социалистической культуры Кабардино-Балкарии» [Мамбетов] и Х.И. Хутуева «Становление и развитие социалистической культуры Кабардино-Балкарии» [Мамбетов]. В них содержится ценный исторический и этнографический материал о становлении и развитии профессионального музыкального искусства Кабардино-Балкарии.

Существует ряд работ этно-культурологического, музыковедческого характера, которые содержат ценную информацию по исследуемой проблематике. Это работы Ш.С. Шу [Шу], Х.Х. Мидова [Мидов], Т.К. Шейблера [Шейблер], А.Н. Соколовой [Соколова], Х.Х. Хавпачева [Хавпачев], Т.А. Блаевой [Блаева].

В условиях первых послереволюционных лет одной из целей, стоявших перед советским государством, было культурное строительство. Росло количество библиотек, изб-читален, кинопередвижек, клубов. При клубах действовали кружки политграмоты, драматический, музыкальный и т.д. Основной задачей клубов было развитие художественной самодеятельности, являвшейся одним из средств

идейного и нравственного воздействия на массы. Для руководства строительством новой культуры в стране в 1920-е гг. был создан специальный орган государственного управления – Народный комиссариат просвещения.

Партия и правительство Советской России, а затем СССР придавали серьезное значение развитию пролетарской культуры, обеспечивавшей идеологическую направленность просветительской работы. Большое значение придавалось эстетическому воспитанию на базе рабочих клубов и районных домов культуры, что должно было способствовать сближению профессионального и самодеятельного искусства и проникновению завоеваний культуры в народные массы. В.И. Ленин задолго до Октябрьской революции в статье «Партийная организация и партийная литература» отмечал: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания... Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность» [Ленин 1968: 101]. Слова Ленина в полной мере можно отнести и к новой пролетарской музыкальной культуре, которая не могла развиваться вне политического контекста. Основой развития профессиональной музыкальной культуры Кабарды и Балкарии служило народное творчество. Возникали песни об Октябрьской революции, о героях Гражданской войны, о труде. Новые песни зачастую создавались на основе знакомых старинных мелодий, что нашло отражение в творчестве народных композиторов Б. Пачева, А. Хавпачева, М.М. Шхагапсоева, И. Кажарова.

Выдающийся поэт-сказитель Б. Пачев родился в селении Нартан Урванского района, в бедной крестьянской семье. Он был современником трех революций, очевидцем Зольского восстания кабардинских крестьян в 1913 г. Наряду с произведениями, полными протеста против угнетения у Бекмурзы было немало песен-плачей. Широкую известность приобрели его произведения «Песнь Махсиды», «Плач Сосруко», «Песня о Каширгове», «Уазы Мурат», «Золка» и мн. др. Песни-плачи Пачева можно приравнять к классическим образцам фольклорного жанра гыбзы (плача). В них было заметно незаурядное музыкально-композиторское дарование основоположника кабардинской художественной литературы. С энтузиазмом воспринял Пачев идеи Октябрьской революции 1917 г., о чем свидетельствовали его произведения «Песня о Ленине», «Мир в трауре» и др. [Пшибиев 1962: 20–47].

Певец-сказитель А. Хавпачев создал песни о советской действительности, о новом быте (например, «Колхозная песня»), в которых было заметно влияние русской советской песни. Стали популярными песни талантливого, самодеятельного композитора, артиста театра и драматурга М.М. Шхагапсоева. Среди них можно назвать песни «Горжусь своей старой», «Урожайная», «Колхозные частушки», а также песни к его комедии «Семья Тамаша» [Шейблер 1957: 177]. К числу любимых народом относились песни популярного композитора-виртуоза И. Кажарова. Его лирические песни, яркие по мелодическому складу, явились несомненным достижением в развитии новых форм советского национального песнетворчества. Песни Кажарова «Рамазан», «Лина», «Таужан», «Щалэ фЫцІэ» («Смуглый парень») и другие прочно вошли в быт народа.

Нередко народные композиторы слагали песни на основе популярных образцов традиционного песенного фольклора. Так возникла, например, «Песня о Конституции» Кажарова. В основу этой песни взята мелодия, которую М. Глинка использовал в «Персидском хоре» из оперы «Руслан и Людмила». Известную

роль в пропаганде музыкального искусства КБАССР сыграл драматический театр. В постановках пьес «Каншауби и Гошагаг», Э.Кардангушева, «Андемиркан» М. Диденко, «Даханаго», «Кызбурун» З. Аксирова (музыка Т.К. Шейблера).

Воздействие музыкальных радиопередач и песен советских композиторов, взаимодействие русской, кабардинской и балкарской музыкальных культур, развитие художественной самодеятельности – все это привело к изменению традиционной народной песни и созданию новой советской национальной песни с изменившимися формой и содержанием. Многие из них исчезали после недолгого бытования, другие, закрепляясь, совершенствуясь, пелись во многих вариантах. Эти песни имели своих авторов, часто нескольких. Особенно полюбившиеся песни так приживались в народе, что со временем как бы теряли свое авторское происхождение, приобретая статус народной. Вместе с развитием культурной жизни республики интенсивно развивалось и песнетворчество народа, обогащенное новыми жанрами и средствами выразительности.

В Кабардино-Балкарской клубной сети широко практиковались конкурсы, смотры художественной самодеятельности. Особой популярностью пользовались музыкальные и танцевальные кружки. В исследовании М.Х. Герандокова даются сведения о том, что к 1936 г. в Кабардино-Балкарии насчитывалось 83 хоровых, 72 музыкальных, 111 танцевальных кружков [Герандоков 1975: 157]. Х.М. Бербеков на тот же период приводит иные данные: 47 хоровых, 57 музыкальных, 57 танцевальных кружков [Бербеков 1956: 215]. Трудно сказать, почему присутствует такой большой цифровой разброс, но в любом случае тот факт, что художественная самодеятельность переживала период активного развития, неоспорим.

Активизирующим фактором для развития самодеятельного и профессионального искусства послужила проведенная в 1931 г. первая Кабардино-Балкарская олимпиада национального профессионального самодеятельного искусства. Олимпиада состоялась в ноябре 1931 г. в Нальчике и проходила в помещениях Ленинского учебного городка и Межсоюзного клуба. В средствах массовой информации того периода высказывалась уверенность в том, что олимпиада поможет организовать народное творчество на новой, социалистической основе, что художественная самодеятельность будет ограждена от религиозно-мистического влияния. Считалось, что дореволюционные песни, воспевающие князей, контрреволюционны, а традиционный национальный танец с магическими песнопениями чужд по духу идеям социалистической революции. Подобные «пережитки» активно искоренялись, нанося тем самым большой урон традиционной национальной культуре.

В газете «Ленинский путь» от 17 ноября 1931 г. в частности отмечалось: «Самобытное искусство горских народностей, разбросанное по аулам в лице музыкантов, певцов, танцоров, гармонистов, зурнистов, рассказчиков, художников, резчиков, поэтов и других, до сих пор недостаточно выявлено. Художественные самодеятельные единицы до сих пор не имели над собой достаточного политического руководства, они не организованы. Неорганизованное искусство мало отражает стройку соцстроительства, мало агитирует за обороноспособность страны, индустриализацию, коллективизацию и другие важнейшие мероприятия партии и правительства. В задачи олимпиады входит организация политического и методического руководства самодеятельными единицами и художественными кружками, организация связи, организация отдельных художественных единиц, направление их творчества на выполнение задач строительства социализма в нашей стране, выявление самородков, талантов и создание условий для их совершенствования» [Культурное строительство 1985: 86–87].

Значение, придаваемое партийным руководством в центре и на местах развитию организованного самодеятельного творчества, подтверждается содержанием грамоты, врученной одному из участников олимпиады Т. Ашурову: «Величайшее

достижение Октябрьской революции – пробуждение и развитие творческой самодельности миллионов рабочих и колхозных масс – является сильнейшим орудием борьбы за генеральную линию партии против оппортунизма, могучим средством организации масс на успешное завершение заключительного года пятилетки, на выполнение второй пятилетки, задача которого превратить все трудящееся население страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» [Культурное строительство 1985: 94].

По результатам олимпиады лучшие танцоры, певцы, гармонисты, другие музыкальные исполнители были делегированы в г. Ростов-на-Дону на краевую олимпиаду горских народов. С большим успехом выступили народные музыканты-гармонисты: И. Кажаров, Х. Хашхожева, М. Амшюков. Выступление артистов из Кабардино-Балкарии было признано успешным, но руководству делегации республики был высказан упрек в том, что выступления самодельных артистов недостаточно связаны с тематикой социалистического строительства, что руководство республики недооценило значение искусства в деле воспитания и мобилизации масс, и искусство Кабардино-Балкарии отстает от темпов ее хозяйственного строительства. Несмотря на высказанные замечания, делегации КБАО решением жюри было присуждено одно из переходящих Красных Знамен первой краевой олимпиады. Отдельные коллективы и многие участники делегации республики получили различные поощрения. Почетными грамотами были награждены: кабардинский хоровой кружок, кабардинская агитбригада, горскоеврейский коллектив, духовой оркестр Нацкавдивизиона и более десяти индивидуальных исполнителей. Балкарский хоровой кружок под руководством А.М. Покровского, Т. Кимов, К. Мзоков, А. Аталиков, Г. Исакова и др. были награждены Почетной грамотой краевой олимпиады и премированы поездкой в Москву на Всесоюзную Олимпиаду искусств.

Одной из участниц олимпиад в Нальчике и Ростове-на-Дону была талантливая, самобытная гармонистка К.И. Каширгова. Она родилась в 1899 г. в селении Кашироково (ныне пос. Кенже). В 1928 г. Каширгова приобрела большой звучный инструмент, изготовленный знаменитым вятским мастером Ф. Столбовым в 1904 г., и играла на этом инструменте 30 лет. В 1929 г. К. Каширгову пригласили в Нальчик на радиостудию, и с этого момента гармонистка стала частым ее гостем. В 1931 г. вместе с лучшими певцами и музыкантами республики была награждена Почетными грамотами за участие в олимпиаде искусств горских народностей в Нальчике и Ростове-на-Дону. Популярны стали сочиненные ею кафы «Любовная» и «Партизанская». Осенью 1933 г. Каширгова поступила на работу в Кабардино-Балкарский Государственный ансамбль песни и пляски. С ее приходом в коллективе образовалось популярное трио исполнителей на национальных инструментах: Т.Р. Ашуров (зурна), А.А. Исаков (доул), К.И. Каширгова (гармоника). В 1934–1937 гг. ансамбль песни и пляски завоевывал одно из первых мест на олимпиаде в Пятигорске и Ростове-на-Дону. Большая заслуга в этом принадлежала К.И. Каширговой, ее виртуозному сопровождению танцев. Она сочиняла мелодии на стихи кабардинских поэтов, сама писала стихи для своих песен. Так были созданы ее песни «Партия», «Памяти поэта Али Шогенцуклова», «Колхозные поля», «Заздравная» («Хох»), «Театрализованная кафа» и другие танцы. Форма этих произведений отличается большей сложностью по сравнению с традиционными фольклорными образцами. В 1939 г. решением Президиума Верховного Совета КБАССР К.И. Каширговой было присвоено звание заслуженной артистки КБАССР, в 1953 г. она получила звание народной артистки КБАССР [Шейблер 2001: 56].

Большая роль в собирании, пополнении и распространении мелодий народов Северного Кавказа принадлежала зурнисту-виртуозу Т.Р. Ашурову (1890–1964). По его инициативе в г. Нальчике при радиокомитете в 1927 г. было создано

национально трио в составе: Т. Ашуров (зурна), Х. Алхасов (гармоника), А. Исаков (барабан), пользовавшееся успехом у слушателей.

Следует сказать, что радио в 1920–1940-е гг. являлось наиболее действенным массовым инструментом, с помощью которого население приобщалось к произведениям музыкальной культуры, формировались его музыкальные вкусы. Радио использовалось как средство идеологической работы с массами, оперативной связи, как инструмент управления. В 1922 г. в Кабардино-Балкарии насчитывалось 60 радиоточек. В мае 1927 г. начала работать ширококвещательная радиостанция им. Карашаева. В сообщении в газете «Карахалк» от 7 ноября 1927 г. отмечается: «Совершенно новым, но крайне популярным видом политпросветработы является радиоработа, начавшаяся после установления 1 мая 1927 г. ширококвещательной радиостанции в гор. Нальчике. В настоящее время по области имеется до 50 громкоговорящих лампочных радиоустановок и до 200 детекторных. Передачи ведутся на национальных языках» [Культурное строительство 1985: 164].

В протоколе заседания бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) «Об улучшении радиовещания и радиофикации» от 26 октября 1932 г. отмечено, что «...размах радиофикации и качество радиовещания отстают от возросших, культурных запросов масс. К числу недостатков бюро обкома ВКП(б) относит: 1) невыполнение плана радиофикации области (выполнен только на 50%); 2) неудовлетворительное техническое состояние радиоузлов по области; 3) мало уделяется внимания вопросам радиофикации со стороны профессиональных, хозяйственных и общественных организаций области» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 80–81].

Мерой по преодолению сложившейся ситуации должно было стать доведение музыкально-художественного вещания до 60–65% всего суточного объема. «При этом комитет радиовещания должен всемерно содействовать еще большему и быстрейшему росту литературно-музыкальных творческих сил, создавая новые национальные музыкальные композиции, песни, литературные произведения, переложения лучших классово выдержанных произведений пролетарской музыки на национальные языки и одновременно добиваясь улучшения количественного и качественного литературно-музыкального вещания» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 82].

Радиокомитет уделял серьезное внимание пропаганде музыки народов СССР, систематически звучала классическая музыка, произведения местного музыкального фольклора. Частыми гостями радиостудии были популярные музыканты и певцы И. Кажаров, К. Каширгова, Э. Шеожев, К. Сижажев, М. Казиев, А. Шогенов, М. Амшоков и другие. В 1933 г. при областном радиокомитете был организован симфонический ансамбль и трио национальных инструментов.

К середине 1930-х гг. встал вопрос о необходимости организации национального профессионального хора. Летом 1937 г. была создана комиссия по отбору способной молодежи для будущего кабардинского хора во главе с А.М. Покровским, который в начале 1930-х гг. преподавал основы музыкальной грамоты будущим педагогам в Ленинском учебном городке, а также руководил хоровым кружком учащихся городка. Затем, после окончания Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, Покровский вернулся в Нальчик и принял активное участие в создании профессионального кабардинского хора. Комиссия отобрала в хор 60 талантливых юношей и девушек, первым его руководителем стал А.М. Покровский. После года напряженной работы 1 февраля 1939 г. состоялась торжественная церемония открытия Кабардинского государственного хора как самостоятельного творческого коллектива и был дан первый концерт. Большую работу проводили с хором А.М. Авраамов и А.А. Шогенцуков, закладывавшие основы профессионального национального искусства. А.М. Авраамов (1886–1944), выпускник Московской консерватории, приехал в Кабардино-Балкарию

в 1935 г. и надолго связал свое творчество с музыкальной культурой народов Кабардино-Балкарии. В течение многих лет он собирал музыкальный фольклор народов Северного Кавказа и Кабардино-Балкарии. Он встречался с народными исполнителями И. Кажаровым, К. Сижажевым, А. Хавпачевым, К. Каширговой, Б. Казиевым и другими, записывал исполняемые ими произведения. На основе фольклорного материала Авраамов написал «Фантазию на кабардинские темы», три симфонических танца, музыку к спектаклю «КГуэрыгыуэ» П. Шекихачева и Д. Налоева.

В 1936 г., к празднованию 15-летия автономии Кабардино-Балкарии Авраамов совместно с А.Т. Шортановым написал литературно-музыкальную кантату «Счастье народа». В ее постановке приняли участие 2 500 профессиональных и самодеятельных исполнителей. А. Авраамов признается критиками одним из основоположников советской кабардинской песни. Им были созданы замечательные образцы этого жанра: «Трудовая песня», «Баксанстрой», «Песня стахановцев», лирическая песня «Хамид», «Колыбельная» (на тексты А.А. Шогенцукова), песня-марш «Колхозная на слова А. Кешокова, «Накулен», явившиеся первыми вокальными произведениями для хора в истории развития музыкальной культуры народов КБР, созданные на основе национальных мелодий.

3 августа 1940 г. состоялось открытие Балкарского государственного хора, а вскоре Кабардинский и Балкарский хоры были объединены в единый творческий коллектив – Кабардино-Балкарский государственный хор. Большой вклад в становление и развитие хора, в формирование его репертуара внесли также композитор Т.К. Шейблер, народные певцы А. Хавпачев и И. Кажаров, педагог и концертмейстер В. Першина, поэты К. Кулиев, А. Кешоков, Адам Шогенцуков и другие [Хутуев, Мамбетов 1981: 112–113].

В развитии профессиональной музыки в Кабардино-Балкарии важная роль принадлежала симфоническому оркестру государственной филармонии.

27 октября 1933 г. на заседании бюро Обкома ВКП(б) было принято решение о создании духового и симфонического оркестров: «Организовать областной духовой и симфонический оркестры. Поручить фракции облисполкома рассмотреть и утвердить необходимые расходы на содержание оркестров. Организацию областного духового оркестра поручить учебному городку. Организацию областного симфонического оркестра поручить радиоцентру. Секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б). Калмыков» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 98]. Руководителем был назначен скрипач А.Г. Шахгалдян, ставший впоследствии известным дирижером и композитором. Значимым событием в культурной жизни республики было открытие в Нальчике в 1936 г. детской музыкальной школы.

Как отмечалось ранее, в Кабардино-Балкарии после революционного периода не было профессиональных музыкантов, имевших классическую музыкально-теоретическую подготовку. В этой связи роль, которую сыграли российские специалисты в становлении профессиональной музыкальной культуры Кабардино-Балкарии, трудно переоценить. Начиная с А. Алябьева, посетившего Кавказ в 1816 г. и написавшего две «Черкесские» и «Кабардинскую» песни, российские композиторы неоднократно проявляли интерес к музыке горских народов [Кумехова 2000: 37].

Композитор Т.К. Шейблер, проживший в Кабардино-Балкарии продолжительный период, считал, что два исторических факта имеют значение для будущего музыкальной культуры республики: работа русского композитора-классика М. Балакирева, использовавшего в 1869 г. кабардинский исламей для одноименного фортепианного произведения, и пребывание в Кабарде в 1885 г. русского композитора С.И. Танеева, по достоинству оценившего музыку горцев.

После Октябрьской революции в национальные республики был направлен ряд представителей российской художественной интеллигенции, в том числе и

композиторы, для того чтобы помочь на месте созданию профессиональной музыкальной культуры [Кумехова 2000: 37]. Вопросы музыкального строительства в республике начали серьезно решаться в 1930-е гг., т.к. до этого времени первоочередной задачей являлась организация системы просвещения. Перед российскими композиторами стояла нелегкая задача: им, воспитанным на образцах европейской музыки, пришлось иметь дело с совершенно незнакомой для них музыкальной культурой (порой очень сложной и многообразной) и решать проблему создания новых форм национальной музыки [Хавпачев 1999: 17].

Весомый вклад в становление и развитие профессиональной музыки Кабардино-Балкарии, помимо упомянутого выше А. Аврамова, внес Т.К. Шейблер (1900–1960) – композитор, педагог и музыкальный и общественный деятель. В 1939 г. Т.К. Шейблер приехал жить и работать в Кабардино-Балкарию. Свою деятельность он начал с ознакомления с национальным фольклором, посетил кабардинские и балкарские селения, познакомился с народными музыкантами, записывал песни и наигрыши. Он активно работал с балкарским хором, вел занятия в Нальчикской музыкальной школе. В 1940 г., после окончания театрального института имени Луначарского вернулись из Москвы кабардинская и балкарская труппы и были открыты кабардинский и балкарский профессиональные драматические театры. Т.К. Шейблер написал музыку к пьесе З.К. Кардангушева «Каншоуби и Гошагаг», которая впоследствии была переложена для симфонического оркестра. В 1941 г. композитор написал небольшую поэму «Андемиркан», которая затем была расширена до кантаты. После начала Великой Отечественной войны Т.К. Шейблер совместно с А.А. Шогенцуковым написал песню «Все беритесь за оружие». Осенью 1941 г. Шейблер, немец по происхождению, был выслан из Нальчика на север Урала, в Соликамск.

Помимо упомянутых выше деятелей музыкальной культуры в Кабардино-Балкарии в 1930-е гг. побывал ряд российских композиторов. В республику приезжали и работали над произведениями на национальные темы композиторы Г.Г. Лобачев (1888–1953), Б.С. Шехтер (1900–1962), А.А. Давиденко (1899–1934), И.С. Шапошников (1911–1973).

Таким образом, музыкальная культура народов Кабардино-Балкарии в 1920–1930-х гг. развивалась достаточно активно. Наряду с профессиональными ее формами, продолжали существовать и непрофессиональные, народные. Между ними активную позицию занимало среднее звено – самодеятельное народное творчество, которое по сути таковым не являлось, так как находилось под жестким контролем партийных структур разных уровней. Однако то, что значительная часть населения республики получила возможность приобщения к самодеятельному творчеству, пусть и политизированному, оказало несомненное положительное влияние на духовное развитие народов КБР. В год 100-летнего юбилея автономии Кабардино-Балкарии нельзя не отметить значимость этого события для народов республики, так как с возможностью создания самостоятельного государственного образования, они приобрели основу для построения профессиональных форм культуры, получив на начальном этапе неоценимую помощь от российских специалистов, во многом благодаря которым широкую известность получили профессиональные коллективы КБР.

Список источников

Бербеков 1958 – *Бербеков Х.М.* Образование и развитие кабардинской социалистической нации. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1958. 323 с.

Блаева 1990 – *Блаева Т.А.* Традиционное песенное искусство адыгов: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.02 / ВНИИ Искусствознания. М., 1990. 25 с.

Герандоков 1975 – *Герандоков М.Х.* Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1917–1940 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1975. 239 с.

Кодзоков 1981 – *Кодзоков В.К.* У истоков социалистической культуры // Кабардино-Балкарская правда. 1981. 6 февраля.

Кумехова 2000 – *Кумехова Л.Е.* Основные особенности культуры Кабарды в период, предшествующий созданию национальной композиторской школы // Вопросы Кабардино-Балкарского музыкознания. Нальчик, 2000.

Культурное строительство... 1980 – Культурное строительство в Кабардино-Балкарии, 1918–1941 гг.: Сб. документов и материалов / [Сост. В.И. Горбатовская и др.]. Нальчик: Эльбрус, 1980. Т. 2. 392 с.

Ленин – *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Москва: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 12. С. 99–105.

Мамсиров 2005 – *Мамсиров Х.Б.* Большевицкая модернизация культурной сферы народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в 20-е годы XX века: На материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии: автореферат дис. доктора исторических наук: 07.00.02 / Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова. Нальчик, 2005. 48 с.

Мидов 1995 – *Мидов Х.Х.* Кабардино-Балкарский государственный ансамбль песни и пляски. Нальчик: Эльбрус, 1995. 112 с.

Пшибиев 1962 – *Пшибиев И.Х.* Жизнь и творчество Бекмурзы Пачева. Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1962. 67 с.

Соколова 2002 – *Соколова А.Н.* Пхачич адыгские трещотки. Майкоп: Адыг. гос. ун-т. Ин-т искусств. 2002. 80 с.

УЦДНИ АС КБР – *Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.* Ф. 1. «Кабардино-Балкарский обком ВКП(б)».

Хавпачев 1999 – *Хавпачев Х.Х.* Профессиональная музыка Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1999. 221 с.

Хутуев, Мамбетов 1981 – *Хутуев Х.И., Мамбетов Г.Х.* Государственный ансамбль песни и пляски Кабардино-Балкарии // Из истории развития социалистической культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик: КБИИФЭ, 1981. 201 с.

Хутуев 1984 – *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры Советской Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. 450 с.

Шейблер 1957 – *Шейблер Т.К.* Музыкальная культура Кабардино-Балкарской АССР // Музыкальная культура автономных республик РСФСР. М. Музыкальная культура автономных республик РСФСР. М.: Музгиз, 1957. 407 с.

Шейблер 2001 – *Шейблер Т.К.* Кураца Каширгова // Кураца Каширгова. Нальчик, 2001. 80 с.

Шу 1992 – *Шу Ш.С.* Народные танцы адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1992. 140 с.

References

BERBEKOV H.M. *Obrazovanie i razvitie kabardinskoy socialisticheskoy nacji.* [Formation and development of the Kabardian socialist nation]. Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1958. 323 s.

BLAEVA T.A. *Tradicionnoe pesennoe iskusstvo adygov: avtoreferat dis. ... kandidata iskusstvovedeniya: 17.00.02 / VNII Iskusstvovznaniya.* [Traditional song art of the Adygs: abstract of the dissertation of the Candidate of Art History: 17.00.02 / Institute of Art Studies]. M., 1990. 25 s.

GERANDOKOV M.H. *Kulturnoe stroitelstvo v Kabardino-Balkarii (1917–1940 gg.).* [Cultural construction in Kabardino-Balkaria (1917–1940)]. Nal'chik: Elbrus, 1975. 239 s.

KODZOKOV V.K. *U istokov socialisticheskoy kultury* [At the origins of socialist culture] // Kabardino-Balkarskaya pravda. 1981. 6 fevralya.

KUMEKHOVA L.E. *Osnovnye osobennosti kultury Kabardy v period, predshestvuyushchiy sozdaniyu nacionalnoy kompozitorskoy shkoly* [The main features of Kabarda culture in the period preceding the creation of the National School of Composition] // Voprosy Kabardino-Balkarskogo muzykovedeniya. Nal'chik, 2000.

Kulturnoe stroitelstvo v Kabardino-Balkarii, 1918–1941 gg.: Sb. dokumentov i materialov [Cultural construction in Kabardino-Balkaria, 1918–1941: Collection of documents and materials] / [Sost. V.I. Gorbatsovskaya i dr.]. Nal'chik: Elbrus, 1980. T. 2. 392 p.

LENIN V.I. *Polnoe sobranie sochineniy / In-t marksizma- leninizma pri CK KPSS* [Complete works / In-t of Marxism- Leninism at the Central Committee of the CPSU.]. 5-e izd. M.: Gospolitizdat, 1958–1965. Tom 12. P. 99–105.

MAMSIROV H.B. *Bolshevistskaya modernizatsiya kulturnoy sfery narodov Centralnogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v 20-e gody XX veka : Na materialah Adygei, Kabardino-Balkarii, Karachaev-Cherkessii* [Bolshevik modernization of the cultural sphere of the peoples of the Central and North-Western Caucasus in the 20s of the XX century: On the materials of Adygea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia]: avtoreferat dis. doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02 / Kabard.-Balkar. gos. un-t im. H.M. Berbekova. Nal'chik, 2005. 48 p.

MIDOV H.H. *Kabardino-Balkarskiy gosudarstvennyy ansambl pesni i plyaski* [Kabardino-Balkarian State Song and Dance Ensemble]. Nal'chik: Elbrus, 1995. 112 p.

PSHIBIEV I.H. *Zhizn i tvorchestvo Bekmurzy Pacheva* [The life and work of Bekmurza Pacheva]. Cherkessk: Karachaev-Cherkes. kn. izd-vo, 1962. 67 p.

SOKOLOVA A.N. *Phachich adygskie treshchotki* [Phachich Adyghe rattles]. Maykop: Adyg. gos. un-t. In-t iskusstv, 2002. 80 p.

Upravlenie centra dokumentatsii noveyshey istorii arhivnoy sluzhby kabardino-balkarskoy respubliki (ucdni as kbr) [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. 1. «Kabardino-Balkarskiy obkom VKP (b)».

HAVPACHEV H.H. *Professionalnaya muzyka Kabardino-Balkarii* [Professional music of Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: Elbrus, 1999. 221 p.

HUTUEV H.I., MAMBETOV G.H. *Gosudarstvennyy ansambl pesni i plyaski Kabardino-Balkarii* [Kabardino-Balkaria State Song and Dance Ensemble] // *Iz istorii razvitiya socialisticheskoy kultury Kabardino-Balkarii*. Nalchik: KBIIFE, 1981. 201 p.

HUTUEV H.I. *Stanovlenie i razvitie socialisticheskoy kultury Sovetskoy Kabardino-Balkarii* [Formation and development of the socialist culture of Soviet Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: Elbrus, 1984. 450 p.

SHEYBLER T.K. *Kuraca Kashirgova* [Kuratsa Kashirgova] // *Kuraca Kashirgova*. Nal'chik, 2001. 80 p.

SHEYBLER T.K. *Muzykalnaya kultura Kabardino-Balkarskoy ASSR* [Musical culture of the Kabardino-Balkarian ASSR] // *Muzykalnaya kultura avtonomnykh respublik RSFSR*. M.: Muzgiz, 1957. 407 p.

SHU Sh.S. *Narodnye tancy adygov* [Folk dances of the Adygs]. Nal'chik: Elbrus, 1992. 140 p.

Информация об авторе

З.М. Кешева – кандидат исторических наук, зав. сектором новейшей истории.

Information about the author

Z.M. Kesheva – Candidate of Science (History), Head. the Sector of Modern History.

Статья поступила в редакцию 14.06.22; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 14.06.22; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.

Научная статья

УДК: 396.6

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-32-44

ТРАДИЦИОННЫЕ РОДИЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ОБРЯДЫ В СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИКАХ ИНГУШЕЙ

Ася Магомедовна Гетагазова

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, getagazova2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0043-5525>

© А.М. Гетагазова, 2022

Аннотация: В статье рассматриваются семейные родильные и детские традиции в современных обрядовых практиках ингушей. В ходе исследования проведен сравнительный анализ трансформации обрядов, связанных с рождением и детством, в исторической динамике. Описываются факторы, послужившие переосмыслению, изменению, исчезновению, а в некоторых случаях и рождению новых ритуалов родильной обрядности современных ингушей. В основу статьи легли как опубликованные источники, так и результаты полевых исследований, проведенных автором в разных городах и селах Республики Ингушетия в 2021–2022 гг. и позволившие глубже изучить проблемное поле исследуемой темы. В ходе исследования было установлено, что, несмотря на урбанизацию и модернизацию культуры, а также реисламизацию общества, оказавшую основное влияние на родильные и детские обряды, общая структура традиционных практик сохранила уникальную специфику и актуальность по настоящее время.

Ключевые слова: ингуши, обряд, ритуал, рождение, детство, модернизация, урбанизация, исламский фактор, трансформация

Для цитирования: Гетагазова А.М. Традиционные родильные и детские обряды в современных практиках ингушей // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 32–44. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-32-44

Original article

TRADITIONAL MATERNITY AND CHILDHOOD RITES IN MODERN INGUSH PRACTICES

Asya M. Getagazova

Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, getagazova2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0043-5525>

© А.М. Getagazova, 2022

Abstract. The article discusses traditional maternity and child rites in modern Ingush practices. To reveal the stated topic, the work carried out a comparative analysis of the transformation of Ingush ritual practices related to birth and childhood in historical dynamics. Factors that served to rethink, change, disappear, and in some cases the birth of new traditional rituals of maternity rite of modern Ingush are described. The article was based on both published written sources and the results of field studies conducted by the author in different cities and villages of the Republic of Ingushetia in 2021–2022. which made it possible to study the problem field of the studied topic more deeply. Based on the data obtained from the study, it was possible to show that, despite the processes of urbanization, modernization of culture, as well as the reislamization of society in recent years,

which had a main influence on maternity and child ritual practices, the general structure of traditional foundations has retained its unique specificity and relevance to the present.

Keywords: ingushi, rite, ritual, birth, childhood, modernization, urbanization, Islamic factor, transformation

For citation: Getagazova A.M. Traditional maternity and childhood rites in modern ingush practices. Vestnik KBIGI = KBINR Bulletin. 2022; 2 (53): 32–44. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-32-44

Вопросы родильных и детских обрядовых традиций ингушей в научной литературе до настоящего времени не подвергались комплексному изучению. В трудах исследователей чаще встречаются отрывочные и неполные сведения, касающиеся того или иного ритуала обрядов жизненного цикла. Однако есть работы, на основе которых можно проследить за историческими ценностными ориентирами ингушского народа, выраженными в традиционных родильных и детских практиках. Так, обряды ингушей, связанные с деторождением, нашли освещение в работах Б.К. Далгат [Далгат 2008], М.С-Г. Албогачиевой [Албогачиева 2013а; Албогачиева 2013б], П.Х. Акиевой [Акиева 2014], Ф.И. Кудусова [Кудусова 1991] и др. В этих работах этих авторов описаны основные традиционные формы проведения и смыслового содержания родильно-детских обрядов ингушей. Вместе с тем, вопросу изменения обрядности, соблюдаемой в жизненных циклах ингушского общества настоящего времени, в научной литературе внимания уделено еще меньше внимания. Именно этим обусловлена задача автора данной статьи – описать актуальные формы родильных и детских обрядов современных ингушей в сравнении с их историческими прототипами.

Материалы полевых исследований, составившие основу статьи, были собраны автором в ходе полевых экспедиционных выездов в села (Нижние Ачалуки, Долаково) и городов (Магас, Назрань) Республики Ингушетия. Опросы проводились как среди молодежи, так и среди представителей старших поколений. Общение с местными жителями позволило дать объективную оценку социальным процессам, протекающим в обществе. Также в ходе исследования был проведен сравнительный анализ собранных сведений с материалами письменных источников. Это позволило установить, что в настоящее время основными факторами, оказывающими влияние на изменение ингушской обрядности, является урбанизация, модернизация культуры и исламский фактор. Все эти процессы, с одной стороны, оказывают давление на ингушские традиционные устои, а с другой – показывают отличающуюся от исторически сложившейся, но тоже патриархальную, форму построения взаимоотношений. Таким образом, урбанизация, модернизация и религия в отношении ингушской культуры с одной стороны служат некими «истребителями» исторической памяти народа, влекущими частичное стирание национальных традиций и существенное ослабление национальных обычаев, с другой – привносят ряд позитивных изменений в вопросах повышения уровня культурного развития нации, в частности – ухода от суеверий и пережитков языческих верований, а также построения социальных взаимоотношений на новом уровне.

Далее перейдем к рассмотрению обрядов детского цикла, которых коснулись наиболее сильные изменения в настоящее время.

Беременность

Продолжению рода в ингушских семьях всегда придавалось первостепенное значение. Поэтому во все времена с момента появления молодой ингушской невестки в доме мужа вопрос о том, будут ли у нее дети, традиционно волновал не только семью, но и родственников, и даже соседей. Спустя некоторое время после свадьбы (два-три месяца) у свекрови начинали осведомляться,

не ждут ли молодожены «хороших новостей», подразумевая под этим беременность снохи.

Невестку, у которой продолжительное время не наступала беременность, муж и его родственники просили вернуться к родителям или согласиться с ролью старшей жены. В таких случаях обязательно учитывалось согласие самой жены и ее родственников на поставленные ей условия. Если согласие было получено, то муж мог привести в дом вторую жену.

В целом, в ингушском обществе отношение к многоженству негативное, но такие случаи бывали и в старину, и сохраняются в настоящее время [Агиева 2011: 127–128].

К беременной женщине в ингушском обществе особенное отношение. Как и прежде, к будущей маме предъявляются некоторые требования по ведению домашнего хозяйства, но от тяжелого физического труда она бывает освобождена. Небольшая физическая нагрузка в течение беременности у ингушей всегда считалась необходимой для благоприятного исхода родильного процесса. Однако, для ингушских женщин не чужда модернизация семейно-брачных установок, касающиеся беременности и родов. Современные ингушки независимо от места жительства становятся на учет в медицинские учреждения, где они находятся под наблюдением врача, чьи рекомендации в этом вопросе играют важное значение.

Поскольку здоровье ребенка во многом зависит от здоровья и поведения матери во время беременности, ей, как в давние времена, так и в настоящее время запрещалось присутствовать на похоронах и поминках (за исключением тех случаев, когда умерший является близким родственником), сквернословить, смотреть на нездоровых людей, испытывать негативные эмоции. Супруг и его родственники придают особое значение ее прихотям в питании, стараются уберечь ее от переутомлений и сильных стрессов [Албогачиева 2021: 183].

В наши дни к нормам поведения женщины-ингушки, ожидающей на свет появление ребенка, прибавились некоторые религиозные традиции. Так, в последние десятилетия под влиянием в условиях послужила реисламизации общества беременной женщине не полагается соблюдать пост («ураза»), но сохраняется обязанность совершать намаз.

Все еще сохраняет свою актуальность обычай избегания будущими матерями близких родственников. В прошлом ингушская женщина, одновременно гордясь признаками беременности, в то же время стеснялась их, стараясь скрыть от глаз старших родственников – своих и мужа. И сегодня в ингушских семьях придерживаются традиционного этикета, в соответствии с которым невестка сообщает о своей беременности свекрови не напрямую, а через золовку или другую родственницу. Раньше, если женщина не возвращалась для родов к своим родителям, а оставалась в доме супруга, перед началом родовых схваток муж, свекровь, и другие старшие родственники мужа на это время уходили из дома [Абольян, Евлоева 2010: 3]. Сегодня, следуя традиции избегания, роженицу в родовспомогательное учреждение доставляет не муж, а родственники или соседи [Албогачиева 2017: 183].

Рождение

Во всей родильной обрядности ингушей наиболее значительные изменения в наши дни претерпел сам порядок проведения родов. Так, в отличие от своих прапрабабушек, во времена которых родильные процедуры проводились в хлеву, на застланном соломой и покрытом войлоком полу, с участием старших невесток, многодетных соседок, а также, при возможности, опытных повивальных бабок (инг. «бер хьаэца кхалсаг»), сегодняшние ингушки имеют возможность обрести материнство в специализированных родовспомогательных учреждениях как государственных, так и частных, предоставляющих особые условия при дополнительной оплате.

Ушли в прошлое и остались лишь в памяти старших поколений обычаи, связанные с последом и пуповиной. Различные магические действия, нацеленные на облегчение родов, защиту матери и младенца от злых духов, такие как стряхивание подола фартука или юбки женщиной, входящей к роженице с произнесением слов: «Роди так же легко, как легок мой подол» [Батаев, Яхьяева 2010: 3], открытием повитухой всех ящиков, отпиранием замков, разряживанием оружия, раскрытием ножниц, развязыванием узлов и всего, что можно, распусканием кос роженице, а также отпугиванием с помощью огня и железных орудий «враждебных сил» [Абольян, Евлоева 2010: 3], – остались в устных пересказах наших бабушек, которым передавали эти знания их старшие прародители. Современная ингушка далека от описанных суеверий, однако глубоко верит в силу религиозной молитвы. Если наши прародительницы обращались с молитвами о большой плодовитости к богине плодородия Тушоли, покровителю плодородия «Ган-Эрд» [Батаев, Яхьяева 2010: 1], то ингушка сегодняшнего дня адресует все свои мольбы о сокровенном единому Творцу – Аллаху, лишь от него надеясь получить благо и земное счастье.

С укреплением позиций ислама в местной среде, на смену заклинаний, звучавшим из уст ингушских повитух прошлого, сегодня с профессиональными акушерками и гинекологами ингушской национальности, принимающими роды, пришли благословенные слова из текста Священного Корана – «С именем Аллаха Милостивого Милосердного» (мусульм. «Би-сми-Ллахи-р-рахмани-р-рахим»).

Кормление

Во все времена ингушские женщины старались как можно дольше кормить своих детей собственным молоком, либо молоком других кормящих женщин-ингушек. Ребенок оставался на грудном вскармливании до года-полугода, а в иных случаях и до трех лет. Если сохранить грудное вскармливание возможности не было, матери отдавали предпочтение коровьему молоку. Также молочной продукцией осуществляли первый прикорм подросших детей. Этим, скорее всего, объяснялся традиционный дар в виде коровы родственниками по материнской линии в подарок молодой матери, существовавший в прошлом у ингушей. Символически этот подарок означал дополнительную возможность для матери во вскармливании малыша.

В наши дни домашний скот держат далеко не все семьи, поэтому подобные дары давно утратили свою актуальность. К тому же, современные магазины, даже сельские предлагают широкий выбор продукции для прикорма малышей, которым с удовольствием пользуются ингушки. Однако в силу того, что Республика Ингушетия является слабо урбанизированным регионом, здесь еще достаточно развито приусадебное хозяйство и содержание домашней скотины не редкость. Благодаря этому многие мамы-ингушки покупают для ввода дополнительного питания в рацион своих детей натуральную сельско-хозяйственную продукцию, предпочитая ее продовольственным товарам из магазинов.

Пол ребенка

В ингушских семьях всегда существовал культ рождения ребенка. При этом явно проявлялось различное отношение родственников к рождению мальчика и девочки. В сыне ингуши испокон веков видели продолжателя рода, наследника имущества, будущего хозяина дома и опоры в старости. Женщины-ингушки, традиционно находившиеся под покровительством мужчин, тоже культивировали появление на свет мальчиков – своих защитников. Того, кто сообщал благую весть о рождении сына, одаривали особо щедро. В честь рождения сыновей устраивались празднества с угощениями, играми, а в богатых семьях даже спортивными соревнованиями.

Менее ярко отмечали рождение девочек, особенно если их в семье уже было несколько. Как правило, в случаях рождения девочек, празднования ограничивались застольями с приглашением родственниц-женщин, которые непременно приходили с подарками. Девочек ингуши издревле считали гостями в доме и, шутя, называли «чужой человек» (инг. «наьха саг»), то есть временный член семьи, который со временем уйдет «в свой дом» (инг. «ший цагIа») – имеется в виду, выйдет замуж [Агиева 2011: 129].

Как и бездетность, рождение в семье одних девочек могло являться одной из причин развода. Только после рождения сына молодая женщина обретала в семье мужа некоторую свободу, почет и уважение. Не было для женщины-ингушки лучшего пожелания, чем пожелать ей родить сына [Агиева 2011: 127]. По этому поводу у ингушей существовала поговорка: «Счастье мужа – в деловитости, счастье жены – в детях» (инг. «Маьра ираз -хьинарца, сесаг ираз – берашца») [Агиева 2011: 156].

Еще в XX в. матерям нескольких дочерей предлагали давать имена, после которых, якобы могут родиться мальчики: Цаэш – (инг. «не нужна»), Сацийта – (инг. «остановись»), Тойита – (инг. «хватит»).

Однако нельзя сказать, что рождению девочек совсем не радовались, тем более, если они появлялись на свет после нескольких мальчиков [Абольян, Евлоева 2010: 3]. Вместе с тем, нужно отметить, что в настоящее время под влиянием ислама, родители стараются не делать акцент на поле ребенка, считая рождение здорового малыша более важным чем его половая принадлежность.

Обычай одаривания того, кто принес весть о рождении сына или дочери еще актуален для ингушского общества. (инг. «кха бякхачо»). Один из моих информантов по этому поводу говорил, что *«Каждый раз, когда врач из родильного дома соседнего региона – Северной Осетии, где появлялись на свет мои дети (мальчик и две девочки – 1990-е годы), сообщала мне благую весть, я покупал ей за это большой букет цветов и дарил. Знаю даже, что врачи родильных домов соседних регионов, знакомые с этой ингушской традицией, принимая наших женщин, стремятся опередить друг друга и первыми сообщить хорошую новость родственникам, чтобы получить традиционное вознаграждение. Хорошая традиция, красивая и народы объединяет!*

Также я дарил цветы своей супруге, когда она сообщала мне о появлении на свет моих внуков» [ПМА 2022. № 3].

В наши дни в честь рождения детей не устраивают застолий с приглашением гостей. Не проводят игрищ или других особых торжеств, посвященных рождению мальчиков. Рождение здорового ребенка считается большим счастьем, хоть и особое предпочтение к рождению детей мужского пола все еще имеет место. Особенно для старших поколений – дедушек и бабушек – мальчики, по-прежнему, более желанны. Об этом свидетельствует сохранившийся в ингушской культуре свадебный обряд с вручением в руки невесте мальчика младенческого возраста, как символа продолжателя рода, а также многочисленные пожелания невесте-ингушке во время свадьбы родить как можно больше сыновей. Кроме того, о большем предпочтении в рождении мальчиков свидетельствуют живущие и сегодня в народе старинные пожелания. Так, при рождении девочек часто можно услышать: «Пусть она будет сестрой семи братьев!» (инг. «ВорхI веши йиша хийла хьо!»). Такое же пожелание можно услышать и при рождении мальчика: «Пусть он будет братом семи братьев!» – (инг. «ВорхI веши воша хилва хьо!»).

Необходимо отметить, что значительная часть ингушей, посещающая мечеть на пятничной проповеди, слышала, что за воспитание дочерей отец может получить большое вознаграждение, и это может стать причиной его входа в Рай и защиты от огня Ада. «Для того, кто является отцом трёх дочерей, которым он предоставит приют, будет проявлять милость, содержать и выдаст замуж, Рай станет

обязательным». Затем его спросили: «А если он будет иметь двух дочерей, о Посланник Аллаха?» На что он ответил: «Даже если у него две дочери» (аль-Бухари, Ахмад)*. Это знание привнесло в традиционную жизнь общества понимание роли рождающихся девочек (а в будущем матерей), выражающейся в приемственности и передаче народных традиций последующим поколениям.

Но вместе с тем, традиционное общество привыкло видеть в сыне продолжателя рода, заступника, добытчика и поэтому еще и сегодня более желательно рождение сыновей. Еще не редки случаи многоженства, на фоне отсутствия наследников – сыновей.

Имянаречение

Официально наречь ребенка именем (инг. «цИи тилар») по народной традиции родственникам следовало на седьмой день после рождения ребенка. Наречь ребенка именем желательнее было до обряда укладывания в люльку. Долго без имени новорожденного ингуши не оставляли, по народным поверьям, в противном случае он мог вырасти зайкой или безразличным к своим родственникам, стать неуживчивым, скандальным и неуважаемым человеком в обществе. На седьмой день после рождения в доме собирались гости и устраивались танцы. Сами родители редко называли своих детей – это считалось нескромным [Акиева 2014: 98]. По свидетельству Б.К. Далгата, наречение имени в конце XIX в. происходило через традицию подбрасывания нескольких альчиков (игорная (говяжья либо баранья) надкопытная кость) несколькими лицами, выражавшими желание дать имя новорожденному [Далгат 1831: 158]. Чей раньше станет, тот и давал имя ребенку. Мальчиков называли мужчины, девочек – женщины. Давший ребенку имя был обязан сделать ему подарок.

В то же время, если о возможности дать имя никто не спорил, как правило, имя мальчику давал старший из мужчин в семейном коллективе — дед, его брат, брат отца или мать. Если рождалась девочка – наречение вверялось материнской стороне.

Современные ингуши, в отличие от своих предков, не устраивают торжеств в честь имянаречения ребенка – эта традиция почти изжита в современном обществе. Незначительные трансформации произошли и в вопросе, связанном с имянаречением ребенка. Правом давать имя новорожденному по-прежнему обладают как родственники по материнской, так и по отцовской линиям. Однако предпочтительнее предоставлять возможность наречения имени первенца материнской стороне. Последующие дети могут быть названы родственниками и знакомыми по отцовской линии. Таким образом, сам порядок имянаречения претерпел некоторую трансформацию под влиянием времени.

В середине XIX века ингуши чаще всего давали своим детям магометанские имена. Но нередко именами также становились названия животных, птиц, растений или просто предметов: Борц (инг. «волк»), Гамыш (инг. «буйвол»), Цоголь (инг. «лисица»), Алхазыр (инг. «птица»), Ночь (инг. «дуб»), Вочь (инг. «колотушка»), Топчи (инг. «пистолет») и т.д. Также нередко ингуши давали имена уважаемых ими людей, в том числе русских, таких как: Воронцов, Слепцов, Козлов, Кемверт (Кемпфорт), Барон, Генерал, Полковник, Человек и даже Иван, Машка, Саша, Настя, Люба и т.д. [Грабовский 1876: 63].

В последние десятилетия XXI в. имя преимущественно стараются дать мусульманского происхождения (выбираются имена из Корана, из состава семьи или сподвижников Пророка Мухаммада). Данные Государственной службы ЗАГС востребованных имен для мальчиков по-прежнему принадлежит Мухаммаду.

* Изудинов Н. Отцы и дочери в Исламе. URL: <https://as-salam.ru/news/4650/> <https://as-salam.ru/news/4650/> (дата обращения: 12.03.2022).

Далее следуют имена Абдуллах, Умар, Ахмед, Ибрагим. Самым любимым женским именем в последние годы является Хадиджа (Хадижа). Далее следуют имена Айша, Амина, Хава. Однако есть и такие семьи, которые отдают предпочтение ингушским именам. Эти имена в Государственной службе ЗАГС Республики Ингушетия вошли в список редких: Колой, Ази, Нухан. Также среди редких имен такие, как Адия, Раиля, Элисаи, Хайи.

Все так же, как и по старинному обычаю, дающий новорожденному имя делает ему и первый подарок.

У ингушей существовала традиция, в соответствии с которой сестры молодой матери обязательно приходили в гости после рождения ребенка с подарками для него. В ответ свекровь, золовки и другие родственницы снохи готовили особые блюда и подарки для этих почетных гостей (инг. «захалаш»). Мать невестки на это торжество, в соответствии с обычаями избегания, не являлась, но передавала со своими дочерьми подарки младенцу и один – для свекрови, символически служивший выкупом за право появляться перед нею с внуком и нянчить его [Абольшян, Евлоева 2010: 3].

Сегодня эта традиция почти изжита, хотя для старшего поколения она была актуальна в их молодости: *«Когда у моих сестер рождались дети, мы с двумя остальными сестрами по старинной ингушской традиции приходили в гости с подарками для малыша, где нас ждало застолье и ответные подарки от свекрови (раньше – отрезки тканей). Это было обязательной традицией»* [ПМА 2022. № 4].

Современные ингуши соблюдают старинную ингушскую традицию – не приходиться в дом, где появился новорожденный, без подарка для него. Соседи, родственники, знакомые, идя в гости в такой дом (даже если не запланировано), предусматривают подарок (инг. «совлат») для малыша. Женщины сегодня в основном дарят предметы одежды, мужчины предпочитают дарить деньги (сумма не фиксированная).

Теперь под влиянием модернизации культуры, родственники по матери ребенка вне зависимости от его пола готовят «приданное» для первого новорожденного в семье. Масштабы этого приданного порой доходят до того, что теща или другие ближайшие родственники матери присылают в дар своему внуку все, что может быть необходимо для его воспитания на несколько лет вперед: комплект детской мебели (кровать (реже – люлька), шкафы, пеленальный столик), коляска, манеж, ходунки, столики для кормления, весь набор одежды на разные сезоны, игрушки и, при желании, что-либо еще, что может понадобится малышу. Празднествами и застольями процедура передачи детского «приданого» не сопровождается – эта часть традиции перестала существовать.

Люлька (инг. «ага») и обереги

Исторически у ингушей существовала традиция – материнская сторона, кроме упомянутой выше коровы, должна была дарить новорожденному люльку. В наши дни старинную ингушскую младенческую люльку (инг. «ага»), также как и в старину дарят родственники или покупают родители. В былые времена люльку изготавливали исключительно из плодоносящих деревьев (груша, боярышник, грецкий орех) и передавали из поколения в поколение. Теперь люльку делают из различных пород деревьев и не связывают это с символикой сортов деревьев, из которых они изготовлялись. Отступая от языческих атрибутов, с которым был связан культ определенного дерева, современные ингуши полагаются на волю Аллаха и не связывают ее изготовлением с породой дерева. В этой колыбели он лежит до года, а потом с наступлением возрастной активности его вынимают из люльки.

С люлькой, как главным местом нахождения малыша, в былые времена ингуши связывали ряд суеверий и в ней проводили определенные магические оберегающие процедуры. Лишь незначительная часть ингушских мам современности

(в основном – жительницы селений) все еще пользуются люльками, доставшимися им по наследству от старших, либо приобретенными в магазинах. Только теперь ингуши не придают былого значения материалу изготовления детской мебели, не украшают спальное место младенца оберегами в виде ножниц или ножа у изголовья, травами и другими неотъемлемыми магическими атрибутами старинной ингушской колыбели. Здесь сказывается влияние исламского фактора.

В несколько измененном варианте в некоторых ингушских семьях – преимущественно сельских жителей – сохранился обряд, проводимый малышам от сглаза. Раньше перед отходом ко сну вокруг головы ребенка трижды проводили зажженной спичкой, читая заклинания, а затем пряча спичечные коробок под подушкой ребенка [Акиева 2014: 95]. В наши дни вокруг головы больного ребенка трижды обносят щепотку соли, нашептывая религиозные молитвы, после чего бросают соль на огонь. При этом по свидетельствам информантов (г. Назрань), произносятся такие слова:

*«Би-сми-Ллахи-р-рахмани-р-рахим!
(мусульм. «С именем Аллаха Милостивого Милосердного»)
Цу сага (цли) хина
(инг. «Пусть случившиеся с этим человеком (имя»)»
хьам е, бIарьг е, лазар е
(инг. «расстройство, сглаз, болезнь»)
цIераца боагалба,
(инг. «сгорят в огне»)
лаьттагIа гIолба,
(инг. «уйдут в землю»)
михо дIахьолба,
(инг. «развеются ветром»)
хича IачгIолба.
(инг. «канут в воду»)
Моаршал хилда!
(инг. «Здоровья тебе!»)»*

[ПМА 2022. № 6].

С давних времен сохранилось и бытует в ингушской среде поверье о том, что любые семейные события негативного характера, будь то скандал или какое-либо несчастье, могут повлечь за собой болезнь любимого члена семьи, чаще всего ребенка. Если ребенок заболел старшие члены семьи (свекровь, золовка и др.) проводят описанный выше обряд с солью, существующий в ингушском народе еще с языческих времен [Кудусова-Долакова 2005: 190]. После троекратного обведения соли над головой больного со словами заговора, соль бросалась в огонь. По убеждению многих, в том числе некоторых современных ингушей, этот обряд дает явный эффект. Малыши перестают беспричинно плакать, температурить или проявлять другие необъяснимые с медицинской точки зрения недуги.

Частично, хоть и вызывают противоречивое отношение представителей нации, в народе сегодня сохраняются верования в амулеты от дурного глаза и злых сил. Так еще можно встретить малышкой с красными нитями, повязанными вокруг кистей рук: *«Когда моя дочь ждала первенца, мы очень переживали за ее состояние. Она часто испытывала слабость, анализы давали не очень хорошие показатели. Я вспомнила, как советовали наши бабушки повязывать красными лентами кисти девочек и детей, чтобы уберечь их от дурных глаз, и тоже повязала дочери красную нитку на запястье»* [ПМА 2022. № 5].

Некоторые, в основном пожилые люди, все еще верят в ношение булавок на одежде – «от сглаза»: *«Свекровь подарила мне булавку с кулоном в виде глазка. Такие все мы видели в детстве. Она сказала, что следует ее надевать на одежду моего новорожденного малыша от сглаза. Пояснила, что именно эта булавка*

перешла к ней по наследству от ее свекрови, и является своего рода семейной ценностью. Сказать честно, я не стала использовать булавку с глазком в качестве оберега для своего ребенка или еще кого-либо, поскольку знаю, что это противоречит Исламу. Я понимаю, что в нашей религии запрещены какие-либо формы вещественных оберегов. Но сохранила вещьцу как память, чтобы свекровь не обиделась» [ПМА 2022. № 4].

С точки зрения Ислама обереги из различных предметов нельзя использовать. Вместе с тем некоторые мусульмане практикуют надевание на младенцев оберега с текстом религиозного писания (инг. «жай»), за которыми родители обращаются к мулле. Но куда более охотно для лечения от сглаза обращаются к мулле за изречениями из Корана, написанными на бумаге, от болезни. Листок с молитвой кладут в воду, которой затем обмывают ребенка для излечения от недуга.

Первое укладывание в люльку

Обряд первого укладывания в люльку претерпел определенную модернизацию. Этот исторически чисто женский ритуал, символизирующий приобщение младенца к семье, в современности соблюдается не всеми, но несет тот же идейный посыл. Раньше совершить первое укладывание ребенка в люльку доверялось здоровой, плодотворной женщине или девушке, имеющей родителей [Кудусова-Долакова 2005: 187]. Сегодня в кроватку малыша укладывает один из родственников или знакомых семьи (женщина или мужчина), отличающийся благим нравом, крепким здоровьем или другими положительными качествами, которые импонируют родителям. В современном обществе нет традиционного торжественного застолья, предварительного купания и пеленания, которым сопровождался этот ритуал в прошлом. Одна из респонденток сообщила: «Моя свекровь привлекала моего двадцатилетнего деверя для выполнения этой традиции. Трех моих детей в люльку укладывал он, так как, по ее словам, он отличался отменным здоровьем и был лишен вредных привычек» [ПМА 2022. № 3].

В современном обществе нет четкой привязки к конкретным процедурам, связанным с традиционным ритуалом укладывания в люльку. Все зависит исключительно от желания семьи.

Первый постриг волос и ногтей

В отличие от вышеописанного ритуала укладывания ребенка в колыбель, первый постриг волос и ногтей малыша имеет четкий ритуал. Как и в былые времена, на седьмой день ингуши сбрасывают голову новорожденного ребенка от утробных волос. По старинным поверьям, эти волосы делали малыша предрасположенным к сглазу и потому должны были быть особо охраняемы от нечистых сил. Первые волосы и ногти младенца старались сохранить и прятали на свое усмотрение в различные предметы. Так родители, которые хотят, чтобы их ребенок был ученым алимом, кладут ногти и волосы в Коран или Хадисы пророка Муххамада. Те, кто хочет, чтобы их ребенок имел склонности к шитью и моде, кладут их в швейную машинку. Таким образом, родители как бы дают ребенку свое направление в будущую специальность. Стрижет волосы отец ребенка или выбранный ими человек из ближайшего окружения родственников, предварительно сделав омовение и намаз.

В наше время этот ритуал является очень важным с точки зрения ислама и проводится через неделю после рождения. Проведение его является Сунной и выполняется верующими мусульманами неукоснительно. Затем все сбритые волосы взвешиваются на весах и в соответствии с весом волос отдают столько же серебра (можно в денежном эквиваленте) в качестве милостыни беднякам. Волосы малыша кладут в укромное место и хранят дома.

Религиозные обряды в честь детей

С приходом в жизнь ингушей ислама, в традиционную систему плотно вошли обряды, связанные с жертвоприношениями в честь рождения детей. Так, по шариату, за благополучие детей необходимо принести в жертву животное (инг. «кийкьат де»), с приглашением родственников и гостей. За одного ребенка полагается принести в жертву одного барана, однако за мальчика желательно – двух. Если в семье есть семь детей и более, то за всех них – одну телку. Для подобной цели выбирается животное, не имеющее видимых дефектов и достигшее двухлетнего возраста. Считается, что если родители не совершили этот обряд, то это отразится на здоровье детей. Данный обряд предпочтительнее делать в детском возрасте, но допускается и по достижении юношеского возраста. Мясо жертвенного животного делится на три части. Одна остается дома, вторая отдается близким родственникам и третья – сиротам и беднякам, из расчета по 3–4 кг на семью. Родители ребенка должны обязательно приготовить трапезу из жертвенного мяса. После того как мясо будет съедено, кости нельзя выбрасывать в общие помои. Их непременно нужно закопать так глубоко, чтобы животные не смогли их раскопать [Албогачиева 2017: 188].

Также современные ингуши совершают обрезание мальчиков. Обрезание мальчикам делают в разном возрасте, но предпочтительнее до восьми лет, в конце мая и первой половине июня, до начала летнего солнцестояния. В этот период раны заживают быстрее, так как не очень жарко. Обрезание делают врачи, а раньше делали мужчины, имевшие навыки врачевания. По религиозным устоям мальчики, которым не было сделано обрезание, не имеют права резать птицу и скот, поэтому мальчики, прошедшие через обрезание, считают себя взрослыми и по статусу выше сверстников. После совершения операции родственники со стороны матери навещают его, принося ему всевозможные угощения и подарки или деньги [Албогачиева 2017: 188].

Совсем исчез овечьими суевериями и наполненный магическими процедурами, нацеленными на защиту от сглаза, обряд первого шага (инг. «хьалхара когбаккхал»). По материалам Л.Т. Агиевой, в былые времена ингушская мать ребенка завязывала какой-нибудь веревкой его ноги, затем подолом своего платья подхватывала и три раза переводила через порог туда и обратно. После чего ножницами разрезала веревки на его ногах, приговаривая: «Пусть мой ребенок научится ходить, не падает, пусть у него будут здоровые ноги и т.д.» [Агиева 2011: 103].

По сведениям П.Х. Акиевой суеверные традиции в связи с первыми шагами малыша (инг. «когаш водаш») носили символический характер, представляя собой развязывание иллюзорных пут, связывающих ноги ребенка, и проводилось разными способами: «разрезанием» острыми предметами препятствий между ногами, либо проведением между ножек каких-либо предметов. Таким образом исключалась вероятность препятствия злыми силами здоровому хождению ребенка [Акиева 2014: 104].

Сегодня лишь незначительная часть респондентов может назвать схожие обряды, существовавшие в их семьях в недавнем прошлом. Однако, ингушские родители наших дней их не выполняют: *«Когда отец был жив, он рассказывал нам о традиции проведения обряда с петухом, который практиковали ингуши с начинающими ходить детьми. Этот же обряд родители проводили нам. Когда мы с братьями и сестрами только учились ходить, отец пропускал между нашими ногами петуха и после этого его зарезали и готовили в качестве угощения гостям. Смысла обряда я не знаю, но точно помню рассказы отца об обязательности его исполнения»* [ПИМА 2022. № 2].

Обычай избегания детей

Утратил прежнее значение обычай избегания матерью и отцом собственного ребенка при родителях и старших родственниках супруга. Раньше мать-ингушка

не могла не только кормить грудью при родителях и старших родственниках мужа, но и подходить к нему или качать колыбель, даже когда он плачет. Как правило, большую роль в уходе за маленькими детьми в прежние времена играли бабушки, тем более, если они жили со своими женатыми сыновьями [Аболян, Евлоева 2010: 3]. Сегодня многие ингушские семьи также живут несколькими поколениями (в среднем – три поколения), однако обычай избегания родителями своих детей не сохранился. Эта традиция еще живет лишь среди незначительной части ингушских мужчин, которые не проявляют эмоций по отношению к своим детям, не берут их на руки при посторонних людях, подобно тому, как этого требовал этикет предков.

Многодетность

Многодетные двух и трех поколенные семьи, с большим количеством детей считались национальным достоянием ингушского народа. «У ингушей всегда был культ большой семьи, где каждый член буквально с рождения наделен определенными правами и обязанностями по отношению к другим родственникам. И чем больше семья, тем она считалась богаче и сильнее [Албогачиева 2013: 324]. В наши дни также традиционно поощряется и высоко ценится многодетность в ингушских семьях. Дети по-прежнему остаются одним из главных богатств. В среднем в каждой современной ингушской семье имеется по 3–5 детей. Этот показатель значительно ниже, чем даже столетие назад. В ингушских семьях XX в. этот показатель был еще выше, и рождаемость составляла по 7–12 детей в каждой семье.

В значительной своей массе на рождаемости сказалась урбанизация региона. Многие городские жители живут однопоколенной семьей и не имеют возможности, даже при желании иметь много детей. Отсутствие условий жизни, а также помощи бабушек и свекровей, на плечи которых раньше ложилось воспитание детей в многодетных семьях, дали свои плоды.

Но даже при этом в настоящее время Ингушетия находится в лидерах по естественному приросту населения среди субъектов РФ. По данным Государственной службы ЗАГС Республики Ингушетия, рождаемость среди ингушского населения непрерывно растет. В 2018 году составлено 7967 записей актов о рождении, в 2019 году – 8008, в 2020 году – 8520, в 2021 году – 8526 записей актов о рождении. Как отмечает служба, традиционно мальчиков рождается больше, чем девочек: 4407 и 4119 соответственно [Статистические данные (Сведения о регистрации актов гражданского состояния) 2022].

Выводы

На основании изложенного, можно заключить, что современные процессы урбанизации региона, модернизация этнической культуры привели к изменению обрядов, связанных с беременностью и родами. Кроме того, под влиянием исламского фактора появились новые аспекты в структуре почти каждого ингушского обряда, связанного с рождением и детством, а также совсем новые, ставшие национальными, обряды.

Однако, несмотря на закономерные с точки зрения прогресса изменения и исчезновение ряда родильных и детских практик из жизненного обихода ингушей, общая структура традиционных устоев названной категории сохранила свою специфику и актуальность в наши дни. Также осталось совершенно неизменным то, что семейные ценности занимают особое место в жизни каждого ингуша. По убеждениям респондентов, именно через семью сегодня, как и во все времена, происходит межпоколенная передача национальной культуры, ее этикетных норм, а также родного языка. Многовековые национальные традиции служат национальными

идеалами, в связи с чем и по сей день сохраняют свои структурные основы, остаются главным регулятором сложной системы общественных и семейных взаимоотношений в современном ингушском обществе.

Список источников

Источники. Полевые материалы этнографических экспедиций

- ПМА, с. п. Нижние Ачалуки, 2022. № 1;
 ПМА, с.п. Майское, 2022. № 2;
 ПМА, с.п. Чермен, 2022. № 3;
 ПМА, с.п. Плиево, 2022. № 4;
 ПМА, г. Магас, 2022. № 5;
 ПМА, г. Назрань, 2022. № 6;

Источники. Статистические источники

Статистические данные (Сведения о регистрации актов гражданского состояния) // Данные получены из Государственной службы ЗАГС Республики Ингушетия в ответ на запрос автора №1 от 16 февраля 2022 г.

Научная литература

- Абольян, Евлоева 2010 – *Абольян Л.В., Евлоева Ф.М.* Национальные традиции чеченских и ингушских семей в охране здоровья матери и ребенка // Вопросы современной педиатрии. 2010. Т. 9. № 5. С. 138–141.
- Агиева 2011 – *Агиева Л.Т.* Этнография ингушей. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2011. 625 с.
- Акиева 2014 – *Акиева П.Х.* Рождение. Свадьба. Смерть. СПб: Алеф-прес, 2014. 291 с.
- Албогачиева 2017 – *Албогачиева М.С.-Г.* Ислам в Ингушетии: этнография и историко-культурные аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 264 с
- Албогачиева 2013а – *Албогачиева М.С.-Г.* Ингушская женщина в городской и сельской среде / М.С.-Г. Албогачиева // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2013 а. С. 290–330.
- Албогачиева 2013б – *Албогачиева М.С.-Г.* Ислам / М.С.-Г. Албогачиева // Ингуши: коллективная монография. Москва: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 2013 б. С. 317–330.
- Батаев, Яхьяева 2010 – *Батаев Х.М., Яхьяева З.И.* Народное акушерство, родильные обряды выхаживания ребенка у чеченцев и ингушей // Известия ЧГПИ. 2010. С. 86–94.
- Грабовский 1879 – *Грабовский Н.Ф.* Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Вып. 9. Тифлис. 1879. С. 20.
- Далгат 1892–1894 – *Далгат Б.К.* «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг.». М.: ИМЛИ РАН, 2008. 383 с.
- Кудусова-Долакова 2005 – *Кудусова-Долакова Ф.И.* Семья и семейный быт ингушей: конец XIX – начало XX в. Ростов н/Д: Ковчег, 2005. 133 с.

References

Sources. Field materials of ethnographic expeditions

- PMA, Nizhnie Achaluki village, 2022. № 1;
 PMA, Mayskoye settlement, 2022. № 2;
 PMA, Chermen, 2022. № 3;
 PMA, Plievo settlement, 2022. № 4;
 PMA, Magas, 2022. № 5;
 PMA, Nazran, 2022. № 6;

Sources. Statistical sources

Statistical data (Information on civil registration) // Data received from the Civil Registry Office of the Republic of Ingushetia in response to the author's request No. 1 dated February 16, 2022.

Scientific Literature

ABOL'YAN L.V., EVLOEVA F.M. *Natsional'nye traditsii chechenskikh i ingushskikh semei v okhrane zdorov'ya materi i rebenka* [National traditions of Chechen and Ingush families in the protection of maternal and child health]. IN: *Voprosy sovremennoi pediatrii*. 2010. T. 9. № 5. P. 138–141. (In Russian)

AGIEVA L.T. *Etnografiya ingushei*. [Ethnography of the Ingush]. Maikop: Poligraf-YuG, 2011. 625 p. (In Russian)

AKIEVA P.KH. *Rozhdenie. Svad'ba. Smert'*. [Birth. Wedding. Death]. SPb: Alef-pres, 2014. 291 p. (In Russian)

ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Islam v Ingushetii: etnografiya i istoriko-kul'turnye aspekty* [Islam in Ingushetia: ethnography and historical and cultural aspects]. SPb.: MAE RAN, 2017. 264 p. (In Russian)

ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Ingushskaya zhenshchina v gorodskoi i sel'skoi srede*. [Ingush woman in urban and rural environment] / M.S.-G. Albogachieva // *Kavkazskii gorod: potentsial etnokul'turnykh svyazei v urbanisticheskoi srede*. Sankt-Peterburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, 2013 a. P. 290–330. (In Russian)

ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Islam*. [Islam] / M.S.-G. Albogachieva // *Ingushi: kollektivnaya monografiya*. Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe unitarnoe predpriyatie "Akademicheskii nauchno-izdatel'skii, proizvodstvenno-poligraficheskii i knigorasprostranitel'skii tsentr "Nauka", 2013 b. P. 317–330. (In Russian)

BATAEV H.M., YAKHYAEVA Z.I. *People's obstetrics, maternity rites for nursing a child with Chechens and Ingush* // *Izvestia ChGPI*. 2010. P. 86–94.

GRABOVSKII N.F. *Ingushi (ikh zhizn' i obychai)* [Ingushi (their life and customs)]. IN: *SSKG. Vyp. 9*. Tiflis. 1879. S. 20. (In Russian)

DALGAT B.K. «*Rodovoi byt i obychnoe pravo chechentsev i ingushei. Issledovanie i materialy 1892–1894 gg.*» ["Family life and customary law of Chechens and Ingush. Research and materials 1892–1894"]. M.: IMLI RAN, 2008. 383 p. (In Russian)

KUDUSOVA-DOLAKOVA F.I. *Sem'ya i semeinyi byt ingushei: konets XIX – nachalo XX v.* [Family and family life of the Ingush: late XIX – early XX centuries]. Rostov n/D: Kovcheg, 2005. 133 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.М. Гетагазова – аспирант.

Information about the author

A.M. Getagazova – Graduate Student (History).

Статья поступила в редакцию 29.06.2022; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 29.06.2022; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-45-53

ШЦЫПЭ ПРЕВЕРБХЭУ ХЭ-, ДЭ-, ЙЫ-ХЭМ ЛЭЖЬЫГЭЦЭ ЛЪАБЖЭУЖЬ –ХЬ ШАПЫВЭКЛЭ АДЫГЭБЗЭМ КЪЫЩАГЭХЬУ ШХЬЭХУЭНЫГЭХЭР

Дзыгьуанэ Ритэ Хэбалэ ипхьу

Гуманитар кьэхутэныгэхэмклэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет шцэныгэ гуэхушцлэлэ «Урысейм шцэныгэхэмклэ и академием и Кьэбэрдей-Балькьэр шцэныгэ центр» Федеральнэ шцэныгэ центрым» и филиал, Налшык кьалэ, Урысей, dzug.rita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© Дзыгьуанэ Р.Хь., 2022

Аннотаци. Шцыпэ кьэзыгьэлагуэ лъабжэпэхэм лъабжэужь –хь-р пыувэрэ лэжыгэцэ куэд адыгэбзэм кьыхагэхьук. Мы лэжыгэм и мурадыр лъабжэпэхэу хэ-, дэ-, йы-м лъабжэужь –хь-р пыувэрэ кьагэцэ лэжыгэцэцэхэм шеклуэклэ лексикэ, бзэхабзэ шхьэхуэныгэ нэхьышхьэхэм дыщытепсэлъыхьынырщ. Зи гугьу тшцы лъабжэпэхэр зы гупым хохьэ, ахэр кьызэрыгуэклэц, лэжыгэр зыгуэрым и кум, и кьуэцлым кьызэрышхьымкэи зоклуалэ. Шцыпэ, лэныкьуэ зыгьэлагуэ мы превербхэр имыгусэу лъабжэужь –хь-м и закьуэу лэжыгэцэцэм кьышцкьуэркьым. Ауэ лъабжэпэхэм я закьуэу лэжыгэцэцэхэм кьышцкьуэ, апхуэдэхэм деж лэжыгэцэ лъабжэпэхэм псоми зэхуэдэу зы аблаут *ы:э* лэужыгьуэрщ шьидиэр. Гьэпсыклэ зэхэлэ зилэ лэжыгэцэцэхэм лъабжэужь –хь-р шапыувэклэ я лъабжэ кьэхуым шеклуэклэ макьзэблэхьум *э:ы-уэ* зэхуэж. Зэгьусэу абыхэм лэжыгэцэцэ хьейхэр шьцэцэми, плыфэцэми, лэжыгэцэцэми кьатекьхэу кьагэхьуф, лэжыгэцэцэ лъэлэсхэми лъэмылэсхэми кьышцкьуэ. А шьцкьэм тету кьэхуа лэжыгэцэцэ кьытеклахэм дистрибуцэ и лэныкьуэклэ шхьэхуэныгэ гуэрхэр ягьэлагуэми, лъабжэпэхэм я шцыпэ, лэныкьуэ гьэлэгуэн кьалэн нэхьышхьэр яфлэклэдыркьым. Абы нэмышцкьлэ, ахэм мыхьэнэцлэ ягьуэт – лэжыгэр нэсу, зэрышцыту гьэзэцлэ зэрыхуар, зэрызэфлэкар ягьэнагуэ. Дызыкьлэпылэ лэжыгэцэцэ гупым япыувэ лъабжэгьусэхэм псоми объект мыблагэм и шхьэр кьахохьуэр. Ди кьэхутэныгэмкэ нагуэ кьызэрытшцлэмкэ зэпкьрытх лэжыгэцэцэ гупым лъабжэгьусэхэр поувэ зи лъабжэ кьэхуыр макьзэшэ *э-клэ* иухуу кьакьуэ псалъэхэми, апхуэдэу макьзэшэ *ы-клэ* иуххэми. Псалъэцэ лэжыгэцэцэ лъабжэужь –хь-р зыхыхьэхэм сытым дежи я лъабжэ кьэхуым зы аблаут *э:ы* лэужыгьуэрщ кьышхьуэр. Кьэхутэныгэхэм кьызэрагьэлэгуамкэ, *э:ы* макьзэблэхьу лэужыгьуэр бзэм нэхьыбэу шцкьуэклэ, дызыкьлэпылэ лъабжэгьусэхэм кьагэхьуа лэжыгэцэцэхэм а зы аблаут лэужыгьуэрщ шеклуэкьыр, а макьзэблэхьур лэжыгэцэцэхэм я лъэлэс, лъэмылэс мыхьэнэхэм епхауи, езы лъабжэужьми игьэлагуэ лэныкьуэ мыхьэнэр гьэнэгуэнымкэ дэлэпыкьуэгуэ хьууи кьокьуэр.

Зэрыгуэз псалъэхэр: лъабжэгьусэхэр, лъабжэужь, лъэмылэс, макьзэблэхьу, лэжыгэцэцэ, преверб, аблаут

Цитатэ кьызэрыхьыныр: Дзыгьуанэ Р.Хь. Шцыпэ превербхэу хэ-, дэ-, йы-хэм лэжыгэцэцэ лъабжэужь –хь шапыувэклэ адыгэбзэм кьышагэхьу шхьэхуэныгэхэр // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 45–53. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-45-53

Original article

FEATURES OF COMPOUND VERBS WITH PREVERBAM ХЭ-, ДЭ-, ЙЫ-
IN COMBINATION WITH SUFFIX -ХЬ
IN KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE

Rita Kh. Dzuganova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzug.rita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© R.Kh. Dzuganova, 2022

Annotation. The aim of the study is to identify lexical and grammatical features in compound verbs built using local preverbs хэ-, дэ-, йы- in combination with the suffix –хь. A comprehensive analysis of the word-formation possibilities of models with the indicated suffix in the Kabardino-Circassian language is one of the urgent problems. The scientific novelty of this study lies in the identification of all the lexical-grammatical and morphological features of verbs containing the indicated local preverbs in combination with the suffix –хь. The work uses the methods of synchronous, distributive and contextual analysis. The studied monosyllabic preverbs are combined into one group according to their phonetic and morphological structure. In lexico-semantic terms, they converge in the meaning of the origin of the action within something. They form dynamic verbs and are part of transitive and intransitive verbs. The inclusion of local preverbs in the studied models is accompanied by an ablaut alternation in the root *ы:э*, as well as an increase in the number of persons in the derivative verb per person of the indirect object. When the suffix –хь. is attached to the studied preverb verbs, the type of ablaut changes to *э:ы*. The analysis of the material allows us to draw the following conclusions: the studied verbal affixes in the lexico-semantic plan do not lose their main meaning – the expression of spatial and directional meanings, sometimes acquire new shades of thoroughness, the final completeness of the action; the considered affixes can be included in the models both with the final vowel *э* and with the vocal ending *ы*. At the same time, in the root morpheme of suffix verbs, we have one type of ablaut: *э:ы*. The analysis of the material showed that this type of ablaut is the most widespread in the language and the indicated morphological process in the studied models has already been fully completed. In addition, alternations in ablaut, arising through the studied morphemes, affect the transitivity or intransitivity of the verbal meaning, and also complement and clarify the meaning of the verbal action.

Keywords: Derivational morphemes, suffix, intransitiveness, verb, preverb, ablaut

For citation: Dzuganova R.Kh. Features of compound verbs with preverbs хэ-, дэ-, йы- in combination with the suffix –хь in the Kabardino-Circassian language. Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2022; 2 (53): 45–53. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-45-53

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛОВ
С ПРЕВЕРБАМИ ХЭ-, ДЭ-, ЙЫ- В СОЧЕТАНИИ
С СУФФИКСОМ -ХЬ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Рита Хабаловна Дзуганова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzug.gita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© Р.Х. Дзуганова, 2021

Аннотация. Целью исследования является выявление лексико-грамматических особенностей в сложных глаголах, строящихся посредством локальных превербов

хэ-, дэ-, йы- в сочетании с суффиксом -хь. Комплексный анализ словообразовательных возможностей моделей с указанным суффиксом в кабардино-черкесском языке является одной из актуальных проблем. Научная новизна данного исследования заключается в выявлении всех лексико-грамматических и морфонологических особенностей глаголов, содержащих указанные локальные превербы в сочетании с суффиксом -хь. В работе использованы методы синхронного, дистрибутивного и контекстуального анализа. Исследуемые односложные превербы объединяются в одну группу по своему фонетическому и морфологическому строению. В лексико-семантическом плане они сближаются в значении происхождения действия *внутри чего-л.* Они образуют динамические глаголы и входят в состав переходных и непереходных глаголов. Включение локальных превербов в состав исследуемых моделей сопровождается аблаутным чередованием в корне *ы:э*, а также увеличением числа лиц в производном глаголе на лицо косвенного объекта. При присоединении суффикса -хь к исследуемым превербным глаголам меняется тип аблаута на *э:ы*. Проведенный анализ материала позволяет сделать следующие выводы: исследуемые глагольные аффиксы в лексико-семантическом плане не теряют свое основное значение – выражение пространственных и направительных значений, иногда приобретают новые оттенки *тщательности, окончательной завершенности* действия; рассматриваемые аффиксы могут включаться в состав моделей как с конечным гласным *э*, так и с вокальным окончанием *ы*. При этом в корневой морфеме суффиксальных глаголов мы имеем один тип аблаута: *э:ы*. Анализ материала показал, что этот тип аблаута имеет наибольшее распространение в языке и указанный морфонологический процесс в исследуемых моделях уже полностью завершен. Кроме того, чередования по аблауту, возникающие посредством исследуемых морфем, влияют на переходность или непереходность глагольного значения, а также дополняют, поясняют значение глагольного действия.

Ключевые слова: Словообразовательные морфемы, суффикс, непереходность, глагол, преверб, аблаут

Для цитирования: Дзуганова Р.Х. Особенности сложных глаголов с превербами хэ-, дэ-, йы- в сочетании с суффиксом -хь в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 45–53. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-45-53

Щытлэ зыгъэлягуэу лъабжьэпэхэу хэ-, дэ-, йы(и)-р мыхьэнэ и лъэныкьуэклэ нэхъ эклэуаллэ псалъэщлэ лъабжьэгъусэхэу кьалъытэ. Ахэм псалъэщлэ лъабжьэужь -хь кьашыпыувэклэ – лэжыгъэр зыгуэрэм *и кум, и клуэцлым* кьызэрышыхьум, зэрыщеклэуэклымклэ зэгъунэгъу мэхьу [Дзуганова 2005: 25]. Абы имызакъуэу, зи гугъу тцлэ лъабжьэгъусэхэм кьагъэцлэ лэжыгъэцлэхэм я лъабжьэ клэухым кьышыхьу макъзэблэхьухэмклэ зэщхьэщыкълэныгъэ ялэкьым. Апхуэдэу щытми, псалъэщлэ лэжыгъэцлэхэм дызыкълэпылль лъабжьэгъусэхэм езыхэм я щхьэхуэныгъэ гуэрхэри шагъэлягуэу.

Къумахуэ М.И. адыгэбзэ лэжыгъэцлэм и лъабжьэпэхэр я къэхьуклэ, зэхэтыклэ елытауэ гуп зыбжанэу зэхегъэклэ. Лъабжьэпэхэу хэ-, дэ-, йы(и)-хэр щлэныгъэллым зы гупым хегъэхьэ. Ахэр псори кьызэрыгуэклэ превербхэщ. Ауэ кьызытехьуклэ и лъэныкьуэклэ налуэу щыткьым иклэ я тхыдэр адыгэбзэхэм зэдай лексикэм нэхъ жыжъэ зэрымыклэуэр лупщлэ [Кумахов 1989: 230].

Лъабжьэужь -хь-р зыхыхьэ лэжыгъэцлэ кьытеклэхэм зи цлэ кьитлауэ лъабжьэпэхэр шапыувэклэ лексикэ-мышьэнэ кьагъэхьу и лъэныкьуэклэ, дистрибуцэ и лъэныкьуэклэ, морфонологие и лъэныкьуэклэ щхьэхуэныгъэ ялэхэм и зэпкьрыхыныгъэм зырызурэ дыщыкълэпылльыныщ.

Лъабжьэпэ хэ-мрэ лъабжьэужь -хь-мрэ зыпыувэ лэжыгъэцлэхэм зы гуп кьахэбгъэкълэфынуц лъабжьэужьыр ямыгъусэу кьаклуэу, ауэ лэжыгъэцлэм и мышьэнэми зимыхьуэжу. Ахэр куэдэр синонимэгъу зэхуохуж. Превербым и закъуэу лэжыгъэцлэ кьышигъэхьуклэ лъабжьэ клэухым макъзэблэхьу *ы:э* сытым дежи кьышохьу. Щапхьэ: *хэ-гъуэ-н = хэ-гъу(ы)-хьы-н* (зыщлэплэ хэту е хэлъу зыгуэр гъун). *Зи жьаклэ зэщлэклэм лъы тцлар хэгъухьа лыр щхьэгъубжэм кьылуклэри кьыфлым зыхидзац* [Теунэ 1973: 31]. Ауэ лъабжьэужь -хь-р пыувэмэ, нэгъуэщлэ аблаут лэужыгъуэщ дилэр – *э:ы*: Зэхуеплэ: *хэ-шыпсэ-н = хэ-шыпсы-хьы-н* (куэд хьу гуэрэм хэгъуэщэн, щыщ, ещхь хьун). *Ари (хьыдэжэбзыр –*

Гуэцнэху) хамэм **яхэшынсыхьыжыници**, абыкIэ кIэ игъуэтыници ныкъуэкъуэгъум [АбытIэ 2009: 54].

Преверб хэ-мрэ льябжьэужь **-хь**-мрэ зыпыувэ лэжыгъэцIэ гупым льябжьэужьыр ямыгъусэу кышыкIуэкIи, *цIыпIэ* мыхьэнэр куэдрэ кышыцэтонэ. Щапхъэ: *хэ-лхуэ-н* = *хэ-лху(ы)-хьы-н* (щIыпIэ гуэрим и кум, и кIуэцIым щыльхуэн). *Телъу фызым а бэлыхьыр МафIэм цIалэ ныхелъхухьыр* [КIыщокъуэ 2004: 486]. Ауэ льябжьэужьым щIыпIэр игъэнаIуэу кышыкIуи урохьэлIэ: *хэ-гъуэцэ-н* (куэд хуэ гуэрхэм хэзэрыхьын), ауэ *хэ-гъуэцIы-хьы-н* (зы щIыпIэ гуэрим гъуэгур шыпIэ кIуэдын). Щапхъэ: *Шы Iэджи, Iэц Iэджи абрэдджхэм ирахужьэ, абыхэм хэгъуэцэници мыри, – КъэрэцIей цыхэмьдэфым, Хьуд шыхьур иритац абы* [КIэрэф 2009: 192].

Льябжьэгъусэхуэ хэ-мрэ **-хь**-мрэ зэхыхьэу кьагъэцI лэжыгъэцIэхэм нэхьыбэу ущрохьэлIэ лэжыгъэр *хэчыхьауэ, цIыпIэ-цIыпIэхэм* щекIуэкIыу кьагъэлягъуэу. Щапхъэ: *хэ-тхы-хьы-н* (зыгуэрхэр тхауэ зыщIыпIэхэм хэгъэувэн), *хэ-цIэлы-хьы-н* (щIыпIэ-щIыпIэкIэ цIэлэн, хэихьын), *хэ-кы(ы)-хьы-н* (хэчыхьауэ, зэмылуу, ипхьауэ зыгуэрхэм хэтын), *хэ-цыпы-хьы-н* (псори кымьштгэу, хэчыхьауэ зыгуэрхэр кыыхихьын). Щапхъэ: *Хым Iуащхьыблыр хэкъухьауэ Мазэ ныкъуэу псым кыхоц* [КIыщокъуэ 2004: 330]. Зэгъапщэ: *Хэдэ, хэцIыпыхьурэ (Барэ кьауауэ) адыгэхэр кыыхихьу арац: апхуэдэу хьисэн соцI, – жиIац (Кушыкупци)* [МафIэдз 1988: 67].

Льябжьэпэ хэ-мрэ льябжьэужь **-хь**-мрэ лэжыгъэцIэ гуп кьагъэхуэ лэжыгъэр *зэрыщыту, псори* зэфIэкIауэ. Щапхъэ: *хэ-шыпсэ-н* (зыгуэр зыщIыпIэ хэлъу хэзэрыхьын), ауэ *хэ-шыпсы-хьы-н* (зыгуэр зыщIыпIэ щыщ хьун, псори хэзэрыхьын); *хэ-ткIуэ-н* (ткIуаткIуэ гуэр зыщIыпIэ хэхуэн), ауэ *хэ-ткIу(ы)-хьы-н* (зэрыщыту зыщIыпIэ хэзэрыхьын). Щапхъэхэм зэхуеплэ: *Хошыпсыхьыр ар гын гуащIэу* [КIыщокъуэ 2004: 429]. *ГъуцI пхэIэцэхэм кызырагъэдзэклэ вагъэбдзумэ пшэрхэм бахъэ кьащхьэцихьыр цIым тегъуальхьэрт, куэдрэ темьлэу хьэуам хэткIухьыжырт* [Гъуэщокъуэ 1973: 89].

ДызыкIэлыплэ лэжыгъэцIэхэм щыIэцIэм кытекIа псалъэ гуп кьахэбгъэщ хьунуш, льябжьэгъусэ хэ-мрэ **-хь**-мрэ зэгъусэу фIэкIа кьэмыкIуэу. Апхуэдэхэм деж зи гугъу тцIы льябжьэгъусэхэм *цIыпIэ* мыхьэнэр яфIокIуэд. Щапхъэ: *хэ-лэжы-хьы-н* (лэжыгъэ гуэрим уи гуащIэдэкI хэлъхьэн, зыгуэр хэщIыхьын), *хэ-псэлъы-хьы-н* (зы Iуэху гуэрим псалъэ хэлъхьэн, зыгуэр хэжылыхьын), *хэ-лIыфIы-хьы-н* (сэбэп хьун мурадкIэ Iуэху гуэрим хыхьэн), *хэ-зэраны-хьы-н* (зы Iуэху гуэрим зэран хэхьухьын, зэблэгъэун). Щапхъэхэм зэхуеплэ: *Астемыри а кьомым яхэпсэлъыхьын фIэфIт, ауэ жиIэн Iэджэ Гъуумар зэрыщысым цхьэкIэ кымьыгъанэу хьуртэжым* [КIыщокъуэ 2005: 195]. *Къэгубжьэ нэужь (Мэржан), сыт хуэдэу мышынэу яхэпсэлъыхьэрт а лIы лейзехьэхэм!* [Хьэх 2013: 237]. *Си адэр куэдэу тхьэмыцкIэу, гугъу ехьу псэуа пэтми, кьаужэ Iуэхум хэлIыфIыхьа фIэкIа, зэи хэзэраныхьакьым* [Теунэ 1973: 78].

ДызыкIэлыплэ льябжьэгъусэхэр щыIэцIэ псалъэпкьым щыпыувэкIэ щIыпIэ, лъэныкъуэ гъэлягъуэн мыхьэнэ нэхьыщхьэр яфIокIуэдри лэжыгъэцIэ кытекIам мыхьэнэцIэ егъуэт. Щапхъэ: *хэ-гупсысы-хьы-н* (гупсысэм иубыдын). *Хьэжып хьэлъэ-хьэлъэу, ину хэгупсысыхьу унэмкIэ кыгъэзэжауэ, куэбжэмрэ унэмрэ я кум лъэбакъуэ дапцэ дэлъми кьитц хуэдэу, кьэкIуэжырт, и цхьэр кыфIэхуауэ* [КIыщокъуэ 2005: 70].

Пычыгъуэзакъуэ лэжыгъэцIэхэм дызыкIэлыплэ льябжьэгъусэхэр шапыувэкIэ зэпхауэ кьокIуэ. Щапхъэ: *хэ-фы-хьы-н* (зыгуэрим хэлъу фын, зэкIуэкIын), *хэ-цIы-хьы-н* (зыгуэрим хэту зыгуэр щIын), *хэ-ку(ы)-хьы-н* (зыгуэр зыщIыпIэ хэкуэн, хэгъэджэрэзыхьын), *хэ-жы-хьы-н* (зыгуэрим хэту зыгуэр жын). Щапхъэхэр: *Ирауд бэнэнкIэ зигъэнищIыркьым, жыхуаIэр арати, уэсым хакухьыр кьыцIыльэтыжырти ар кьытезидзам зридзырт* [КIыщокъуэ 2005: 153]. *Ауэ мыр (пыпхэр) цIым хэтурэ, хьарзынэу хиубыдац, хэжыхьащи, иджы*

зыми цышынэжыркъым [Хьэх 2013: 32]. Зэрынэрылгагъуши, мы шапхэхэм къахош лъабжьэпэ хэ-м къыгъэлгагъуэ *цІыпІэ* мыхьэнэр нэсу къызэрызэтенэр. Лъабжьэужьыр абы и дэІэпыкыуэгъуу къокІуэ.

Лъабжьэпэ хэ-мрэ лэжыгъэцІэ лъабжьэмрэ я зэхуакум фактитивым и лъабжьэпэ -у-р цІэ псалъепкъым къышыувэурэ гъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ лэжыгъэцІэ куэд къагъэхьу. Ахэм лъабжьэужь -хь-р ягъусэуи, ямыгъусэуи къокІуэ, тІум цыгъуэми лэжыгъэцІэм и мыхьэнэм зихьуэжкъым. Шапхэхэм зэхуеплъ: *хэ-у-цэбэ-н* = *хэ-у-цэбы-хьы-н* (зыгуэр зыщІыпІэ хэкъухьын, хэубэрэжыыхьын). (Дылу) *ЕпицІыхьац Гуэцнэхуи, ауэ хьарзынэтэкъым: Егъумыз пицацэр шыпсыранэ набжьэ хихуауэ мывэ ІэгурыхьукІэ хиуицэбыхьт, игъэгъуот, игъэтхьэусыхэт* [АбыгІэ 2009: 45].

ДызыкІэлыпль гупым преверб хэ-м лэжыгъэцІэхэм я щхьэ бжыгъэм объект мыблагъэм (жыжъэм) и щхьэр къахегъахьуэ. Шапхьэ: *ар мэджэрэз* (зы щхьэ зиІэ лэжыгъэцІэ лъэмыІэсщ), ауэ *ар абы хо-джэрэз* = *ар абы хо-джэрэзы-хь* (щхьитІ зиІэ лэжыгъэцІэ лъэмыІэсщ). *Пиэм гъуабжафи хэтиц, ходжэрэзыхь, уафэм уигъэшынуэ зыцІеуфІыцІэ* [Кыщокъуэ 2006: 52].

ШцЫпІэ преверб дэ-мрэ лъабжьэужь -хь-мрэ гъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ лэжыгъэцІэ куэд къагъэхьу. Мы лъабжьэгъусэхэм шыІэцІэми, плыфэцІэми къатекІыу лэжыгъэцІэ хьейхэр къагъэщІ. Лъабжьэпэ дэ-м и закъуэ лэжыгъэцІэ псалъепкъым цышыувэкІэ лъабжьэ кІэухым макъзэблэхьу *ы:э* къыщохьу, ауэ лъабжьэужь -хь-р абы пыувэмэ, нэгъуэщІ аблаут лІэужыгъуэ диІэщ – *э:ы*. Апхуэдэу гъэпсыкІэ зэхэлъ иІэу къэхьуа лэжыгъэцІэ гупым хыхьэ лъабжьэгъусэхэмрэ абы къыщыхьу макъзэблэхьухэмрэ къалэн щхьэхуэ гуэрхэр дэтхэнэми яІэжщ [Дзуганова, Кумыкова 2015: 1543–1544].

ДызыкІэлыпль лэжыгъэцІэхэм превербкІэ къэхьуахэмрэ лъабжьэгъусэхэр зыхыхьэу къэхьуахэмрэ, макъзэблэхьу къыщыхьухэми емылгытауэ, мыхьэнэ зэгъунэгъу яІэу къышынэж шыІэщ. Апхуэдэ лэжыгъэцІэхэр синонимэгъу зэхуохьу. Шапхьэ: *дэ-жейэ-н* = *дэ-жейы-хьы-н* (зэхуаку гуэрэм, къэщІыхьауэ щыт гуэрэм цыжеин); *дэ-Іэбэ-н* = *дэ-Іэбы-хьы-н* = *дэ-Іэбэрэбы-хьы-н* (зыщІыпІэ зыгуэр къэпщтэну е нэгъуэщІ мурадкІэ Іэр дэшияуэ шыІэбэн). *Сыт хуэдизрэ и гуфІакІэм дэмыІэбэрэбыхьами* – *пхьэбгъум хуэдэу джафэт* [ШэджыхьэщІэ 1989: 73].

ШцЫпІэ превербым лэжыгъэр зэхуаку гуэрэм къызэрыщыхьур егъэнаІуэри, а мыхьэнэр зэи фІэкІуэдыркъым, лъабжьэужь -хь-м игъусэу фІэкІа къышчымыкІуэми. Шапхьэ: *дэ-гъуэцы-хьы-н* (гъуэцауэ шцЫпІэ гуэрэм итын), *дэ-пицІэпицІы-хьы-н* (зыгуэр лыхьуэурэ зыщІыпІэ дэлыр зэІыпщІыкІын), *дэ-укІы-хьы-н* (зыгуэр зыщІыпІэ дэубыдауэ шыукІын, цыубэрэжыын). Шапхьэхэм зэхуеплъ: *Жьгъыруужу ар (сундукыр) зэІуихри зыкъомыфІрэ дэпицІэпицІыхьаиц, дыжыын апэситІ къилыхьуэу* [Теунэ 1980: 92]. *ПицІэгъуэпльыр яку дагъэхьэу ирашажьэрэ къыжьэдакъуэжэ, яцхьэщыкІыпІэ кърамыту даукІыхьыну арат (пашипІри зэцэр)* [Къэрмокъуэ 1976: 62].

ГъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ мы лэжыгъэцІэ гупым лъабжьэгъусэхэм зырызу лэжыгъэцІэ къышчысагъэщІкІэ, дэтхэнэми хилъхьэ мыхьэнэр наІуэ мэхьу. Шапхьэ: *дэ-ткІуэ-н* (ткІуэпс-ткІуэпсурэ зыгуэр зыщІыпІэ дэхуэн), *дэ-* шцЫпІэ превербым лэжыгъэр зэхуаку гуэрэм къызэрыщыхьур къегъэлгагъуэ, лэжыгъэцІэ кІэухым къыщыхьу *ы:э* макъзэблэхьум – ар здэгъэза лъэныкыуэр егъэбелджылы. Зэхуеплъ: *дэ-ткІу(ы)-хьы-н* (зыщІыпІэ дэту, дэлыу ткІун). Лъабжьэужь -хь-мрэ *э:ы* макъзэблэхьумрэ лэжыгъэр *нэгъэсауэ* гъэзэщІа зэрыхьуар ягъэнаІуэ. Шапхьэ: *дэ-плъэ-н* (зыгуэрэм и зэхуакум, и кІуэцІым иплъэн), ауэ *дэ-плъы-хьы-н* (зыгуэрэм и зэхуакур, и кІуэцІыр фІыуэ къэпльыхьын). *Локотыш пкІэунэм дэмытцейуэ, бжэ дамэдазэм дэпльурэ уэрамым дэпльмэ* – *нэмыцэ машинипІІ хуэдиз дэту елгагъу* [Кыщокъуэ 2006: 245].

Зи гугъу тщы лъабжьэгъусэхэм шыІэцІэ, плыфэцІэхэм къатекІыу гъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ лэжыгъэцІэхэр къышагъэщІкІэ щхьэхуэныгъэ гуэрхэр ягъэлгагъуэ.

Псалъэм папщІэ, фактитивым и лъабжьэпэ цІэ псалъэпкъым къыпоувэ, щІыпІэ превербым и пэ иту. Щапхъэ: *дэ-у-флейы-хьы-н* (зыгуэрим и зэхуакум, и кІуэцІым фІей щыхъун), *дэ-у-цІыны-хьы-н* (зыгуэрим и зэхуакум, и кІуэцІым цІынэ щыхъун). Зэрынэрылъагъуши, цІэхэм къатекІа апхуэдэ лэжыгъэцІэ гъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэхэм дызыкІэлыпыл лъабжьэгъусэхэр щызэпхаш.

Преверб *дэ*-мрэ лъабжьэужь *-хь*-мрэ зыпыувэ лэжыгъэцІэхэм я щхъэ бжыгъэм хагъахъуэ объект мыблагъэм (жыжъэм) и щхъэ. Щапхъэ: *абы ар ещІ* (щхьитІ зиІэ лэжыгъэцІэ лъэІэсщ), ауэ *абы ар абы де-цІы-хь* (щхьищ зиІэ лэжыгъэцІэ лъэІэсщ). Щапхъэ: *Догуэ, Думэсарэ, уи гуанэ хъунутэкъэ ди къуажэм школ ин дэтицІыхьэр абы Темботрэ Лурэ кІуэуэ хъуатэм?* [КІыщокъуэ 2005: 232]

ЩІыпІэ лъабжьэпэ *йы(и)*-мрэ лъабжьэужь *-хь*-мрэ лэжыгъэцІэ псалъэпкъым пыувэурэ псалъэщІэ куэд къагъэхъу. Лъабжьэужьыр хэмыту преверб *йы-(и)-мкІэ* къэхъуа лэжыгъэцІэхэм я лъабжьэ кІэхым зы аблаут лІэужыгъуэ (*ы:э*) щыдиІэщ. Щапхъэ: *и-ди(йэ)-н* (зыгуэрим и кІуэцІым, и кум зыгуэр щыдиин). ЛъабжьэгъуситІри зыхыхъэ гъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ лэжыгъэцІэхэм я лъабжьэ кІэхым *э:ы* макъзэблэхъу шокІуэкІ. Щапхъэ: *и-ди(йы)-хьы-н* (зыгуэрим и кум зыгуэр щыдиин). *КІанэ дагъэр кхъуэщыным идиухъауэ, бжьын бла, бжьыныху Іэрамэ – сымаджэхэр зыхуей дьдэт Елдар къишар* [КІыщокъуэ 2005: 250]. Лъабжьэпэ *йы(и)*-ми, лъабжьэужь *-хь*-ми, аблаут лІэужыгъуитІми (*ы:э; э:ы*) бзэм къалэн зыбжанэ цагъэзащІэ.

Лъабжьэгъусэ *йы-(и)-мрэ -хь-мрэ* зыхыхъэ лэжыгъэцІэхэмрэ щІыпІэ преверб *йы-(и)-м* и закъуэ къыгъэхъуа псалъэщІэхэмрэ мыхъэнэ зэгъунэгъу яІэу, синонимэгъу зэхуэхъуу къыщыкІуэ щыІэщ. Щапхъэ: *и-уницІэтэ-н=и-уницІэты-хьы-н* (зы куу гуэрим бупщІатгъурэ зыгуэрхэр илхъэн); *и-бэгэ-н=и-бэгы-хьы-н* (зыгуэрим и кумилъу зыгуэр къэпщын, щыбэгын, нэх ин хъун). *Зэхэубэрэжыыхьам хуэдэу Іепкълэпкъыу иІэр узт, и щхъэр зэгуэтхът, и тхъэкІумэхэр вуут, и Іур игъуыцІауэ и бзэгур ибэгыыхьам хуэдэт (Мадинэ)* [Брат 1988: 56].

ДызыкІэлыпыл лъабжьэгъусэхэр зэмыгъусэу лэжыгъэцІэ псалъэпкъым къыщыщымыкІуэхэм деж, *щІыпІэ* гъэлъэгъуэн превербым и мыхъэнэр нэхыбэрэ къыщызэтонэ, лъабжьэужымым и мыхъэнэр наІуэ дыдэу щыткъым, абы превербым и мыхъэнэр (*зыгуэрим ику щІыпІэр*) дигъэнаІуэу къокІуэ. Щапхъэ: *и-шхы-хьы-н* (зыгуэрим и кум зыгуэр щышхын). *Шы лам и ныбэм ишхыыхьа хъэм ещхъу и Іурэри (Якъуб) лыы зацІэщ* [КІыщокъуэ 2006: 232]. Зэхуеплъ: *и-лэжыыхьы-хьы-н* (зыщІыпІэ лэжыгъэ щехъэлІэн, п.п., губгъуэм). *Мыцэ мы губгъуэм илэжыыхьыну къылгыса илгъэсхэр езы губгъуэми щытепца зманхэм я нэхьыфІыпІэт: къеишт уэшхыр, гъатхэм удзыр кІыру къэкІт, лэжыгъэр багъуэт* [КІытІэ 1995: 43].

ГъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ мы лэжыгъэцІэхэм зы гуп къахэбгъэкІыфынущ, лъабжьэужь *-хь-м* куэдрэ, *зыбжанэрэ къытригъээзжу* мыхъэнэ хилхъэу. Апхуэдэхэм деж превербым и мыхъэнэри къызэтонэ. Щапхъэ: *и-ницІэтицІы-хьы-н* (зыгуэрим куэдрэ иІэбыхьын, къыгъэкъэбзыкІын). *Лу къэмыушу мэжей, ницэдджыжыкІэрэ Тембот къыщытэдджым деж, укъэмытэдджуи хъурэ, Думэсарэ нэрыІэбкІэ собэм иницІэтицІыхьурэ дэп зырыз къыгуэтыр зэхуехъэсри мафІэ ещІ, Іусытс трегъуэуэ* [КІыщокъуэ 2005: 89]. Зэхуеплъ: *и-джэрэзы-хьы-н* (зы щІыпІэ гуэрим деж зыбжанэрэ щыджэрэзын). *Яхуеблагъэну нІэцІеижрэ и фІэбэ мацІэу къэкІуа лІым мы Іэгъуэблагъуэм зы дакъыкъэ ныкъуи зыциІэжъэжыну хуеиштэкъымы, чын хъэгъуагъуэм хуэдэу, и нІэм иджэрэзыхьт* [АбытІэ 2005: 212].

Лъабжьэужь *-хь-м* дызытепсэлыхь лэжыгъэцІэхэм ящыщ гупым *нэсауэ*, *зэрыщыту* лэжыгъэр гъээщІа хъуауэ мыхъэнэ хелхъэ, ауэ щыхъукІи превербым и щІыпІэ мыхъэнэр фІэкІуэдъркъым. Щапхъэ: *и-къу(ы)-хьы-н* (зыгуэрим и кум, и кІуэцІым зыгуэрхэм щипхьын, щызэбгъытхъун). *Зауэ мафІэм адыгэщІыр ЗэщІельтыцІэртеджэгухъу, Дзэм диунэркъаунэщІыр, Щыхухъэтишытыр иракъухъу, Мюридыдзэц хэкум иту Зэрызехъэр, псоми хуити* [КІыщокъуэ 2004: 443]. Зэгъапщэ: *и-ллы-хьы-н* (зыгуэрим и кІуэцІым зыгуэр щыліэн). *Красноармеецхэм*

гу кылытатэу фызыр кумбым кърамылгъэфыжатэмэ – зэфIэкIат: Хьэбибэ и кумбыр и мацэ хуэхъужауэ **илIыхьат** [Кыщокъуэ 2006: 235].

ЩытIэ превербым лэжыгъэцIэхэм объект мыблагъэм (жыжьэм) и шхьэр къахегъахъуэ. Щапхъэ: *ар мэ-жей* (зы щхьэ зиIэ лэжыгъэцIэ лъэмыIэсщ), ауэ *ар абы йо-жае* = *ар абы йо-жейы-хь* (щхьитIэ зиIэ лэжыгъэцIэ лъэмыIэсщ). Щапхъэ: *Колпашевэ десылIэным километр зытIуц нэхъ имыIэжу, зы пцэдджыжъ гурьым, мо къэакъым ижеихъар (Нану-Пакъэ) сыкъызыциуужауэ* [АбытIэ 2012: 122].

Зэпкърыхыныгъэ едгъэкIуэкIам кызыэригъэлыгъэуамкIэ, лъабжьэпэ хэ-, дэ-, йы(и-)-хэм езыхэм щхьэж и щхьэхуэныгъэ гуэрхэр яIэжми, лэжыгъэр зыгуэрэм и кум, и кIуэцIым кызыэрыщыхъумкIэ зэгъунэгъу мэхъу. Пычыгъуэ закъуэ фIэкIа мыхъу мы лъабжьэпэхэм лъабжьэуужь -хь-р ямыгъусэу лэжыгъэцIэ кыгъэхъу. Ауэ лъабжьэуужь -хь-р лъабжьэпэ имыгъусэу лэжыгъэцIэм кыщыкIуэркъым. Лъабжьэпэ лэжыгъэцIэхэм я лъабжьэ кIэухым зы макъзэблэхъу *ы:э* кыщыкIуэмэ, лъабжьэуужь -хь-р пыувэмэ, аблаут лIэужыгъуэм зехъууж *э:ы-уэ*. Мы аблаут лIэужыгъуэм бзэхабзэ щхьэхуэныгъэ куэд къешэ, бзэми нэхъ зыужыныгъэ цигъуэтащ. Ахэм убгъуауэ укIэлъыплъыным лэжыгъэ щхьэхуэ хуэфашцэ.

ТегъэщIапIэхэр Список источников

АбытIэ 2005 – *АбытIэ В.Къ.* Индыл и зы щэху (Одна тайна Волги). Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 2005. 284 н.

АбытIэ 2009 – *АбытIэ В.Къ.* Уанэгъу нэщI (Пустое седло). Черкесск: Лъахэ, 2009. 217 н.

АбытIэ 2012 – *АбытIэ В.Къ.* КIуакIужь (Куакуж). Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 2012. 191 н.

Брат 1988 – *Брат Хь.М.* Ди жьэгум мафIэ щыблэжынщ (Тепло родного очага). Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1988. Н. 1–67.

Гъуэщокъуэ 1973 – *Гъуэщокъуэ Хьу.* Адэмрэ и къуэмрэ (Отец и сын). Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1973. 383 н.

Дзуганова 2005 – *Дзуганова Р.Х.* Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. Нальчик: Эль-фа, 2005. 216 с.

Дзуганова, Кумыкова 2015 – *Дзуганова Р.Х., Кумыкова Д.М.* Принципы описания морфонологических явлений в глаголе кабардино-черкесского языка // *Фундаментальные исследования.* 2015. № 2–7. С. 1542–1545.

Кумахов 1989 – *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.

Къэрмокъуэ 1976 – *Къэрмокъуэ М.* Щихухэр иджыри мэкI (А тополя еще растут). Налшык: Эльбрус, 1976. 384 н.

КIэрэф 2009 – *КIэрэф М.Ж.* Лъэужь е лIэужь (След или наследие). Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 н.

КIытIэ 1995 – *КIытIэ Ф.* Гухэлъ ткIуэпс (Капля мечты). Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1995. 128 н.

КIыщокъуэ 2005 – *КIыщокъуэ А.П.* Хьуэпсэгъуэ нур (Свет мечты) // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Роман. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н.

КIыщокъуэ 2006 – *КIыщокъуэ А.П.* Нал къута (Сломанная подкова) // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Роман. Т. 5. Налшык: Эльбрус, 2006. 688 н. (Н. 183–359).

КIыщокъуэ 2006 – *КIыщокъуэ А.П.* Щынэхужыкъуэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Роман. Т. 4. Налшык: Эльбрус, 2006. 688 н. (Н. 3–182).

КIыщокъуэ 2004 – *КIыщокъуэ А.П.* Тисей // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Т. 1. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н. (Н. 439–493).

КIыщокъуэ 2004 – *КIыщокъуэ А.П.* Елбэздыкъуэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Т. 1. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н. (Н. 428–438).

КIыщокъуэ 2004 – *КIыщокъуэ А.П.* Комор къэрал (Государство Комор) // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Т. 1. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н. (Н. 330–331).

МафIэдз 1988 – *МафIэдз С.Хь.* Мышэ лъэбжьанэ (Медвежья когти). Роман. Налшык: Эльбрус, 1988. 544 н.

Теунэ 1973 – *Теунэ Хь.И. Тхыгъэ кыыхэзахэр* (Избранные произведения). Налшык: Эльбрус, 1973. 412 н.

Теунэ 1980 – *Теунэ Хь.И. Шэджэмокъуэ лъэпкъыр* (Род Шогемоковых). Налшык: Эльбрус, 1980. 568 н.

Хьэх 2013 – *Хьэх С. Лъагъуэр гъуэгум хуоклуэ* (Тропинка ведет к дороге). Роман. Налшык: Эльбрус, 2013. 624 н.

ШэджыхъэщІэ 1989 – *ШэджыхъэщІэ Хь.Т. Мазизэ. Повестхэмрэ расказхэмрэ*. Налшык: Эльбрус, 1989. 296 н.

References

АБЫТИЕ А.К. *Indyl i zy shhjeju* [One secret of the Volga]. Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 2005. 284 p. (In Kabardino-Circassian)

АБЫТИЕ V.K. *Uanjegu njeshhl* [Empty saddle]. Cherkessk: Lahje, 2009. 217 p. (In Kabardino-Circassian)

АБЫТИЕ V.K. *Kmuakluzh'* [Kuakuzh]. Cherkessk: Stavropol' thyltedzapIje. Kjerjeshejshjerdzhjes otdelenje, 2012. 191 p. (In Kabardino-Circassian)

BRAT H. M. *Teplo rodnogo ochaga* [The warmth of the home]. Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1988. P. 1–67. (In Kabardino-Circassian)

ГУЕШНОКУЕ НУ. *Adjemrje kujemrje* [Father and son]. Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1973. 383 p. (In Kabardino-Circassian)

DZUGANOVA R. Kh. *Morfonologicheskie processy v kabardino-cherkesskom slovoobrazovanii* [Morphonological processes in Kabardino-Circassian word formation]. Nal'chik: El'-fa, 2005. 216 p. (In Russia)

DZUGANOVA R.H., KUMYKOVA D.M. *Principy opisaniya morfonologicheskikh yavlenij v glagole kabardino-cherkesskogo yazyka* [Principles of description of morphonological phenomena in the verb of the Kabardian-Circassian language]. IN: Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 2–7. P. 1542–1545.

KUMANOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika adygskih (cherkesskih) jazykov* [Comparative-historical grammar of the Adyghe (Circassian) languages]. M.: Nauka, 1989. 384 p. (In Russia)

KJERMOKUJE M. *A topolya eshche rastut* [And the poplars are still growing]. Nalshyk: Jel'brus, 1976. 384 p. (In Kabardino-Circassian)

KJERJEF M.Zh. *Sled ili nasledie* [Footprint or legacy]. Povesthjer. Nalshyk: Jel'brus, 2009. 572 p. (In Kabardino-Circassian)

KIYTIJE F. *Kaplya mechty* [Dream drop]. Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1995. 128 p. (In Kabardino-Circassian)

KIYSHHOKUJE A.P. *Svet mechty* [Dream light]. IN: Thygjeher tomihym shhyzjehujeh'jesauje. Roman. T. 2. Nalshyk: Jel'brus, 2005. 488 p. (In Kabardino-Circassian)

KIYSHHOKUJE A.P. *Slomannaya podkova* [Broken horseshoe]. IN: Thygjeher tomihym shhyzjehujeh'jesauje. Roman. T. 5. Nalshyk: Jel'brus, 2006. 488 p. (P. 183–359) (In Kabardino-Circassian)

KIYSHHOKUJE A.P. *Shhynjehuzh'ykuje*. IN: Thygjeher tomihym shhyzjehujeh'jesauje. Roman. T. 4. Nalshyk: Jel'brus, 2006. 688 p. (P. 3–182) (In Kabardino-Circassian)

KIYSHHOKUJE A.P. *Tisej* [Tisei]. IN: Thygjeher tomihym shhyzjehujeh'jesauje. Roman. T. 1. Nalshyk: Jel'brus, 2004. 512 p. (P. 439–493). (In Kabardino-Circassian)

KIYSHHOKUJE A.P. *Elbjezdykuje* [Elbezdykue]. IN: Thygjeher tomihym shhyzjehujeh'jesauje. Roman. T. 1. Nalshyk: Jel'brus, 2004. 512 p. (P. 428–438) (In Kabardino-Circassian)

KIYSHHOKUJE A.P. *Gosudarstvo Komor* [State of Comoros]. IN: Thygjeher tomihym shhyzjehujeh'jesauje. Roman. T. 1. Nalshyk: Jel'brus, 2004. 512 p. (P. 330–331) (In Kabardino-Circassian)

MAFIJEDZ S.H'. *Medvezh'i kogti* [Bear claws]. Roman. Nalshyk: Jel'brus, 1988. 544 p. (In Kabardino-Circassian)

TEUNO H'.I. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Nalshyk: Jel'brus, 1973. 412 p. (In Kabardino-Circassian)

TEUNO H.I. *Rod Shogemokovyh* [The Shogemokov family]. Nalshyk: Jel'brus, 1980. 568 p.

НАН S. *Tropinka vedet k doroge* [The path leads to the road]. Nalshyk: Jel'brus, 2013. 624 p. (In Kabardino-Circassian)

НEDZHYN'ESHCHIE Н'.Т. *Mazize* [Mazize]. Povesthjemrje rasskazhjemrje. Nalshyk: Jel'brus, 1989. 296 p. (In Kabardino-Circassian)

Авторым теухуауэ

Дзыгъуанэ Р.Хь. – филологие щIэныгъэхэмкIэ доктор, адыгэбзэ секторым и щIэныгъэ лэжъакIуэ пашэ.

Информация об авторе

Р.Х. Дзуганова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

R.Kh. Dzuganova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 23.05.2022.; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 28.07.2022

The article was submitted 23.05.2022, approved after reviewing 20.06.2022, accepted for publication 28.07.2022

Научная статья

УДК 8П.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-54-61

АДЫГЭБЗЭМ ПСАЛЬЭУХАХЭМ ШАІЭ ЗЭХЭЛЪЫКІЭ НЭХЪЫШХЪЭХЭР

Жылэтеж Хъэжысмел Чылэний и къуэ

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрим» и филиал, Налшык, Урысей, hazismel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6040-9524>

© Жылэтеж Хъ.Ч., 2022

Аннотаци. Адыгэбзэ псальэуха къызэрыкІуэм иІэ зэхэлъыкІэхэм ящыщ зыщ гэзэщІакІуэм и гъэпсыкІэкІэ псальэухар зыхуэдэри. ГъэзэщІакІуэр цІэйІуэ е зыхъуэж псальэзешэм ит хабзэщ. Абы псальэзешэ лъабжыгъусэ пытынкІэ хъунуш, зэуэкІ ІупщІым е мыгъэнэхуа зэуэкІым тещІыхъауэ; псальэзешэ гъэпсыкІэр иІэу къагъэсэбэп мыхабзэу шытынкІи хъунуш. Абыхэм елытауэ адыгэбзэ псальэухам и зэхэлъыкІэ нэхъышхъуэ бзэм къышчыхагъэкІ **цІэйІуэ, зыхъуэж, мыгъэнэхуа** зэхэлъыкІэхэр. Ди лэжыгъэм наІуэ зэрышчыхъуаши, цІэйІуэ гъэпсыкІэр е зыхъуэжыр къыхэхыныр зэлытар лэжыгъэщІэ-гъэзэщІэным и мыхъэнэр араш, н.ж. лъэІэсу е лъэмыІэсу къакІуэ лэжыгъэщІэхэм яубзыху псальэухам цІэйІуэ е зыхъуэж ухуэкІэ иІэныр. Мыбыхэм хыхъэркъым лъэІэсуи лъэмыІэсуи къэкІуэф лэжыгъэщІэхэр. Псальэухахэм ягъуэт зэхэлъыкІэхэр бзэм гуп-гупу гуэшыжа щохъу: цІэйІуэ зэхэлъыкІэм и лІэужыгъуэу бзэм къыхагъэкІ цІэйІуэ зэхэлъыкІэ ІупщІрэ цІэйІуэ мыгъэнэхуа зэхэлъыкІэрэ, зыхъуэж псальэзешэм и лІэужыгъуэу зыхъуэж-гъэнэхуарэ зыхъуэж-мыгъэнэхуарэ. Бзэм и тхыдэр щыхъэт зэрытехуэмкІэ, мыгъэнэхуа зэхэлъыкІэм и закъуэщ пасэрей адыгэбзэм лэжыгъэщІэ лъэІэсхэри лъэмыІэсхэри зыхэт псальэуха къызэрыкІуэм и зэхэлъыкІэу шылар. Абы щыхъэт тохъуэ лъабжэ куу зиІэ псальэжхэм я зэхэлъыкІэр. Къэхутэныгъэхэм къызэрагъэлъэгъуамкІэ, адыгэбзэ псальэухам и зэхэлъыкІэхэм ноби зэхъуэкІыныгъэ гуэрхэр щокІуэкІ. Абы къыхэкІыу мы Іуэхугъуэр адэкІи къэхутэным мыхъэнэшхуэ иІэу къыдолыгътэ.

Зэрыгъуазэ псальэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, псальэуха, зэхэлъыкІэ (цІэйІуэ, зыхъуэж, мыгъэнэхуа), субъект

Цитатэ къызэрыхэхынур: Жылэтеж Хъ.Ч. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм псальэухахэм шаІэ зэхэлъыкІэ нэхъышхъэхэр // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 54–61. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-54-61

Original article

BASIC SENTENCE CONSTRUCTIONS IN KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Khazhismel Ch. Zhiletzhev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, hazismel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6040-9524>

© Kh.Ch. Zhiletzhev, 2022

Annotation. The purpose of the study is to identify the design features of Kabardino–Circassian proposals. A comprehensive analysis of the basic sentence constructions in the Kabardino–Circassian language is one of the urgent problems of modern Adygov studies. The scientific novelty of this study consists in a comprehensive coverage of the main constructions of the Kabardino–Circassian proposal. The methods of synchronous, distributive and contextual analysis are used in the work. In different languages, there are different ways of expressing the subject in a sentence. The Kabardino–Circassian language differs sharply even from related languages in the design of the case of a real subject. The analysis of the material allows us to conclude that in this language nominative and ergative cases are used to express the subject. The choice of case depends on the semantics of the verb, the juxtaposition of its transitive and intransitive forms. The article substantiates the idea that the construction of the Kabardino–Circassian sentence depends on the case. Based on the involvement of a large illustrative material, it is established that there are nominative, ergative and indefinite constructions in the Kabardino–Circassian language. The presence of an indefinite construction is one of the features of the structure of the Kabardino–Circassian proposal. The author comes to the conclusion that the indefinite construction is the most ancient, this is confirmed by the fact that it is more common in proverbs and sayings. The paper notes that in indefinite constructions with personal names, the functions of the subject and the object sometimes undergo changes in the expression of the object, which also affect the design of the subject. Thus, in Kabardino–Circassian constructions with proper names, indicators of the nominative case *p* and the ergative *m* began to appear as forms of certainty, which is generally not typical for the Adyghe languages.

The article summarizes new material on the topic under study, introduces new linguistic terms in the Kabardino–Circassian language into scientific circulation.

Keywords: Kabardino–Circassian language, sentence, construction (nominative, ergative, indefinite), subject

For citation: Zhiletezh Kh.Ch. Basic sentence constructions in Kabardino–Circassian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 2 (53): 54–61. (In Kabardino–Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-54-61

Научная статья

ОСНОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Хажисмель Чиляниевич Жилетежев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, hazismel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6040-9524>

© Х.Ч. Жилетежев, 2022

Аннотация. Цель исследования – выявление конструктивных особенностей кабардино-черкесских предложений. Всесторонний анализ основных конструкций предложений в кабардино-черкесском языке является одной из актуальных проблем современного адыгovedения. Научная новизна данного исследования состоит в комплексном освещении главных конструкций кабардино-черкесского предложения. В работе использованы методы синхронного, дистрибутивного и контекстологического анализа. В различных языках существуют разные способы выражения субъекта в предложении. По оформлению падежа реального субъекта кабардино-черкесский язык резко отличается даже от родственных языков. Проведенный анализ материала позволяет сделать вывод о том, что в данном языке для выражения субъекта используются именительный и эргативный падежи. Выбор падежа зависит от семантики глагола, противопоставления его транзитивных и интранзитивных форм. В статье обосновывается идея о том, что конструкция кабардино-черкесского предложения зависит от падежной формы подлежащего. На основе привлечения большого иллюстративного материала установлено, что в кабардино-черкесском языке имеются номинативная, эргативная и индефинитная конструкции. Наличие индефинитной конструкции является одной из особенностей структуры кабардино-черкесского предложения. Автор приходит к выводу, что индефинитная конструкция

является наиболее древней, это подтверждается тем, что она чаще встречается в пословицах и поговорках. В работе отмечается, что в индефинитных конструкциях с личными именами в функции субъекта и объекта иногда происходят изменения в выражении объекта, которые влияют и на оформление субъекта. Так в кабардино-черкесских конструкциях при собственных именах стали появляться показатели именительного падежа **р** и эргатива **м**, как формы определенности, что в целом не характерно для адыгских языков.

В статье обобщен новый материал по исследуемой теме, вводятся в научный оборот новые лингвистические термины на кабардино-черкесском языке.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, предложение, конструкция (номинативная, эргативная, индефинитная), субъект

Для цитирования: Жилетежев Х.Ч. Основные конструкции предложений в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 54–61. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-54-61

Адыгэбзэм субъектыр зэрытынкIэ хъуну псалъэзешэм тепщIыхьмэ, ар индоевропейцэхэм, нэгъуэщI бзэ зэльэпкъэгъухэм фIуэ къащхьэщокI, псалъэм папщIэ, дагъыстаныбзэхэм. Къапщтэмэ, урысыбзэм субъектыр цIэиуэ псалъэзешэм и закъуэкIэ къэгъэльэгъуащохъу, дагъыстаныбзэхэм апхуэдэ мурадкIэ цIэиуэ, зыхъуэж, зыгунэI е щыпIэ псалъэзешэхэм щыщ гур къагъэсэбэп. Абыхэм къащхьэщыкIыу, къэбэрдей-шэрджэсыбзэм субъектыр къызэрыщыкIуэр цIэиуэ е зыхъуэж псалъэзешэхэм итуш, ари лэжыгъэцIэм и мыхьэнэм, лъэлэс-лъэмыIэс гъэпсыкIэхэм елытащ. Адыгэ бзэщIэныгъэм зиубгъуауэ мыпхуэдэ епльыкIэ щыIэщ: псалъэухам и зэхэлыкIэр зэлытар гъэзэщIакIуэр зэрыт (къызэрыкIуа) псалъэзешэ гъэпсыкIэр арауэ. Абы ипкъ иткIэ бзэм кыхагъэкI цIэиуэ, зыхъуэж, мыгъэнэхуа зэхэлыкIэхэр [Кабардино-черкесский язык 2006: 483].

Апхуэдэу псалъэухам и зэхэлыкIэхэр гъэбелджылыным мыпхуэдэ Iуэхугъуи кыхэлытапхьэщ: псалъэухам и зэхэлыкIэр зэрагъэбелджылы щыкIэр зэпхар субъектыр зэрыт псалъэзешэм и закъуэкым, сыту жыпIэмэ псалъэзешэ зэпэщIэувэ зимыIэ абхъазыбзэмрэ абазэбзэмрэ къащхьэщыкIыу (абыхэм псалъэухам и зэхэлыкIэр убзыхуа зэрыщыхур лэжыгъэцIэм пыувэ субъект-объект фашхэрщ), къэбэрдей-шэрджэсыбзэм псалъэухам и зэхэлыкIэхэр яубзыху лэжыгъэцIэм пыувэ субъект-объект лъабжэпэхэмрэ субъектыр зэрыт псалъэзешэмрэ зэгъусэу, н.ж. лэжыгъэцIэ-цIэ щыкIэкIэ.

ЦIэиуэ гъэпсыкIэмрэ зыхъуэжымрэ кыхэхыныр зэлытар лэжыгъэцIэ-гъэзэщIэным и мыхьэнэр аращ. Лъэлэсу е лъэмыIэсу къакIуэ лэжыгъэцIэхэм, псалъэухам и гъэзэщIакIуэпкъыу икIи и купсэу щыткIэрэ, яубзыху псалъэухам цIэиуэ е зыхъуэж ухуэкIэ иIэныр. Мыбыхэм кыхьэркъым лъэлэсуи лъэмыIэсуи къэкIуэф лэжыгъэцIэхэр.

I. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэ псалъэухам и цIэиуэ зэхэлыкIэр къызэгъэпэща мэху гъэзэщIэну псалъэухам лэжыгъэцIэ лъэмыIэс е нэгъуэщI псалъэ лъэпкъыгъуэ щыхэувэкIэ. Абы щыгъуэми къызэрыкIуэ псалъэпкъыу щыт лэжыгъэцIэхэм зы щхьэщ къагъэлыгъуэр – цIэиуэ псалъэзешэм ит субъектым ейр: *А-р #тхаш;* *ЩIалэ-р #щысыц.* ЛэжыгъэцIэ щхьэбэхэм деж псалъэухам мыблагъэ объект кыхоувэ: *А-р лы-м #е-псалъащ;* *ЩIалэ-р хьыджэбз-хэ-м #я-хуэзащ.*

ЦIэиуэ зэхэлыкIэм и лIэужыгъэу бзэм кыхагъэкI:

1. **ЦIэиуэ зэхэлыкIэ IупщI.** Мыбыхэм хэт гъэзэщIакIуэм псалъэзешэ кIэух пытщ. ГъэзэщIакIуэм и синтаксис квалэныр апхуэдэ псалъэухахэм щагъэзэщIэфынуш:

– зэуэкI IупщI гъэпсыкIэм ит щыIэцIэ зэдайхэм: *Хьыджэбзы-р аргуэру мэгупсысэ* [ЩоджэнцIыкIу 1962: 52];

– ещанэ щхьэм и щхьэ цIэпапщIэ квалэныр зыгъэзэщIэ **а, мо, мы** зыгъэлыгъуэ цIэпапщIэхэм: *А-р цхьэгъэтыцIэжщ* [Къэрмокъуэ 2004: 6];

– **а, мо, мы** зыгъэлыагъуэ цIэпапщIэхэм ягъэнахуэ щыIэцIэхэм: *А махуэ-р кIуащ* [ЩоджэнцIыкIу 1962: 184];

– унэцIэ къэзыгъэлыагъуэ щыIэцIэ унейхэм: *Аслъэныкыуэ-р къежэежащ* [Къэрмокъуэ 2004: 198];

– **езы, дэтхэнэ, псори** зыгъэналуэ (белджылы) цIэпапщIэхэм: *Псо-р-и абыкIэ арэзы хьуащ* [Къашыргъэ 1957: 201];

– IуэхуцIэ зэхэлъыкIэ псалгэуахэм хэт IуэхуцIэмрэ IуэхуцIэ зэхыхьэмрэ: *Журналым истха-р уэ къызженIарц*;

– куэд бжыгъэм ит щыIэцIэ зэдайхэм:... *ХьэщIэ-хэ-р ялыагъуэ псоми ину Iэгу хуоуэ* [Къэрмокъуэ 2004: 253].

ГъээщIакIуэу псалгэуахэм хэувэ зэуэкI IупщI гъэпсыкIэ зилэ щыIэцIэхэр кIэхыншэу шытыфынукъым, сыту жыпIэмэ кIэхуэ -р-м адыгэбзэм гъэнэхуа къалэнымрэ цIэилуэ псалгээшэ къалэнымрэ зэуэ щегъэзащIэри. Абы кыхэкIыу гъээщIакIуэр зэуэкI IупщIу къыщыхьам деж цIэилуэ псалгээшэм и кIэхуэ -р пымыту къыпхуэгъэсэбэпынукъым.

А, мо, мы зыгъэлыагъуэ цIэпапщIэхэм ягъэнахуэ цIэ-гъээщIакIуэхэр, куэд бжыгъэм ит цIэхэр, унэцIэ къэзыгъэлыагъуэ щыIэцIэ унейхэр гъэнахуэ кIэхуэ -р япыту фIэкIа къагъэсэбэпыркъым.

А, мы, мо зыгъэлыагъуэ цIэпапщIэхэр, **езы, дэтхэнэ, псори** зыгъэналуэ (белджылы) цIэпапщIэхэр, IуэхуцIэмрэ IуэхуцIэ зэхыхьэмрэ псалгэуахэм гъээщIакIуэ къалэн шыщагъэзащIэм деж, цIэм хуокIуэри гъэнахуэ кIэхуэ -р ягъуэт.

2. ГъээщIакIуэм кIэхуэ щимыгъуэт **цIэилуэ мыгъэнэхуа зэхэлъыкIэхэр**. Апхуэдэ псалгэуахэм гъээщIакIуэу хэувэ хабзэщ щыIэцIэ унейхэр (унэцIэхэм нэмыщI); гъээщIэну – щыIэцIэхэмрэ пльыфэцIэхэмрэ: *Аслъэн-# лIы бжыбфIэщ*; *Тэрч-# уэрц*; *Мысост-# егъэджащIуэщ*.

II. Зыхьуэж псалгэуахэм зэхэлъыкIэр кавказыбзэхэм яIэ хэха синтаксис зэхэлъыкIэщ. Ар езыр лэжыгъэцIэ лъэIэсым къыгъэхуэ зэхэлъыкIэщ, абы шыгъуэми лэжыгъэцIэм къегъэув псалгэуахэм цIэуэ тIу хэтын хуейуэ: зыхьуэж псалгээшэм ит нэрылыагъуэ (щыIэ) субъектымрэ цIэилуэ псалгээшэм ит объектымрэ. Абы къыдэкIуэ зэхэлъыкIэм и субъектыр щхьэхуэу езым иIэ зыхьуэж псалгээшэм итщ – ар кавказыбзэхэм яхэлъ шытыкIэщ икIи индоевропей, семит, тырку-тэтэрыбзэхэм апхуэдэ яIэкъым. ЦIэилуэ псалгээшэри – объект гъунэгъум и псалгээшэр – индоевропейибзэхэмрэ нэгъуэщIыбзэхэмрэ я псалгээшэм елытауэ хэхауэ щытщ, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ абы мыкызыэрыгуэкI синтаксис къалэн егъэзащIэри: къыгъэлыагъуэр гъээщIакIуэр аракъым, атIэ хэгъэхуэнырщ, объект занщIэрщ.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм зыхьуэж псалгээшэм и лIэужыгъуэу тIу кыхьэгъэкI мэхуэ: зыхьуэж-гъэнэхуэрэ зыхьуэж-мыгъэнэхуэрэ. Зыхьуэж-гъэнэхуа зэхэлъыкIэхэм гъээщIакIуэу хуовэ лъабжьэгуэс -м пыту зэуэкI IупщIым ит цIэхэр (апхуэдэхэм деж **а, мо, мы** зыгъэлыагъуэ цIэпапщIэхэм лъабжьэгуэс -**бы** ягъуэт): *Хьыджэбзы-м тцIэн цIидзэжащ* [Нало 1993: 368]; *Абазэ-м идэртэкъым бзэгу, гужьгъэжъ, зэкIэцIэлгадэ, зэхуцIуэ сытхэр* [Къэрмокъуэ 2004: 83]; *Астемыр ешым, нэгъуэщIым чэзур еубыдри а-бы желэ, ар ешым, ещанэ-м чэзур лъос, апхуэдэуэ иракъутэкI хьыджэбз хьыбар...* [Нало 1993: 204].

Зыхьуэж-мыгъэнэхуа зэхэлъыкIэ зилэ псалгэуахэм гъээщIакIуэу щыIэцIэ унейхэр хуовэ: *Мурид# зигъэщхьэри жыг лъабжьэм епIащ, жыг лъэдийм Iэ диллащ* [ЩоджэнцIыкIу 1962: 214]; *Хьэжмурид# фочытэр никъузыкIащ* [ШэджыхьэщIэ 1987: 75].

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм зыхьуэж псалгээшэм къышигъэлыагъуэр нэрылыагъуэ (щыIэ) субъектым и закъуэкъым, псалгэм папщIэ, лезгиныбзэм хуэдэу, атIэ даргиныбзэмрэ аварыбзэмрэ хуэдэу зыунэтI, лакибзэм хуэдэу еиныгъэ къалэнхэри, н.къ. егъэзащIэ. Абы шыгъуэми зыхьуэж псалгээшэм еиныгъэ, зыунэтI, адреи мыщIэилуэ псалгээшэхэм я къалэныр щигъэзащIэкIэ, морфологие

и лъэныкьуэкIэ нэхьыбэм зызымышьуэжу щытщ, лэжьыгъэцIэ лъэIэсым дэщIыгы зыхьуэж псалъезешэм ит субъектым елытауэ. Апхуэдэ щхьэхуэныгы кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм и зыхьуэжым зэриIэр лъабжьэ хуэхуаш кьухьэпIэ-кавказыбзэм зыхьуэж зэхэлыкIэм елэжь кьэхутакуэхэр мыпхуэдэ гупсысэм хуэкуэным: мыщIэиIуэ псалъезешэхэм я кьалэныр зыхьуэжым цигьэзащIэр кьежьапIуэ щытщ, нэрылыгагу субъектым и кьалэныр – етIуанэщ.

Псалъэуха зэхэлыкIэхэр кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм, кIахэбзэмрэ убыхыбзэмрэ хуэдэу, зэгъэпэща зэрыщыхьур лэжьыгъэцIэ-цIэ IэмалкIэщ (абхъазыбзэмрэ абазэбзэмрэ – лэжьыгъэцIэ IэмалкIэщ). Абы кьыхэкIыу абхъаз-адыгьэбзэхэм зыхьуэж зэхэлыкIэ лIэужьыгъуэхэм я зыужьыныгъэр лэжьыгъэцIэ лIэужьыгъуэм щытегъэщIауэ щытщ: абхъазыбзэмрэ абазэбзэмрэ иджыри кьухьэпIэ-кавказыбзэхэр зыуэ щыщыта лъэхьэнэм яIа зыхьуэж зэхэлыкIэм пащэ, абы щыгъуэми адыгьэ-убыхыбзэхэм зыхьуэж зэхэлыкIэщIэ цызэфIэуващ.

Абы кьыдэкуэуи иджырей кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм щыболъагуэ езы зыхьуэж зэхэлыкIэр и хабзэхэм кьытекIыу, уеблэмэ зыхьуэжыныгъэм хуэкуэуэ. Ар кьегъэлыгагуэ языныкьуэ зыхьуэж зэхэлыкIэ зиIэ псалъэухахэм гъээщIакуэ е хэгъэхуэн зэрахэмытым. Къапщтэмэ, мыпхуэдэ зэхэлыкIэхэм: *илъэсыр цухащ, пшагъуэр кьытрихуащ* – хэгъэхуэн занщIэр гъээщIакуэ цохьу, лэжьыгъэцIэ лъэIэсыр лъэмыIэс цохьу.

Бзэм узыщрихьэлIэр хэгъэхуэн занщIэр гъээщIакуэ зэрыхьум изакьуэкьым, атIэ ар (хэгъэхуэн занщIэр) зыхьуэж зэхэлыкIэ псалъэухахэм щыхэмытыхи щыIэщ. Апхуэдэхэ Iуэхугъуэхэм уащрохьэлIэ лэжьыгъэцIэ хьей зыхэт псалъэухахэм: *кьэкухьын, кьэжыхьын, кьэтицэтицыхьын, кьэджэдыхьын*. Щапхьэ: *Лы-м кьэкухь, Спортсмены-м кьэжыхь, Сабий-м кьэтицэтицыхь, ЕкIуэлIэпIэнишэ-м кьэджэдыхь*. Гу зылытапхьэщ кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм мыпхуэдэ зэхэлыкIэхэм япэхьуу хэгъэхуэн занщIэр зи гъуси зэрыщыIэм. Абы щыгъуэми нэрылыгагу (щыIэ) объектыр зэрыхэтым е зэрыхэмытым игъэналуэр лэжьыгъэцIэхэр грамматикэ и лъэныкьуэкIэ зыхуэдэм и закьуэкьым, атIэ и мыхьэнэки егъэбелджылы: *кьыкухьащ, кьыжыхьащ* лэжьыгъэцIэхэм нэрылыгагу (щыIэ) объект щадэщыгъум деж я мыхьэнэр нэгъуэщIщ – «кьэкуэкIын, кьыпэкIухьын», «кьэжэкIын».

Хэхауэ гу лытэн хуейщ *кьэкухьын, кьэжыхьын* лэжьыгъэцIэхэм нэрылыгагу (щыIэ) объект шамыгъусэм деж субъектыр зыхьуэж псалъезешэм зэриуэвм. А Iуэхугъуэм мы лэжьыгъэцIэхэр лъэIэсу, объект зэриIэр кьыкIыу ягъэбелджылы [Шагиров 2004: 128].

III. Кьэбэрдей-шэрджэсыбзэ псалъэухам и зэхэлыкIэкIэ иIэ щхьэхуэныгъэхэр щызэпкьыртхкIэ кьыхощьэхукI **мыгъэнэхуа зэхэлыкIэ** зиIэхэр. Бзэм и тхыдэр щыхьэт зэрытехьуэмкIэ, мыгъэнэхуа зэхэлыкIэм и закьуэщ пасэрей адыгьэбзэм лэжьыгъэцIэ лъэIэсхэри лъэмыIэсхэри зыхэт псалъэуха кьызэрыкIуэм и зэхэлыкIэу щыIар, ар къабзэ дьдэу щыхьума хьуащ абхъазыбзэм. ЦIэиIуэ, зыхьуэж зэхэлыкIэхэм ягъусэу иджырей кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм ар куэдрэ кьыщагъэсэбэп. Мыгъэнэхуа зэхэлыкIэ псалъэухахэм я нэщэнэщ абыхэм хэт нэрылыгагу (щыIэ) субъектымрэ объектымрэ кIэух зэрамыIэр. Мыпхуэдэ зэхэлыкIэхэм гъээщIэну яхоувэ лэжьыгъэцIэ лъэIэсхэр, лъэмыIэсхэр, нэгъуэщI псалъэ лъэпкьыгъуэхэр. Субъекту е объекту кьакIуэ хабзэщ 1, 2-нэ щхьэм ит цIэпапщIэхэр, зэрыупщIэ-ехьэлIа цIэпапщIэхэр, цIэхэр, IуэхуцIэхэр: *Сэ-# уэ-# дыгъуасэ у-с-лъэгъуащ; Дэ-# фэ-# ницэдей д-ы-ф-нэпллэнуу; Хэт-# тхыль-# кьыздищта? Жэм лъакьуэ-# шкIэ-# цукIрэ?* [Адыгэ псалъэжьхэр 1967: 23]; *Мыщхьэх-# дахэщ; Зи бзэ IэфI щынэ-# мэлимI-# цIоф* [Адыгэ псалъэжьхэр 2004: 48]; *Емызэш-# мэшыбэ-# ещIэ* [Нало 2008: 102].

КIэух зыпымыт цIэхэмрэ IуэхуцIэхэмрэ зыхэт мыгъэнэхуа зэхэлыкIэ псалъэухахэм уащрихьэлIэ хабзэр псалъэжьхэращ [Урыс 1994: 83]. Я мыхьэнэкиIэ апхуэдэ псалъэухахэм кьагъэлыгагуэр предмет, кьэхьукIащIэ закьуэкьым, н.ж.

апхуэдэ зэхэлъыкIэхэм хэт лэжыгыэцIэм хэлъ Iуэхугуэр пыухыкIауэ зэхэллар субъекткъым е объекткъым, атIэ предмет псор е къэхукъащIэ зэхуэдэхэр аращ.

Мыгъэнэхуа зэхэлъыкIэ псалъэухахэм субъекту е объекту къыщыкIуэ шыIэцIэ зэдайхэм хуэдэу а къалэныр ягъээзщIэф цыхуцIэхэми. ШыIэцIэ унейхэм цIэиуэ, зыхуэж псалъэзешэхэр ягъуэт щыхуар нэхъ класэуш. Морфологие шапхьэр убзыхуа хуа нэужь, цIэиуэ, зыхуэж псалъэзешэхэм я япэрей мыхьэнэр кIуэдэу езыхэр синтаксис гъэпсыкIэ хуа нэужь, цIэиуэ, зыхуэж псалъэзешэхэм я лъабжьэгъусэхэр цIэ унейхэм япыувэ хуауш.

Субъекту е объекту цыхуцIэхэр зыхэт мыпхуэдэ мыгъэнэхуа зэхэлъыкIэ псалъэухахэм *Хьэсэн-# Мэзан-# хуэзащ*; *Мухьэмэд-# Аслъэн-# Хьэчим-# иригъэпсэлащ* цIэ субъектымрэ объектымрэ зэрыщызэхагъэкIыр абыхэм (цIэхэм) псалъэухам щалэ зэкIэлъыкIуэныгъэм и закъуэкIэщ [Жилетежев 2009: 68]. ЦыхуцIэу тIу зыхэт апхуэдэ псалъэухахэм нэрылгагъу (щыIэ) субъектыр щыпэрыуш, абы къыкIэлъокIуэ объектыр. ЦыхуцIэу щы зыхэт зэхэлъыкIэхэм япэ увыпIэр щыIыгъщ нэрылгагъу (щыIэ) субъектым, егуанэр – Iуэхугуэр зрагъэлэжь объекттым, абы къыкIэлъокIуэ объект занщIэр е мыблагъэр (лэжыгыэцIэ-гъээзщIэным и гъэпсыкIэм елыгтауэ). ЦIэхэм я зэкIэлъыкIуэкIэр зэблэдза хумэ, псалъэухам и мыхьэнэм зехуэж.

ЦIэ, зыхуэж гъэпсыкIэ къэунэхуахэм я фIыгъэкIэ псалъэухам хэт псалъэхэм я зэкIэлъыкIуэ тKийм зэхуэкIыныгъэ игъуэташ, синтагмэхэм хэт псалъэхэм я увыпIэр яхуэж хуауш. Апхуэдэхэм цIэ Iыхьэхэмрэ лэжыгыэцIэхэмрэ я зыпыщIэныгъэр морфологие IэмалкIэ къэгъэлъэгъуа щохуэ – субъектымрэ объектымрэ я псалъэзешэ гъэпсыкIэмкIэ. Ауэ мыбдежми гъэпсыкIэ зэщхь зиIэ синтагмэ зыбжанэ къыщахьырккъым, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ субъектымрэ объектымрэ морфологие фащэкIэ щызэщхьым деж псалъэухам хэт псалъэхэм я зэкIэлъыкIуэкIэм грамматикэ мыхьэнэ егъуэтри.

ЦыхуцIэхэр субъекту е объекту зыхэт мыгъэнэхуа зэхэлъыкIэхэм къыщыхуэ зэхуэкIыныгъэхэм къыщыщIадзэ объекттым деж. Объектхэр зэхэгъэкIа хьун щхьэкIэ синтаксис гъэпсыкIэ ягъуэтын хуей мэхуэ, абыхэми мащIэ-мащIэурэ субъектым и гъэпсыкIэми зихуэжын хуейуэ къагъэуш. Апхуэдэ зэхуэкIыныгъэхэр мыпхуэдэхэм щынэрылгагъуш: *Нурдин-# Хьэсэн-# Анзор-# къыхуешэ*; *Сосрыкъуэ-# Бэдынокъуэ-м деж лыкIуэ егъакIуэ* [Нартхэр 1995: 171]; *И къуэ закъуэу Сосрыкъуэ-м Сэтэней-р къыхуокIуэж* [Нартхэр 1995: 61].

ЗэкIэлъыкIуэкIэр зэблэдза хумэ, псалъэухам и мыхьэнэр зэхуэкIа зэрыхуэ кIэуш зыпымыувэ цIэхэм (субъектымрэ объектымрэ) къащхьэщыкIы, псалъэухам гъээзщIакIуэу е хэгъэхуэну хуэуэ 1, 2-нэ щхьэ цIэпапщIэхэм я увыпIэхэр хэхауэ щыткъым (грамматикэ мыхьэнэ игъээзщIэрккъым). Къапщтэмэ, *Сэ фэ ф-ы-с-лээгъуащ* псалъэухар *Фэ сэ ф-ы-с-лээгъуащ* псалъэухам къызэрыщхьэщыкIыр стилкIэщ. Ар къызыхэкIыр лэжыгыэцIэ-гъээзщIэным пыувэ субъектымрэ объектымрэ я щхьэ лъабжьэпэхэм увыпIэ хэха зэралэр аращ: ищхьэкIэ къыщытхьа псалъэухахэм хэт лэжыгыэцIэ-гъээзщIэным пыт щхьэ лъабжьэпэхэм я увыпIэр зыщ: *Сэ фэ ф-ы-с-лээгъуащ* – *Фэ сэ ф-ы-с-лээгъуащ*. Субъектымрэ объектымрэ къыгъэлагъуэу гъээзщIэным пыувэ лъабжьэпэхэм я увыпIэр хэхауэ (тKийуэ) зэрыщытым къыхэкIкIэ, ахэр хэмыгъэхэми нэрылгагъу (щыIэ) субъектымрэ объектымрэ щыуагъэншэу зэхэгъэкIа мэхуэ: щхьытI лэжыгыэцIэ лъэлэсым субъект къэзыгъэлагъуэр щыпэрыуш, объект къэзыгъэлагъуэм ехьэллауэ: *Сэ фэ ф-ы-с-лээгъуащ*; лъэмыIэсхэм – субъект къэзыгъэлагъуэр объект къэзыгъэлагъуэм яужь итщ: *Сэ фэ с-ы-ф-хуэзащ*. Мы шапхьэхэм субъектымрэ объектымрэ хэмытми, псалъэухам и мыхьэнэм зыкIи зыщахуэжырккъым: # # *ф-ы-с-лээгъуащ*; # # *с-ы-ф-хуэзащ*.

Къэхутэныгъэ едгъэкIуэкIам къызэрыхэщамкIэ, адыгэбзэ псалъэухам и зэхэлъыкIэ нэхъыщхьэхуэ бзэм къыщыхагъэкI цIэиуэ, зыхуэж, мыгъэнэхуа зэхэлъыкIэхэр. Мы зэхэлъыкIэхэр нэхъыбэу зытешыхар гъээзщIакIуэм и

гъэпсыкIэрщ. Адыгэбзэ гъээщIакIуэр цIэйуэ е зыхуэж псалъэзешэм ит хабзэщ. ЦIэйуэ е зыхуэж псалъэзешэм гъээщIакIуэр итыныр къэзыгъэувыр гъээщIэныраши, ар лэжыгъэцIэ лъэмыIэсмэ е нэгъуэщI псалъэ лъэпкыгъуэу (щыIэцIэу, цIэпапшIэу, плыгъэцIэу, бжыгъэцIэу, н.к.ъ.) щытмэ, ар (гъээщIакIуэр) цIэйуэ псалъэзешэм йоувэ. ГъээщIакIуэр зыхуэж псалъэзешэм шиувэр гъээщIэныр лэжыгъэцIэ лъэIэсу щыщытым дежщ. Псалъэухам гъээщIэн зэльпкыгъуэ хэтрэ зыр лэжыгъэцIэ лъэIэсу, адреир лэжыгъэцIэ лъэмыIэсу щытмэ, псалъэухам и зэхэлыкIэр сыт хуэдэми зэрызэхэбгъэкIынуыр гъээщIакIуэр зэрыт псалъэзешэмIэщ. Псалъэуха зэхэлым и псалъэуха кызырыкIуэ къэс я зэхэлыкIэр щхьэхуэу къэлытапхьэщ.

ТегъэщIапIэхэр Источники и литература

Адыгэ псалъэжхэр 1967 – *Адыгэ псалъэжхэр*. ЕтIуанэ тхыль. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1967. 252 н. (Кабардинские пословицы и поговорки. Книга II. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1967. 252 с.).

Адыгэ псалъэжхэр 2004 – *Адыгэ псалъэжхэр*. Налшык: Эльбрус, 2004. 152 н. (Кабардинские пословицы. Нальчик: Эльбрус, 2004. 152 с.).

Жилетежев 2009 – *Жилетежев Х.Ч.* Специфика собственных имен существительных в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 113 с.

Кабардино-черкесский язык 2006 – Кабардино-черкесский язык. В двух томах. Т. I. Гл. ред. М.А. Кумахов. Нальчик: Эль-фа, 2006. 548 с.

Къашыргъэ 1957 – *Къашыргъэ Хь*. Насыпым и хэкIыпIэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1957. 309 н. (Каширгов Х. Источник счастья. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1957. 309 с.).

Къэрмокъуэ 2004 – *Къэрмокъуэ М.* Шихухэр иджыри мэкI. Ещанэ тхыль. Налшык: Эль-фа, 2004. 320 н. (Кармоков М. А тополя еще растут. Т. 3. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 320 с.).

Нало 1993 – *Нало А.* Тхыгъэхэр. Нэхуш шу. Т. II. Налшык: Эльбрус, 1993, 400 н. (Налоев А. Всадники рассвета. Избранные произведения в 3 т. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 1993. 400 с.).

Нало 2008 – *Нало З.* Адыгэ псалъэгъэпсахэр. Налшык: Эльбрус, 2008, 240 н. (Налоев З. Адыгская паремология. Нальчик: Эльбрус, 2008. 240 с.).

Нартхэр 1995 – *Нартхэр*. Къэбэрдей эпос. Налшык: Эль-Фа, 1995. 559 н. (Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик: Эль-фа, 1995. 559 с.).

Урыс 1994 – *Урыс Хь*. Адыгэ грамматикэ. Синтаксис, пунктуацэ. Налшык: Эльбрус, 1994. 213 н. (Урусов Х.Ш. Кабардинская грамматика. Синтаксис, пунктуация. Нальчик: Эльбрус, 1994. 213 с.).

Шагиров 2004 – *Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: Эль-фа, 2004. 221 с.

ШэджыхьэщIэ 1987 – *ШэджыхьэщIэ Хь*. Тэрч щыхьэтщ. Налшык: Эльбрус, 1987. 392 н. (Шекихачев Х. Терек свидетель. Нальчик: Эльбрус, 1987. 392 с.).

ЩоджэщIыкIуэ 1962 – *ЩоджэщIыкIуэ I.* Софят и гъатхэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1962. 232 н. (Шогенцуков А.О. Весна Софийт. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-о, 1962. 232 с.).

References

Adyge psal»ezh'kher [Kabardian proverbs and sayings]. Book II. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1967. 252 p. (In Kabardino-Circassian)

Adyge psal"ezh'kher [Kabardian proverbs]. Nalchik: Elbrus, 2004. 152 p. (In Kabardino-Circassian).

ZHILETEZHEV H.CH. Spetsifika sobstvennykh imen sushchestvitel'nykh v kabardino-cherkesskom yazyke [The specifics of proper nouns in the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Publishing Department of KBIGI, 2009. 113 p. (In Russian).

- Kabardino-cherkesskii yazyk* [Kabardino-Circassian language]. In two volumes. T. I. Gl. ed. M.A. Kumakhov. Nalchik: El-fa, 2006. 548 p. (In Russian)
- К””АШYRG””Е Kh””. *Nasyym i kheklypIe* [The source of happiness]. Nalchik: Kabardino-Balkarian Publishing house, 1957. 309 p. (In Kabardino-Circassian)
- К””ЕРМОК””UE M. *Shchikhukher idzhyri mekI* [Selected works in 3 volumes. Vol. 3]. Nalchik: Elbrus, 2004. 320 p. (In Kabardino-Circassian)
- NALO A. *Nekhushch shu* [Riders of the dawn]. Selected works in 3 vols. Vol. II. Nalchik: Elbrus, 1993. 400 p. (In Kabardino-Circassian)
- NALO Z. *Adyge psal”eg”apsekher* [Adyghe Paremiology]. Nalchik: Elbrus, 2008. 240 p. (In Kabardino-Circassian)
- Narther. *K”eberdej epos* [Narts. Kabardian epic]. Nalchik: Elfa, 1995. 559 p. (In Kabardino-Circassian)
- URYS Kh””. *Adyge grammatika. Sintaksis, punktuatse* [Kabardian grammar. Syntax, punctuation]. Nalchik: Elbrus, 1994. 213 p. (In Kabardino-Circassian)
- ShAGIROV A. *Fonetika i morfologiya kabardinskogo yazyka* [Phonetics and morphology of the Kabardian language]. Nalchik: Elfa, 2004. 221 p. (In Russian)
- ShEDZhYKh””EShchIE Kh””. *Terch shchykh’etsch* [Terek is a witness]. Nalchik: Elbrus, 1987. 392 p. (In Kabardino-Circassian)
- ShchODZhEETsIYKIU I. *Sofyat i g”atkhe* [Spring Sofiyat]. Nalchik: Kabardino-Balkarian Publishing house, 1962. 232 p. (In Kabardino-Circassian)

Авторым теухуауэ

Жылэтеж Хь.Ч. – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щIэныгъэ лэжыакIуэ нэхъыжъ.

Информация об авторе

Х.Ч. Жилетежев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Kh.Ch. Zhiletezhov – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 06.07.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 06.07.2022 ; approved after reviewing 15.07.2022 ; accepted for publication 28.07.2022.

Научная статья

УДК 81(470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-62-68

АДЫГЭБЗЭМ И ПАРОНИМХЭР

Токмакъ Мадина Хьэсэнбий инхьу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шIэныгъэ IуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© Токмакъ М.Хь., 2022

Аннотацэ. Мы лэжыгъгэр зытеухуар адыгэбзэм паронимхэм щаубыд увыпIэр наIуэ къэшIынырщ. НэгъуэщI лексико-семантикэ категориэхэмрэ (зэмыхьэнэгъу псалъэхэм, зэпэщыт псалъэхэм, Iукизэщхь псалъэхэм) псалъэм и лIэужыгъгъуэхэмрэ паронимьер къызэршхьэщыкIым дьтопсэлъыхь. Паронимхэр джыным бгъэдыхьэкIитI зэриIэр къыдогъэлабгъуэ: япэм паронимхуэ ебж морфологие зэхэлъыкIэкIэ зыуэ, ауэ макъ гуркIэ е лъабжэгъусэкIэ, мыхьэнэкIэ зэщхьэщыкI псалъэхэр; етIуанэм паронимхуэ ебж макъ гуркIэ зетехуэу, ауэ этимологиекIэ (къызыхьэкIамкIэ) зэпхауэ шымыт псалъэхэр. ЛэжыгъгъэцIэ зэлабжэгъуэхэр макъзэблэхуэ *ы/э* яIуэ, инэхьыбэр лъэIэсыгъэ-лъэмыIэсыгъэкIэ зэщхьэщыкIыр паронимхэм зэрыхьхьэр къыдогъэлабгъуэ. Щхьэхуэу къыхыдогъэщ мыхьэнэкIэ зэпэщыт псалъэхэр, зы лъабжэ е псалъэщI пкыгъуэ зэщхь яIуэ. Паронимхэр псалъэм и лIэужыгъгъуэхэм ебгъэщхь зэрымыхьуным и гугъу дощI. Урысыбзэм къыхэкIа псалъэхэм, абыхэм цIэ унейхэри яхэту, я гъэпсыкIэр зэхэщыкIыгъуэу зырыщымыгым къыхэкIыу я мыхьэнэр «цIыхубэ этимологиекIэ», е нэгъуэщIу «паронимическэ аттракцэкIэ» щызэхэагъэкI къохуэ. Лэжыгъгэм къыхыдогъэщ «цIыхубэ этимологием» къыщхьэщыкI къэхуэкъашIэр – зыхэр хуейуэ (ауан е гушыIэ хэлъу) псалъэхэм я Iукир щызэблэшымыт деж. КъэпсэлъыкIэкIэ зэщхь псалъэхэр, паронимизм и лIэужыгъгъуэу усакуэхэм каламбур папшIэу къызэрагъгъэсэбэным и шапхьэхэр къыдохь.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: паронимие, адыгэбзэ, лексико-семантикэ категорэ, цIыхубэ этимологии, паронимизм

Цитатэ къызэршхьэщыкI: Токмакъ М.Хь. Адыгэбзэм и паронимхэр // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 62–68. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-62-68

Original article

PARONYMY IN THE KABARDINO-CIRCISSIAN LANGUAGE

Madina H. Tokmakova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© M.H. Tokmakova, 2022

Annotation. The article is devoted to one of the little-studied lexical-semantic categories of the Kabardino-Circassian language – paronymy. The paper presents two main understandings of this category existing in modern linguistic literature: a narrower one, suggesting the similarity of the morphological composition, and a broader one, allowing for an accidental sound similarity of words in the absence of etymological connections. By virtue of certain properties (the presence of one root, belonging to the same part of speech,

lexical difference), paronyms include verbs that are opposed by transitivity-intransitivity, in which alternations of s / e are observed. The similarity in some characteristics contributes to the confusion of paronymy with homonymy, synonymy, antonymy and word variants, in connection with which a comparative analysis is carried out with these lexico-semantic categories and word variants. It is noted that, due to the ambiguity of the internal form, many borrowings, including their own words, are subject to “folk etymology”. Cases of “free” explanation of mostly borrowed words are demonstrated. It is also shown that individual foreign words, often names and surnames, can be adapted to the phonetic laws of the language under study, to the sound image of native words, resulting in forms similar to Kabardino-Circassian names and names. It has been noted that another phenomenon that deserves special attention is fundamentally different from “folk etymology”, usually associated with pampering in speech, with a conscious distortion of the norms of correct word usage, called paronomasia. Similar cases are demonstrated on the examples of poetry.

Keywords: paronymy, Kabardino-Circassian language, lexico-semantic category, folk etymology, paronomasia

For citation: Tokmakova M.H. Paronymy in the kabardino-circassian language // Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 2 (53): 62–68. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-62-68

Научная статья

ПАРОНИМИЯ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Мадина Хасанбиевна Токмакова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© М.Х. Токмакова, 2022

Аннотация. Статья посвящена одной из малоизученных лексико-семантических категорий кабардино-черкесского языка – паронимии. В работе представлены существующие в современной лингвистической литературе два основных понимания данной категории: более узкое, предполагающее сходство морфологического состава, и более широкое, допускающее случайное звуковое сходство слов при отсутствии этимологических связей. К паронимам в силу определенных свойств (наличие одного корня, принадлежность к одной части речи, лексическое различие) отнесены глаголы, противопоставленные по переходности-непереходности, в которых наблюдается чередование *ы/э*. Сходство в некоторых характеристиках способствует смешению паронимии с омонимией, синонимией, антонимией и вариантами слов, в связи с чем в работе проводится сравнительный анализ с данными лексико-семантическими категориями и вариантами слов. Отмечено, что, ввиду неясности внутренней формы, многие заимствования, в том числе и собственные слова, подвержены «народной этимологии». Продемонстрированы случаи «вольного» разъяснения в основном заимствованных слов. Показано также, что отдельные иноязычные слова, часто имена и фамилии, могут быть приновлены к фонетическим законам исследуемого языка, к звуковому облику исконных слов, в результате чего возникают формы, сближенные с кабардино-черкесскими именами, названиями. Замечено, что от «народной этимологии» принципиально отличается другое, заслуживающее особого внимания, явление, связанное обычно с баловством в речи, с сознательным искажением норм правильного словоупотребления, называемое паронимазией. На примерах поэзии продемонстрированы подобные случаи.

Ключевые слова: паронимия, кабардино-черкесский язык, лексико-семантическая категория, народная этимология, паронимазия

Для цитирования: Токмакова М.Х. Паронимия в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 62–68. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-62-68

Нагуэу зэррыщытци, лексикэр и гугъуагъкIи, и куэдагъкIи, и зэхэлъыкIэкIи фонетикэми, морфологиими, синтаксисми ебгъапщэ хьунукъым. Абы езым

и ухуэжэ илэжц, бзэщлэныгэллхэм а зэхэтыклэр щаджым деж нэхыщхьэу кыыхагъэщ лексико-семантикэ системэр. Адыгэбзэм и лексикэдджхэм ящыщу нэхь щлэныгэлл пажэ Апажэ М.Л. [1992] лексико-семантикэ системэр гуп пшыклуту егуэш: зэмыхьэнэгъу псалъэхэр, зэпэщыт псалъэхэр, гипонимхэр, мыхьэнэбэ псалъэхэр, лүклэзэщхь псалъэхэр, паронимхэр, конверсие, семантикэ губгъуэ, ассоциатив губгъуэ, лексико-псалъэщл гуп, лексико-псалъэфэ гуп, лексикэ синтагматикэ. Абыхэм ящыщу адыгэбзэ мыхьэнэбэ псалъэхэр, лүклэзэщхь псалъэхэр, зэмыхьэнэгъу псалъэхэр, лексико-псалъэфэ гупыр нэхь кэхутауэ щытщ. Андрейхэр, паронимиери яхэту, иджыри джын хуей лексико-семантикэ категорэхэщ. Мы лэжыгъэм паронимхэм, адыгэбзэм абыхэм цаубыд увыплэм дыщытепсэлъыхьынураш.

Лүклэзэщхь псалъэхэм емыщхьу, паронимхэр кьэпсэлъыклэклэ зэхуэдэ дыдэу щымыт псалъэхэраш. Иджырей бзэщлэныгъэм а лексико-семантикэ категорэр кэхутэным бгъэдыхьэклэ зэмылэужыгъуэхэр илэщ. Япэ бгъэдыхьэклэм паронимхэу ебж морфологие зэхэлъыклэклэ зыуэ, ауэ макъ гуэрклэ е лъабжэгъусэклэ, мыхьэнэклэ зэщхьэщыкл псалъэхэр. Псалъэм папщлэ, *цхьэшэ* «зи цхьэр лъэныкьуэклэ ишэу, ещлэу щыт» – *цхьэнишэ* «акъыл щлагъуэ зимылэ, делэ», *ныбэлынцил* «шхыныр ириклуэу лүмрэ лъатэмрэ зэпызыщлэр» – *ныбэлыцил* «тхьэмбылым зригъэубгъуу бгъэмрэ ныбэмрэ я зэхуакум дэт лыпцлэналъэ», *бгъурылъэфэн* «зыгуэрым и бгъум зыгуэр елъэфэлэн» – *бгъурылъэфын* «зыгуэрым и бгъумклэ зыгуэр блэлъэфын», *пхылу* «зыгуэрым папцлэ с.ху. хэлун» – *пхырылу* «зыгуэрым адэклэ пхрыкыу хэлун», *хэджэлэн* «джалэу зыгуэрым хэхуэн» – *хэджэлыжын* «игъуэтауэ, илэу щыта гуэрхэм хэклэжын, зыгуэрхэр лэщлэжын», н.

Мы гупым хохэ лэжыгъэщлэ зэлябжэгъухэр макъзэблэхуэ *ы/э* ялэу, инэхьыбэр лъэлэсыгъэ-лъэмылэсыгъэклэ зэщхьэщыкыу. Псалъэм папщлэ: *дэуклэн* (лъэлэс) «еуэрэ зыщыплэ зыгуэр дэгъэхэн» – *дэуклын* (лъэмылэс) «зэхуакум гуэрым дэклэу зыгуэр дзын», *теклуэтын* (лъэмылэс) «клатуэрэ теклын; лъэныкьуэ зегъэзын» – *теклуэтэн* (лъэмылэс) «уклатуэрэ техьэн, и кум гъунэгъу зыхуэщлын, щхьэщыклуэтэн», *клэлыхэхьэн* (лъэлэс) «зыгуэрым и ужь иту зыгуэр зыщыплэ хэхьэн, пхыурэ хыхьэн» – *клэлыхыхьэн* (лъэмылэс) «зыгуэрым и ужь иту, иужьклэ зыщыплэ хыхьэн», н. Апхуэдэ псалъэхэр паронимхэу щытщ – кьэпсэлъыклэклэ зэхуэдэу, зэлябжэгъуу, зы псалъэ лъэпкыгъуэу щытми ахэр я мыхьэнэклэ зэщхьэщокл.

Хуэсакъыпхьэщ, паронимхэр адрей лексико-семантикэ категорэхэм – лүклэзэщхь псалъэхэм, зэпэщыт псалъэхэм, зэмыхьэнэгъу псалъэхэм – зэрыхомыгъэгъуэщэным [Пшуква 2000: 230–237]. Ищхьэклэ зэрыщыжытлащи, паронимхэр лүклэзэщхь псалъэхэм кьащхьэщокл, япэрауэ, кьэпсэлъыклэклэ зэхуэдэ дыдэу зэрыщымытымклэ, етлуанэрауэ, лэмал имылэу зэлябжэгъуу, зы псалъэ лъэпкыгъуэу щытын зэрыхуеймклэ, ещанэрауэ, пароним зэгуэгъухэм, омонимхэм ялэнклэ мыхьуну семантикэ зэпыщлэныгъэ зэралэмклэ. Зэвгъапщэ: *кыдэхуэн* I «зыщыплэ, зэхуакум гуэрым дэгъэхэн, кьэпхуэрэ» – *кыдэхуэн* II «лей хьун, щлэгъун», *пыхьэн* I «гухэщлэ гын, гулэн» – *пыхьэн* II «зыгуэрым иужь ихьэн», *хэклэн* I «хаса кьэжыгъэ гуэрым и лъабжэр щлым хэзагъуэ зи лъабжэм хуэлажэ хьун» – *хэклэн* II «тклатуэ гуэр нэгъуэщлэ гуэрым хэгъэлыэдэн», н.

Паронимхэр зэмыхьэнэгъу псалъэхэми яхэбгъэзэрыхь хьунукыым. Зэмыхьэнэгъу псалъэхэм ахэр нэхыщхьэу кьащхьэщокл контекстым синонимхэр зыр адреймклэ щызэпхьуэклэ зэрыхьумклэ. Паронимхэр аракъым – зым и плэ нэгъуэщлэ ибгъэувэмэ, псалъэухам и мыхьэнэми зихьуэжынуш. Абы нэмыщлэ, зэмыхьэнэгъу псалъэхэр лэмал имылэу кьэпсэлъыклэклэ зэхуэдэу, зэлябжэгъуу щытын хуейкыым. Зэвгъапщэ: *кыщхьэщыхьэн* «зыгуэрым и щхьэмклэ кыщхьэщыхьэн» – *кыщхьэщыгъуэвэн* «щыс е щыль гуэрым и гъунэгъуу, и щхьэмклэ кыщыту увын», *пасэрей* «нэхь лэхьэнэ жьжэ» – *пасэ* «гъащлэжэ блэклэм щыгъуэ, япэм елытауэ

нэхъ лъэхъэнэ жыжьэ кыкыгу къагъэсэбэп», *цыгыутицэн* «зыгуэр умыщIэж хъун» – *ИэцIэгъутицыкIын* «Iуэху гуэрим тещхъэрыукIын, гум ихун», н.

Адыгэбзэм щхъэхуэу къыщыхэбгъэкI хъунуц мыхъэнэкIэ зэпэщыт псалъэхэр, зы лъабжьэ е псалъэщI пкыгъуэ зэщхъ яIэу. Псалъэм папщIэ, *Iулъэфэн* «плъэфурэ зыщIыпIэ нэгъэсын» – *Iулъэфын* «плъэфурэ зыгуэрим пэлэщIэ щIын, бгъэдэлъэфын», *щIэпкIэн* «упкIэу зыщIыпIэ къыщIэхутэн» – *щIэпкIын* «упкIэу зыщIыпIэ къыщIэкIын», *пыIуэнтIэн* «зыгуэр пIуантIэурэ зыгуэрим пегъэубыдэн» – *пыIуэнтIыкIын* «зыгуэр пIуантIэурэ зыгуэрим пыгъэкIын; фIэIуэнтIыкIын», *IукIуэтэн* «Iуатэурэ зыгуэрим гъунэгъу зыхуэшIын» – *IукIуэтын* «Iуатэурэ зыгуэрим бгъэдэкIын», н. Апхуэдэ псалъэхэр мыхъэнэ зэпэщытыкIэ илъэныкъуэкIэ паронимхэм къащхъэщокI. Голуб И.Б. зэрыжиIэмкIэ, «паронимхэм я мыхъэнэхэр зэрызэгукIыр антонимхэм я зэпэщытыныгъэм нэсыркыым» [Голуб 1991: 72].

Паронимхэр псалъэм и лIэужыгъуэхэми ебгъэщхъ хъунукыым. Псалъэм папщIэ, *жэхэфэ // жыхэфэ* «унэ лъэгугу», *сэнтх // сэтх* «лъагапIэ, бгы, бжьэпэ», *зэран // зэраныгъэ* «ягъэ, хэщI, пэрыуэгъу, лъэпощхъэпо», *жыгъей // жыгъейдз* «цIыкIу», *зэгиен // зэгиин* «гукъанэ хуэшIын, хуэхъущIэн, гие зэжелэн», *стэкан // стэчан* «абджым къыхэшIыкIа, псы, шей с.ху. зэрыраф, къу зэтемыт хъэкъушыкыу», *ахъшэ // ашхъэ* «зыгуэр щащэхум деж уасэ зэралыгъэ дамыгъэ», н. псалъэхэм фонетикэ зэхуэмыдэныгъэ яIэ фIэкIа я мыхъэнэкIэ зыкIи зэщхъэщыкIыркыым. Апхуэдэу, псалъэм и лIэужыгъуэуи убж хъунуц зы псалъэпкыым къытекIахэу, зи лъабжьэгъусэ зэхуэмыдэхэм зы мыхъэнэ иIэхэр: *дыхъэшхырей // дыхъэшхырилэ* «куэдрэ дыхъэшх», *гъынэнэрей // гъынэнэрилэ* «куэдрэ гъы», *щIыхубзэ // щIыхуц* «щIыху зэфэзэщ, щIыху дыдэ», *гъущIыжьэ // гъущIыкIэжьэ* «къамыгъэсэбэпыж, хыфIадзэжа гъущIыкIэ, гъущIэхэкIэ», *дагъэтеху // дагъэщIэху* «сэхураным е нэгъуэшIым дагъэ къыщыщIапIыгIыкIэ», *жэрдэмыщI // жэрдэмыщIакIуэ* «жэрдэм зыщI, жэрдэм зыхэлъ», н.

ЕтIуанэ бгъэдыхэкIэм паронимхэу ебж макъ гуэркIэ зэтэхуэу, ауэ этимологиекIэ (къызыхэкIамкIэ) зэпхауэ щымыт псалъэхэр. Псалъэм папщIэ, *щакIуэ* «щакIуэ кIуэну зыфIэфI, зи хабзэ цIыху» – *щIакIуэ* «и лъакъуэр зэрыузым, сэкъат зэриIэм къыхэкIкIэ хуэу, ещIэу къэзыкIухъ» – *щIакIухъуэ* «гуэдз, хъэпщIий, хъэ хъэжыгъэм къыхащIыкI ерыскыы», *хэкIуэтац (жэщыыр)* «гуващ» – *хэкIуэдац (мазэр)* «умылъагъуж хъуаш», *лъашиэ* «зи лъакъуэр ныкъуэдыкъуагъэ иIэ, щIакъуэ» – *лъащIэ* «хъэкъушыкыухэм, зыгуэр зралъхъэ, зракIэ е щIым иIэ кумбыгъэхэм я кIуэцI, щIагъ кIэкъинэ къызэрынэр», *тIэтэн* «щIыIунэ-щIыIушхъэ зэрыгъэутIыпщын; зэрыдза зэрыхын» – *тIэтIэн* «пкыгъуэ быдэ гуэр хуабэ, псыIэгъэ с.ху. къыхэкIкIэ щабэ, зэкIэщIэкI, зэпыш хъун», *гуащэ* «цIыху сурэт теплэ зиIэ зэрыджэгугу хъэпшып» – *гуащIэ* «пхъэшхъэмыщхъэхэм, гъэшхэкI ерыскыыхэм я щытыкIэ», н. Мы гупым хыубжэ хъунуц езы бзэм къыгъэсэбэп псалъэхэмрэ бзэм къыхыхъэ псалъэхэмрэ макъ гуэрхэмкIэ щызэщхъри: *мэшынэ* «зыгуэрим шынэ зыхищIащ» – *машинэ* «лэжыгъэ гуэр зыгъэзащIэ механизм», *бэнэн* «банэ макъ гъэIун» – *банан* «цитрусхэм ящыщ пхъэшхъэмыщхъэ гъуэжь», *кIанэ* «зыгуэр щух, зыгуэрим и гъунэ, кIэху» – *Чана* «пэсущхъэцIэ», н.

Макъ зэтэхуэм тещIыхъащ «цIыхубэ этимологиекIэ» зэджэр: къазэрыпщыхъум хуэдэу псалъэ гуэрим и мыхъэнэр нэгъуэщI псалъэ щызыгурыгъагуэр [Марузо 1960: 349]. «ЦIыхубэ этимологиер», нэгъуэщIу «паронимическэ аттракцэр», адыгэ бзэщIэныгъэм иджыри къэхута щыхъуакыым. Апажэ М.Л. зэрыжиIэмкIэ, инэхъыбэм бзэм къыхыхъа псалъэхэращ апхуэдэу зыгурыгъэIуэну зи ужь итыр [Апажев 1992: 204]. Псалъэм папщIэ, *Москва – Мэзкуу* (*мэз* + *куу* псалъэхэм къатекIа хуэдэу), *дезинфекция – дыжьынфекцэ* (*дыжьын-*ым къытекIа хуэдэу), *штукатурка – шыкIэтур* (*шы* + *кIэ* псалъэхэр хэт хуэдэу), *зоотехник – зэуэтехныч* (*зэуэ* + *техник* псалъэхэм къатекIа хуэдэу), н.

«ЦIыхубэ этимологиер» цIэ унейхэми ехъэлIауэ къагъэсэбэп. Къапщтэмэ, Нэгумэ Ш.Б. етх, ижъ-ижыж лъандэрэ адыгэхэм псалъэ быдэ щатым щыгъуэ

тхэм и цлэр кьрагуэтэкьым, Византий пащтыхьым и цлэкIэ (*Юстиниан*) тхэ Гуэрт, желэри. *Юстиниан* цлэм «*Юстин и Iэнэ*» кьрагъэкIы *Юстин и IэнэкIэ соIуэ* жаIэрт. Абы нэмышцI, *шот Юстюк-уи* жаIэрт, *Iэнэр шот-кIэ (шэнт)* «пащтыхьыр зытес тахтэ» мыхьэнэ иIэу зрахауэкIауэ [Ногмов 1947:38]. *Юстин* цлэри *Юстюк* ящIыжат – *Юст* + *кьуэ*. Апхуэдэ щIыкIэкIэ адыгэхэм ямышIыху *Юстиниан* цлэр езыхэм я бзэм хэт псалъэ-Iыхьэхэм трашат (*Юстиниан* → *Юстин и Iэнэ*; *Юстин* → *Юстюк* → *Юст* + *кьуэ*), адэкIэ бгуэшыж мыхьу Iыхьэм (*Юст*) нэсыхункIэ.

НэгъуэщIыбзэхэм кьахэкIыу кьыхыхьэ цлэ, унэцIэхэр адыгэбзэм и фонетикэ хабзэм тегу зрахауэкI, абы кьыхэкIыуи ахэр ди бзэм кьышагъэсэбэп цлэхэм ещхь мэхьу. Апхуэдэу, Апажэ М.Л. [1992] нэхьыжхэм цлэхэр зэрызрахауэкIым и цапхьэхэркьехь: *Руслан* → *Урыслан*, *Петро* → *ШэтIырэ*, *Ким* → *Чым*, *Ильяшенко* → *Лашынкъей*, *Крикуноу* → *КIуркIунау*, *Хейфец* → *ХьэфIыцIэ*, н. Апхуэдабзэу урысхэми «цIыхубэ этимологием» тегу адыгэ цлэхэр зэрадзэкI. Зэвгъапщэ: *Альхьо (Альхов)* → *Хохлов*; *Аслээнбэч (Асланбек)* → *Исламбек*, *Сланбек*; *Къэрэщей (Карашаев)* → *Хорошаев*; *Енхэт (Енхотов)* → *Яхонтов*; *Бэрэдж (Березгов)* → *Березко*; *Безрыкьуэ (Безроков)* → *Безруко*; *Къетыкьуэ (Кетуков)* → *Котуков*; *Къардэн (Карданов)* → *Гордан*, *Гардан*, *Курдан*, *Курдал*; *Ечкан (Ечканов)* → *Очеканов*, *Отчеканов*; *Абрэдж (Абрегов)* → *Обреков*; *Срыкьуэ (Сруков)* → *Суркай*, *Церков*, *Цырков*; *Хьуэтэ (Хотов)* → *Хата*; *Къаницауэ (Каншаов)* → *Кашов*, *Ковшов*; *Мудар (Мударов)* → *Молдаров*; *Жэнбэч (Жанбеков)* → *Жданбек*, н. [КРО 1957].

«ЦIыхубэ этимологием» кьыщхьэщокI езыхэр хуейуэ (ауан е гушыIэ хэлъу) псалъэм и IукIэр цызэблашыр. Инэхьыбэм апхуэдэм деж псалъэм и Iыхьэ гуэр, кьэпсэлъыкIэкIэ абы ещхькIэ зрахауэкI. Псалъэм папщIэ: *алкоголик* – *аркьэголик (аркьэ псалъэр хагъэувэу)*, *салам алейкум* – *привет налейкум (налей «кьыкIэ» псалъэр хагъэувэу)*, *локомотив* – *лъакьуэмэтив (лъакьуэ псалъэр хагъэувэу)*, *комильфо* – *къамыл фо*, н. Къэтхьа цапхьэхэр бзэм ирипсалъэхэм я кьуейщIейгъэу убж хьунуш.

Адыгэ усакIуэхэми я тхыгэхэм каламбур папщIэу кьышагъэсэбэп кьэпсэлъыкIэкIэ зэщхь псалъэхэр, ахэр парономазием и лэужьыгъуэщ. Парономазиер – стилистикэм и Iэмалщ, кьэпсэлъыкIэкIэ зэщхь псалъэхэр зэгъэгъунэгъун мурадым тешIыхьауэ. [Токмакова 2007:91]. Щапхьэ:

Зэхьэзэхуэр унэ мэхьу,
ЗэижитIыр мэунэхьу... [Кьыщокьуэ 1969: 160]
ЯухьуэщIыр дахэхэм жызум
Уэрэд яусу я жыр зуум,
Къудамэ гьуахэр пагъэлъэту. [КIэщт 1981:6]
СфIехь уи теплъэм си ни си ни
Псыуэ хэт уещхьын!
ПсыIэрышэц Миссисипи
УэркIэ – хуитц кIыхьын. [КIуащ 1983: 36]
ЩIым кьытемыпсэр – ар мыдыгъэ,
ЛIыгъэниэр хэтми – мыадыгъэ. [Нало 1973:58]

Зэрытлгъагуши, паронимиери, «цIыхубэ этимологиери», парономазиери адыгэбзэм кьэхута щымыхьуами, ахэр куэдрэ кьагъэсэбэп. Паронимхэр адрей лексико-семантикэ категорэхэм – IукIэзэщхь псалъэхэм, зэпэщыт псалъэхэм, зэмышьэнэгъу псалъэхэм – зыгуэркIэ ещхьми, абыхэм яхэбгъэгъуащ хьунукьым. Паронимхэм езыхэм щытыкIэ щхьэхуэ яIэжщ: кьэпсэлъыкIэкIэ зэхуэдэу, зэлябжыгъуу, зы псалъэ лъэпкьыгъуэу, мыхьэнэкIэ зэщхьэщыкIыу щытын хуейщ. Лексико-семантикэ системэр нэгъэсауэ джауэ щытын щхьэкIэ, зи гугъуэ тцIа бзэ кьэхьукьащIэхэри Iэмал имыIэу кьэхутэн хуей Iуэхуш.

ТегъэщIапIэхэр
Список источников

- Апажев 1992 – *Апажев М.Л.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик: Эльбрус, 1992. 336 с.
- Голуб 1991 – *Голуб И.Б.* Лексика и фразеология // Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.
- КРО – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.* М.: АН СССР, 1957. Т. 1. С. 431–465; Т. 2. С. 393–408.
- КIэшт 1981 – *КIэшт М.* Гуращэ. Налшык: Эльбрус, 1981. 96 н.
- Кыщокъуэ 1969 – *Кыщокъуэ А.* Дамыгъэ. Налшык: Эльбрус, 1969. 184 н.
- КIуаш 1983 – *КIуаш Б.* Усыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 1983. 168 н.
- Марузо 1960 – *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 436 с.
- Нало 1973 – *Нало З.* Усэхэр. Налшык: Эльбрус, 1973. 94 н.
- Ногмов 1947 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Кабгосиздат, тип. им. Революции 1905 г., 1947. 160 с.
- Пшукова 2000 – *Пшукова М.Х.* Паронимия как лексико-семантическая категория кабардино-черкесского языка // Международная научная конференция «Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики» (Материалы конференции). Сухум, 2000. С. 230–237.
- Токмакова 2007 – *Токмакова М.Х.* Явление паронимии в поэзии А. Кешокова // 5 Международный конгресс «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». Пятигорск, 2007. С. 90–92.

References

- APAZHEV M.L. *Problemy kabardinskoj leksiki* [Problems of Kabardian vocabulary]. Nalchik: Elbrus, 1992. 336 p. (In Russian)
- GOLUB I.B. *Leksika i frazeologiya* [Vocabulary and phraseology] IN: Modern Russian language. Moscow: Higher School, 1991. 559 p. (In Russian)
- KRO – *Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv.* [Kabardino-Russian relations in the XVI-XVIII centuries]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1957. Vol. 1. Pp. 431–465; Vol. 2. Pp. 393–408. (In Russian)
- KESHTOV M. *Mechta* [Dream]. Nalchik: Elbrus, 1981. 96 p. (In Kabardino-Circassian)
- KESHOKOV A. *Tavro* [Brand]. Nalchik: Elbrus, 1969. 184 p. (In Kabardino-Circassian)
- KUASHEV B. *Stihi* [Poems]. Nalchik: Elbrus, 1983. 168 p. (In Kabardino-Circassian)
- MARUSO J. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1960. 436 p. (In Russian)
- NALOEV S. *Stihi* [Poems]. Nalchik: Elbrus, 1973. 94 p. (In Kabardino-Circassian)
- NOGMOV SH.B. *Istoriya adygejskogo naroda* [History of the Adyghe people]. Nalchik: Kabgosizdat, type. named after the Revolution of 1905, 1947. 160 p. (In Russian)
- PSHUKOVA M.H. *Paronimiya kak leksiko-semanticheskaya kategoriya kabardino-cherkesskogo yazyka* [Paronymy as a lexico-semantic category of the Kabardino-Circassian language]. IN: International Scientific Conference “Modern problems of Caucasian Linguistics and Folklore studies” (Conference materials). Sukhum, 2000. P. 230–237. (In Russian)
- TOKMAKOVA M.H. *Paronimiya kak leksiko-semanticheskaya kategoriya kabardino-cherkesskogo yazyka* [The phenomenon of paronomasia in A. Keshokov's poetry]. IN: 5th International Congress “Peace in the North Caucasus through languages, education, culture”. Pyatigorsk, 2007. P. 90–92. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Токмакъ М.Хь. – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат, адыгэбзэ секторым и лэжьакIуэ нэхъыжь, доцент.

Информация об авторе

М.Х. Токмакова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

М.Н. Tokmakova – Candidate of Science (Philology), Docent.

Статья поступила в редакцию 18.05.2022; одобрена после рецензирования 5.06.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 18.05.2022; approved after reviewing 5.06.2022; accepted for publication 28.07.2022.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-69-74

АДЫГЭБЗЭМ И ПСАЛЬЭУХА ЗЭХЭЛЬ-ЗЭГЪУСЭ ЛІЭУЖЬЫГЪУЭХЭМ Я ЗЭХЭЛЪЫКІЭР

Шэру Нинэ Гъумар инхъу

Гуманитар кьэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрэм» и филиал, Къэбэрдей-Балъкъэр республикэ, Налшык къалэ, Урысей, nina.sherieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5550-7170>

© Шэру Н.Гъу., 2022

Аннотацэ. Статьям и мурад нэхьыщхьэщ адыгэбзэм и псальэуха зэхэль-зэгъусэхэм гурыуэныгъэ етыныр, адыгэбзэм шаубыд увыпІэр, мыхьэнэкІэ, ухуэкІэкІэ яІэ щхьэхуэныгъэхэр убзыхуныр. Кьэхутэныгъэм и мыхьэнэр шызэхыбощІэ адыгэбзэр зыхыхьэ тхыгъэщІэбзэхэм нэхь куууэ шыбджкІэ. Лэжыгъэм кышыгылэпэгъуаш адыгэбзэ псальэуха зэхэль-зэгъусэхэм я иджырей шытыкІэр, абыхэм яІэ зэхэльыкІэр, ядэплагъу щхьэхуэныгъэхэр, я кыызэгъэпэщыкІэ нэхьыщхьэхэр. Статьям шІэуэ хэлхэм я нэхьыщхьэщ филологие шІэныгъэхэмкІэ доктор БищІо Б.Ч. адыгэбзэм хузэхилъхьа бзэщІэныгъэ фІэшыгъэцІэщІэхэр кызырыщыгъэсэбпар.

Кьэхутэныгъэр екІуэкІащ кІэлыплъыныгъэ, зепкьырыхыныгъэ, тепсэлъыхьыныгъэ, зепэгъзувыныгъэ, джыныгъэ, кызыщІэкъуэжыныгъэ методхэмкІэ.

Лэжыгъэм кьрыкІуахэр щыхьэт тохьуэ псальэуха зэхэль-зэгъусэхэм псальэуха кызырыкІуэ зыбжанэр макъщыкІэкІи, мыхьэнэкІи, грамматикэкІи зэкІэщІапч мыхьуу зырыщызэпышІам; абыхэм зэлуа зэхэльыкІи зэхуэщІа зэхэльыкІи кызырагъэхьуфым; псальэуха кызырыкІуэхэр псальэуха зэхэль-зэгъусэхэм шызэпыщІэныкІэ къагъэсэбэп псальэзэпыщІэ (*укІу, амІэ, арицхьэкІэ, ауэ, зэ... зэ / зэм...зэм, армырамэ, н.*) елыгтауэ гупышхуищу зэрыгуэшам. Статьям наІуэ щыхьуаш псальэуха зэхэль-зэгъусэм хэт псальэуха кызырыкІуэхэм я щхьэхуитыныгъэр, псальэуха зэхэль-зэпхам елыгтауэ, нэхь хьума зэрыхьур. Ауэ лъэныкьуэ псомкІи – мыхьэнэкІи, грамматикэкІи – зи щхьэ хушытыж псальэуха зэхэль адыгэбзэм ущрихьэлІэркъым.

Зэрыгуазэ псальэхэр: адыгэбзэ, грамматикэ, псальэуха зэхэль, псальэуха зэхэль-зэгъусэ, зэпызыщІэ псальэзэпыщІэхэр

Цитатэ кызырыхьыныр: Шэру Н.Гъу. Адыгэбзэм и псальэуха зэхэль-зэгъусэ лІэужыгъуэхэм я зэхэльыкІэр // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 69–74. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-69-74

Original article

FEATURES OF THE STRUCTURE OF COMPOUND SENTENCES KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Nina. G. Sherieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, nina.sherieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5550-7170>

© Nina. G. Sherieva, 2022

Abstract. The main purpose of the study is a versatile characterization of compound sentences, determining their place in the system of the Kabardino-Circassian language, identifying distinctive features and methods of formation. The relevance of this problem is determined by the need for in-depth research work on the newly written languages, which include Kabardino-Circassian. The article reveals the current state of complex sentences in the Kabardino-Circassian language, gives a definition, establishes the characteristic features and basic means of their formation. The novelty of the article also lies in the fact that for the first time in the development of the article the system of linguistic terms in the Kabardino-Circassian language was used, developed by the doctor of philological sciences Bizhoyev B.Ch.

In the process of research, the following were used: the method of observation, the method of analysis, the descriptive method, the comparative method, the method of study and generalization.

The results of this article indicate that in complex sentences several simple sentences are inextricably linked intonation, semantically and grammatically; such proposals can be both open and closed structures; they are divided into three large structural and semantic groups due to conjunctions, with the help of which simple sentences are combined into complex ones (ikli (and), atle (a, but), arshkhekle (but, however), aue (but), ze ... ze / zem ... zem (that ... that), armyrame (not that), etc.). The paper proves that simple sentences that form complex structures retain greater independence than predicative parts that are part of complex sentences. However, absolutely free compound sentences, both in semantic and grammatical terms, are not found in the Kabardino-Circassian language.

Keywords: Kabardino-Circassian language, grammar, complex sentences, compound sentences, coordinating conjunctions

For citation: Sherieva N.G. Features of the Structure of Compound Sentences Kabardino-Circassian Language. Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2022; 2 (53): 69–74. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-69-74

Научная статья

ОСБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Нина Гумаровна Шериева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, nina.sherieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5550-7170>

© Н.Г. Шериева, 2022

Аннотация. Основной целью исследования является разносторонняя характеристика сложносочиненных предложений, определение их места в системе кабардино-черкесского языка, выявление отличительных черт и способов образования. Актуальность данной проблемы определяется потребностью в наличии глубоких исследовательских работ по младописьменным языкам, к которым относится кабардино-черкесский. В статье выявляется современное состояние сложносочиненных предложений в кабардино-черкесском языке, дается определение, устанавливаются характерные черты и основные средства их образования. Новизна статьи заключается также в том, что впервые при разработке статьи применялась система лингвистических терминов на кабардино-черкесском языке, разработанная доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч.

В процессе исследования применялись: метод наблюдения, метод анализа, описательный метод, сопоставительный метод, метод изучения и обобщения.

Результаты данной статьи свидетельствуют о том, что в сложносочиненных предложениях несколько простых предложений неразрывно связываются интонационно, семантически и грамматически; подобные предложения могут быть как открытой, так и закрытой структуры; они делятся на три большие структурно-семантические группы благодаря союзам, с помощью которых простые предложения соединяются в сложные (*икли* (и), *амлэ* (а, но), *аршхьэклэ* (но, однако), *ауэ* (но), *зэ... зэ / зэм...зэм* (то...то), *армырамэ* (не то), и т.д.). В работе доказано, что простые предложения, образующие сложносочиненные конструкции, сохраняют большую

самостоятельность, чем предикативные части, входящие в состав сложноподчиненных предложений. Однако абсолютно свободные сложносочиненные предложения и в семантическом и в грамматическом плане в кабардино-черкесском языке не встречаются.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, грамматика, сложные предложения, сложносочиненные предложения, сочинительные союзы

Для цитирования: Шериева Н.Г. Особенности строения сложносочиненных предложений кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 69–74. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-69-74

ПсалъэзэпыщIэкIэ зэпха псалъэуха зэхэльхэм, псалъэухам и мыхьэнэ-зэхэлъыкIэ елытауэ, гупышхуитI къахощъэхукIыр: псалъэуха зэхэль-зэгъусэрэ псалъэуха зэхэль-зэпхарэ. Ахэр синтаксис зэпыщIэныгъэр гъээщIа зэрыхъумкIи я ухуэкIэки зэщхьэщокI. Лэжыгъэм и мурад нэхьыщхьэщ псалъэуха зэхэль-зэгъусэхэм яIэ щхьэхуэныгъэхэмрэ абыхэм я зэхэлъыкIэмрэ нэхь куууэ цызэпкьрыхыныр.

Джаурджий ХьэТыкьэрэ Дзасэжь Хьэсаншрэ я «Адыгэбзэ» тхылгым псалъэуха зэхэль-зэгъусэкIэ щоджэ «зи Iыхьэхэр зэгъусэу зэзыпх союзхэмкIэ зэкIэлыыхьэхэм» [Джаурджий, Дзасэжь 1995: 134]. Я Iыхьэхэр зэрызэпха псалъэзэпыщIэхэр зыхуэдэ елытакIэ мыпхуэдэ псалъэухахэр авторхэм гупышхуэу: зэкIэлызыыхь псалъэзэпыщIэ зиIэ псалъэуха зэхэль-зэгъусэхэр, зэпэщIэуэ псалъэзэпыщIэ зиIэ псалъэуха зэхэль-зэгъусэхэр, зыгуэш псалъэзэпыщIэ зиIэ псалъэуха зэхэль-зэгъусэхэр [Джаурджий, Дзасэжь 1995: 141].

БзэщIэныгъэлI гупым я IэдакьэщIэкI «Кабардино-черкесский язык» («Адыгэбзэ») лэжыгъэшхуэм ЗекIуэрэи Н.Н. зэрыщитхымкIэ, «Зэхэль-зэгъусэкIэ йоджэр грамматикэкIэ зэхуэдэ хуитыныныгъэ зиIэ гъээщIаIкIуэ Iыхьэхэр цызэхэгъэува, зэпызыщIэ псалъэзэпыщIэхэмкIэ зэпха псалъэухам» [КЧЯ 2006: 500].

Урыс Хьэтэлий псалъэуха зэхэль-зэгъусэхэм я цытыкIэ нэхьыщхьэхуэ кыыхегъэщ абы хэт дэтхэнэ псалъэуха кызырыкIуэри и щхьэ хушытыжу, синтаксис илгэныкьуэкIэ псалъэуха кызырыкIуэм иIэм хуэдэ цытыкIэм иту зэрыщытыр; псалъэуха кызырыкIуэхэр зэпха зэрыхуэ грамматикэ Iэмалу псалъэзэпыщIэр кызырагъэсэбэпыр [Урыс 2000: 176].

Къэхутэныгъэм кызыригъэлыгъуэмкIэ, псалъэухам и гъээщIаIкIуэ Iыхьэхэр зэзыпх Iэмалхэщ зэпызыщIэ псалъэзэпыщIэхэмрэ зэпыщIэныгъэ зэхушытыкIэхэм я цытыкIэм езэгъ макьщIыкIэмрэ.

Псалъэуха зэхэль-зэгъусэхэм я Iыхьэхэр зэзыпх зэпызыщIэ псалъэзэпыщIэхэр гъээщIаIкIуэ Iыхьэхэм я кум дэту къокIуэ икIи грамматикэ мыхьэнэ зэмылIэужьыгъуэхэр, мыхьэнэкIэ зэхушытыкIэхэр къагъэлыгъуэ, абыхэм ящыцу зэпызыщIэхэр, зэпэщIэуэхэр, зыгуэшхэр нэхьыщхьэу ябж.

Апхуэдэ зэхушытыкIэхэр хуокIуэр зи сэбэпкIэ ахэр зэфIэува хуэ зэпыщIэныгъэ Iэмалхэм.

Псалъэуха зэхэль-зэгъусэхэм я синтаксис зэпыщIэныгъэм кыщагъэсэбэп зэпызыщIэ псалъэзэпыщIэхэу: зэпызыщIэ (*икIи, аби*); псалъэзэпыщIэ лъабжьэгъусэ -рэ, -и, н.; зэпэзыгъэуэ (*ауэ, амIэ, арихьэкIэ, армыхьумэ, нэгъуэшIэхэри*); зыгуэш (*зэ...зэ, е, хьэмэ/хьэмэрэ*, н.); кыыхагъэщхьэхукIыр псалъэзэпыщIэ пызыгъахьуэ мыхьэнэ къэзыгъэлыгъуэ лъабжьэгъусэхэри.

Псалъэуха зэхэль-зэгъусэхэм я щхьэхуэныгъэхэм ящыщ зыщ абыхэм зэIуха зэхэлъыкIэри зэхуэщIа зэхэлъыкIэри зэралэр.

Псалгэм папщIэ, псалъэзэпыщIэ *икIи*, зэ...зэ-хэм нэхьыбэрэ уащрохьэлIэ зэпыщIа псалъэуха зэхэль-зэгъусэхэм я зэIуха, зэхуэщIа лIэужьыгъуэхэм: *Пцыхьэщхьэм ефэндыр Уэлийхэ я деж кIуащ икIи абы и анэм (и адэр зауэм цыIэт) жриIащ и къуэм зэхуэщIыхьа Iимансызыгъэр* (Брат Хь.); *Автобус цхьэгъубжэмкIэ*

зэ бжсьыхэа цыгьын дыцафэклэ зызыхуэна жыгхэр блэлэтырт, зэ жсыжсьэу пльагьу мылылэ абрагьуэхэр кьыкьуэцт, зэ гүэдзынкьэ хьэсэ нэцлэыхуэ пльагьурт (Хьэхьупашлэ Хь.).

Зэ...зэ кьытезыгьээж зэпызыщлэ псалъээпыщлэм зэлуха зэхэлъыклэ кьегьэхьу. Ауэ а кьытезыгьээж зэпызыщлэ псалъээпыщлэ зэ...зэ жыхуилэ дьдэм лъабжьэгьусэ -и-р и гьусэу кьыщахьым деж (а псалъээпыщлэ мыхьэнэ дьдэри кьыгьэлъагьуэу), абы зэпызыщлэ зэхэлъыклэр егьэбыдэжыр (зэхуешлэжыр): *Автобус цхьэгьубжэмклэ зэ бжсьыхэа цыгьын дыцафэклэ зызыхуэна жыгхэр блэлэтырт, зэ жсыжсьэу пльагьу мылылэ бгы абрагьуэхэр кьыкьуэцт, зэм гүэдзынкьэ хьэсэ нэцлэыхуэ пльагьурт.*

Псалъэуха зэхэлъ-зэгьусэми и гьээзщлэлуэ занэхэр дапхуэдэуи зэклэлъыклэу мэхьу, а зэклэлъыклэуэклэр синтаксис зэхушытыклэхэмклэ (зэлытыныгьэ, пызыгьахьуэ, нэгьуэщлэри) гьэбелджыла щыхьухэм деж кьыщынэмыщлэуэ.

Псалъэуха зэхэлъ-зэгьусэхэм я модель лэужьыгьуэхэр псалъээпыщлэхэм цагьээщлэ кьалэнхэм елыгьтауэ зэпкьыртхэм нэхь кьезэгьыу кьыдолъытэ. Псалъээпыщлэхэм кьагьэлъагьуэ мыхьэнэ зэмылэужьыгьуэхэм япкь итклэ псалъэуха зэхэлъ-зэгьусэхэр мыпхуэдэ зэхэлъыклэ-мыхьэнэ гупышхуэхуэ зэщхьэщыбгьэкл хьунуш:

1. Зэпызыщлэ псалъээпыщлэхуэ *икли*-рэ псалъээпыщлэ лъабжьэужь -и-рэ зыхэт псалъэуха зэхэлъ-зэгьусэхэр: *Зэман клэцлэым кьриубыдэу икли уэшхри кьешхащ, икли дьгьэри кьепсыжащ, икли лэгьуныкьури цлэпыщлэжы уафэ джабэм кьыклэридащ* (Елгьэр К.); *Зээмызэ кьыкьуэу жьы паклэхэм жыг тхэмпэхэр хуарзэу кьыпаудырт, икли алэрыбгьу дахэм хуэдэу ахэр жыг цлэагьым цыгьуэлэнт* (Нало З.); *Пащтыхьым зэпымыуэ тууцлэурэ мацлэ хьуа кьэбэрдеищлэри иджы куэдэу бэгьуа унагьуэ «цхьэхуитхэм» кьаймэцлэкл хьури, щлэри цлэрыщлэу ягьушыжын кьахуэдэлащ* (Нало А.); *Тракторми кьутагьэ илэжьым, пхьэлэцэ вабдзэри зыфлэна рамэм кьыфлэпхьыжын пащлэ уцлэлэлэн цылэжэжьым* (Щоджэнцлэу I.).

2. *Армыхьумэ / армырмэ, абы кьыхэкьлэ, арицхьэкьлэ, амлэ, ауэ, итлани* зэпэщлэуэ-зэпэзыгьуэу псалъээпыщлэхэр зыхэт псалъэуха зэхэлъ-зэгьусэр: *Нмлэ, Кьубатий, Гэмал зэрилэклэ, нэхь пьынищлэу зыбгьэгьууцын хуейщ, армыхьумэ уз кьоуэлэнклэ хьунуш* (Мэлбахьуэ Е.); *Кьэрэщей Гэуэлэуэн цызыгьэтауэ и льыр зыщлэунищлэ пэклэуэу жэуапым ежьэ и анэм еплэри жэуапыр нэхь еклэу зэритыным егупсысащ, абы кьыхэкьлэ имыхьэлу жэуапыр игьэгуащ* (Нало А.); *Адэклэ абы кьыжиэнум Анчокьу пэплэрт, арицхьэкьлэ льыжь мыпсалгьэрейр бэаужащ* (Клэрашэ Т.); *Иджы Лолэ и пащхьэ итыр ипэрей хьыдэжэбз псыгьуэ кьыхь пьынищлэри аратэжьым, амлэ пиэр зэклэужу, цабэу псалъэу, уардэу зэклэуэ цыт цлэхубз дэгьуэищхуэ абы и псалъэгьур* (Кьашыргьэ Хь.).

3. *Е, зэ...зэ / зэм...зэм, хьэмэ / хьэмэрэ* зыгуэш псалъээпыщлэхэр зыхэт псалъэуха зэхэлъ-зэгьусэр: *Е пьынищлэу кьызэрыкьуам иригьэша, е гурьгьу-гурьщлэ гухэ ищлэ, е уз ужьынкьэм кьыхэкьлэу ара – пиащэм и цхьэр мэуназэ, и лээнклэнищлэри цлэклэзыкьлэ, и Гэухэр цлээнтлащ* (Щоджэнцлэу I.); *Аружан зэм зэлэнт, зэм мэтлэсыжэ, зэм иудыным ар цахьумэ хуэдэу, и итлэым итэклэ задз* (Щоджэнцлэу I.); *Ерстэм игьэцлэгуащ ар: кьанэщылэ Гүэху шынагьуэм щамыгьэгуэзауэ ара, хьэмэ льыгьэм зригьэхьыурэ мыгузэвафэ зытригьэуа* (Клэрашэ Т.).

Псалъэуха зэхэлъ-зэгьусэ зэхэлъыклэхэр кьэзыгьэхьу псалъэуха кьызэрыкьуэхэм я цхьэ хуитыжыныгьэр куэдклэ нэхьыбэу кьызэтонэ, псалъэуха зэхэлъ-зэпхам хыхьэ гьээзщлэлуэ лыхьэхэм елыгьтауэ. Мащлэжьым псалъэуха зэхэлъ-зэгьусэхэм я гьээзщлэлуэ лыхьэхэр зи цхьэ хушыгьыж синтаксис кьэхьуныгьэхуэ кьэбгьэсэбэп щыхьур. Зэгьапщэ шапхьэхэр: *Дыгьэ кьыдэклэуэтеям пиэддэжыжэ уэсэпсыр* зэуэ трипхьуэтащ, *кьуажэ Гэхьуэми шытх бадзэуанлэми нэхь пэгьунэгьуэ зынещлэ* (Кьашыргьэ Хь.). Мы псалъэуха зэхэлъ-зэгьусэр, гугьуехь хэмылэу, зэрызэхэт

елыгтакIэ зи щхьэ хушыгтыж IыхьитI ипщIыкI хьунуш: *Дыгъэ къыдэкIуэтеям ицэдджыжь уэсэпсыр зэу трипхуэтащ. Къуажэ Iэхуэми шытх бадзэуапIэми нэхъ пэгъунэгъу зынещI.*

АрщхьэкIэ зэхэлъ-зэгъусэ гъэпсыкIэхэм я мыхьэнэки, грамматикэ илэныкыуэки и кIэм нэсу зи щхьэ хушыгтыж псалъэухахэр яхэту урихьэлIэркъым. Псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэм хыхьэ гъэзэщIакIуэ Iыхьэхэм я щхьэ хушыгтыжыныгъэм и мардэр сыт шыгъуи гъэмэщIащ икIи ехьэлIащ. ИщхьэмкIэ къыщытхьа псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэми къыхэбгъуэтэнущ абы и Iыхьэхэм я кум дэль мыхьэнэ зэпыщIэныгъэр: абы къыщыгъэлъэгъуа къэхьукыащIэхэм къауатэ псори пщэдджыжь щIыIэтыIэр зэриухам епхаш. Псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэм и Iыхьэхэм я кум дэль мыхьэнэ зэпыщIэныгъэр нэхъ гъэлъэща мэхьу абыхэм я зэхуэдэ псалъэуха пкъыгъуэ цаIэм и деж. Псалъэм папщIэ, егъапщэ: *Щхьэгъубжэ зэIудзамкIэ зэ сабий джэгъухэм я зэрыгъэкIий макъ къыдоIукI, зэмI ахэр зыгъэсабыр анэм и псалъэ цызэхох.*

Абы нэмыщIкIэ, псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэхэм иджыри зэхэлъыкIэ щхьэхуэныгъи яIэщ. Псалъэуха зэхэлъ-зэпхэхэм я нэхьыбэм къащхьэщыкIыу, ахэр зэхуэщIа зэхэлъыкIэри, зэIуха зэхэлъыкIэри яIэу къэкIуэнкIэ хьунуш.

ЗэIуха зэхэлъыкIэр зи нэцэнэгъэлъагъуэр псалъэзэпыщIэ къытезыгъэзэххэр зыдэщIыгъу псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэхэращ. Псалъэм папщIэ, егъапщэ: *Дуней къэпIтар къыгъэщIыIэтыIэну е уэиш цабэ тIэкIу къримыпхьыхьт, е акъужь мащIи къемытщэт* (Къущхьэ С.); *Псы уэр ежэхьым и макъыр зэпиуду зэ уафэгъуагъуэ иным къызэпхиудт, зэ цыблэ уафэхуэпскIыр къэщIычт* (Къущхьэ С.).

ЗэхуэщIа зэхэлъыкIэ зиIэ псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэхэр нэхьыбэу къызэрыхьур зэпэщIэуэ псалъэзэпыщIэхэмкIэщ. Щапхьэхэр: *Дэ димыIэ Iэджи щыIэщ, уэ пхуэфэцэнуну нысашэм ухуэдгъэхъэзырыфынуи къыщIэкIынкъым, ауэ уэ нэхъ тхьэмыщIкIэ зэрыщыIэри зыщумыгъэгъуицэ* (Нало А.); *Хьызыр хуейт пэшымы щIэс адрейхэм хуэдэу езыри и макъым къызэрихькIэ дыхьэшхыну, арищхьэкIэ зэрызигъэхьейуэ уIэгъэр къыхэузыкIырти и нэхэр щигъэункIыфIыкIырт* (Нало А.); *Гуныр ин цхьэкIэ, «гун» фIэни хьунутэкъым машинэ нэплъэ цIыхухэм, амIэ псори ахэр гъуэгубгъум зэбгъурыту Iууващи ТэрчкIалэкIэ къикI гъуэгу фIыцIэ кIапэр цхьуантIагъэм щыхэкIуэдэж къэгъэшыпIэмкIэ маплъэ* (Нало А.).

КъызэщIапкъуэжмэ, псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэхэм къыщыкIуэ дэтхэнэ псалъэуха къызэрыкIуэри синтаксис и лэныкыуэки мыхьэнэ къиуатэки я щхьэ хушыгтыжщ. Ахэр зэхуэщIа зэхэлъыкIи, зэIуха зэхэлъыкIи яIэу къэкIуэфынуш. Псалъэуха къызэрыкIуэхэр зэпха мэхьу псалъэзэпыщIэкIэ. Псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэхэм я гъэзэщIакIуэ Iыхьэхэмрэ абыхэм я синтаксис зэхушыгтыкIэхэмрэ зэзыпх псалъэзэпыщIэм дэпIагъу шытыкIэм елыгтауэ къыхэбгъэщхьэхукI хьунуш мыпхуэдэ гупхэр: зэпызыщIэ псалъэзэпыщIэхэр (псалъэзэпыщIэ *икIи*, псалъэзэпыщIэ лъабжьэужь *-и*, *н.*) зыхэт псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэхэр; зэпэщIэуэ-зэпэзыгъуэу псалъэзэпыщIэхэр (*ауэ*, *амIэ*, *арищхьэкIэ*, *армыхьумэ*, *армырамэ*, *н.кь.*) зыхэт псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэхэр; зыгуэш псалъэзэпыщIэхэр (*е*, *зэ...зэ / зэм...зэм*, *хьэмэрэ / хьэмэ*) зыхэт псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэхэр.

ТегъэщIапIэхэр Список источников

Джаурджий, Дзасэж 1995 – *Джаурджий Хь.З., Дзасэжэ Хь.Е.* Адыгэбзэ. IыхьитIу зэхэлъу. Налшык: Нарт, 1995. II Iыхьэ. 240 с.

КЧЯ 2006 – Кабардино-черкесский язык: В 2 т. / Гл. ред. М.А. Кумахов. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. 2. 520 с.

Урыс 2000 – *Урыс Хь.Щ.* Адыгэбзэм и тхьэдэ. IыхьитIу зэхэлъу. I Iыхьэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 360 с.

References

- DZHAURDZHIJ H'.Z., DZASJEZH' H'.Z. *Adygjebzje* [Kabardino-Circassian language] / Iyh'itlu zjehjel#u. Nalshyk: Nart, 1995. II Iyh'je. 240 s. (In Kabardino-Circassian)
- Kabardino-cherkesskij jazyk [Kabardino-Circassian language]: v 2 tomah. / Gl. red. M.A. Kumahov. Nal'chik: Jel'-Fa, 2006. T. 2. 520 s. (In Russia)
- Urys H'.SHH. *Adygjebzjem i thydje* [history of the Kabardian language]. Iyh'ytlu zjehjel#u. I Iyh'je. Nal'chik: Jel'brus, 200. 360 s. (In Kabardino-Circassian)

Авторым теухуауэ

Шэру Н.Гъу. – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжъакІуэ нэхъыжь.

Информация об авторе

Н.Г. Шериева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

N.G. Sherieva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector

Статья поступила в редакцию 11.06.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 11.06.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.

Научная статья

УДК 811.352.3'367.627+811.161.1'367.627

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-75-87

**СЕМАНТИКА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ БЛЫ –
СЕМЬ В УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ**
(на материале кабардино-черкесского и русского языков)

Марьяна Рашадовна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, maryana.khezheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9568-7751>

© М.Р. Хежева, 2022

Аннотация. В статье рассматриваются семантические особенности функционирования числительных *блы* – *семь* в кабардино-черкесском и русском языках. Обращено внимание на то, что современный этап развития лингвистической науки характеризуется повышенным интересом к изучению культурно-значимых нумеративов и числительных, однако не все вопросы, связанные с ними, получили развернутого освещения. Научная новизна работы заключается в том, что впервые в адыгском языкознании предпринята попытка системного анализа семантики числительного *блы* в кабардино-черкесском языке в сопоставлении с тем, как в русском языке функционирует числительное *семь*. Работа выполнена в рамках сопоставительной лингвокультурологии, цель которого исследование универсальных и этноспецифических особенностей языковой картины мира. Весьма важным является изучение устойчивых выражений и сложных слов с составным компонентом числительным, в которых числительное наделено дополнительной этносемантикой. Такого рода исследования дают возможность проследить взаимосвязь и взаимовлияние разнородных языков, а также выявить специфические черты семантики числового компонента. Основной акцент сделан на выявление семантических эквивалентов. Анализ языкового материала показал, что числительное *семь* и в кабардино-черкесском и в русском языках обладает как положительной, так и отрицательной семантикой.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык; русский язык; числительное; семантика; нумератив; устойчивые выражения; функционирование

Для цитирования: Хежева М.Р. Семантика числительных *блы* – *семь* в устойчивых выражениях (на материале кабардино-черкесского и русского языков) // Вестник КБИГ. 2022. № 2 (53). С. 75–87. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-75-87

Original article

**SEMANTICS OF NUMERALS БЛЫ –
SEM' 'SEVEN' IN SET PHRASES**
(on Material of Kabardino-Circassian and Russian Languages)

Maryana R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, maryana.khezheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9568-7751>

© M.R. Khezheva, 2022

Abstract. The article discusses the semantic features of the functioning of the numerals *блы* – seven in the Kabardino-Circassian and Russian languages. Attention is drawn to the fact that the modern stage of the development of linguistic science is characterized by an increased interest in the study of culturally significant numerals and numerals, however, not all issues related to them received extensive coverage. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time in the Adygeyan linguistics, an attempt was made to analyze the semantics of the numeral *bly* in the Kabardino-Circassian language in comparison with how the numeral seven functions in the Russian language. The work was carried out within the framework of comparative cultural linguistics, the purpose of which is to study the universal and ethnospecific features of the linguistic picture of the world. It is very important to study stable expressions and complex words with a composite component of the numeral, in which the numeral is endowed with additional ethnosemantics. This kind of research makes it possible to trace the relationship and mutual influence of languages of different systems, as well as to identify the specific features of the semantics of the numerical component. The main focus is on identifying semantic equivalents. The analysis of the linguistic material showed that the numeral seven in both the Kabardino-Circassian and Russian languages has both positive and negative semantics.

Keywords: Kabardino-Circassian language; Russian language; numeral; semantics; numerative; stable expressions; functioning

For citation: Khezheva M.R. Semantics of numerals *блы – сем* ‘seven’ in set phrases (on material of kabardino-circassian and russian languages). Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2022; 2 (53): 75–87. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-75-87

1. Введение

В наиболее древних мифопоэтических традициях числам придавалось сакральное значение. Они рассматривались в качестве божественных символов или символов Вселенной, Космоса. Числа – символ гармонии и порядка в противовес Хаосу [Маковский 1996: 388]. В лингвистической науке числа выражены именами числительными. Имя числительное в современной лингвистике определяется как знаменательная часть речи, которая выражает всей совокупностью входящих в нее слов существующую в данном языковом обществе счетную систему, в которой каждое числительное представляет элемент этой системы – числовое понятие (число, количество предметов, порядок при счете – место в счетном ряду) [Жеребило 2010: 119]. На современном этапе развития лингвистической мысли внимание исследователей привлекают проблемы, касающиеся отражения в языке особенностей национального мировидения, национального мышления, национальной культуры [Кумыкова 2017]. Под особым этноспецифическим углом зрения рассматриваются и числительные, которые, как правило, в большинстве языков наделены особой национальной семантикой. В последние годы в отечественной лингвистике появилось немало количество работ, посвященных сравнительно-сопоставительному анализу фразеологических единиц с составным компонентом-числительным: [Пасечник 2009, Голованова 2011, Гусейнова 2011, Соловьева 2016, Бижоев, Хежева 2019 и т.д.]. Немало работ, связанных с изучением языковых единиц, образованных при функциональном участии числительных *блы – семь* [Ермакова, Гаврилова 2015, Дзедзаева 2016, Габитова 2017 и т.д.].

Предметом исследования в настоящей статье являются семантические особенности функционирования числительных *блы – семь* в составе сложных слов и в устойчивых выражениях кабардино-черкесского и русского языков, в которых нумеративный компонент приобретает, сверх своего основного конкретно-количественного значения, некоторые добавочные культурно-типологические смыслы. Анализ фактического материала исследуемых языков дает основания говорить о том, что в них числительные *блы – семь* не только выражают прямые количественные значения, но и имеют специфическую семантику, содержат культурные смыслы.

Задачи исследования

1. Изучить особенности репрезентации количественной семантики числительного *блы* – *семь* в кабардино-черкесском и русском языках.

2. Выявить эквивалентную мифологическую семантику нумератива *блы* – *семь* и способы ее выражения в адыгской и русской лингвокультуре.

3. Проанализировать негативную, положительную и нейтральную семантику числительного *блы* – *семь* и выявить тождественные значения.

Целью данной статьи является целостный анализ семантических особенностей функционирования числительных *блы* – *семь* в кабардино-черкесском и русском языках в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Материалом исследования послужили кабардино-черкесские и русские лексические и паремиологические единицы, в образовании которых принимают функциональное участие числительные *блы* – *семь* и их лексические дериваты.

В качестве основных методов исследования применялись следующие: сплошная выборка лексических единиц и устойчивых выражений из различных словарей кабардино-черкесского и русского языков по критерию наличия в их составе числового показателя *блы* – *семь*, а также контекстуальный анализ семантики данных числительных и значений собранных лексем и выражений.

2. Количественная семантика числительных *блы* – *семь*

Основная функция числительных *блы* – *семь* в исследуемых языках такая же, как и у всех нумеративов, – это выражение определенного, конкретного количества: *жыгибл* (*жыг* ‘дерево’ + *и* (связующий интерфикс) + *блы* ‘семь’) – *семь деревьев*, *пэшибл* (*пэш* ‘комната’ + *и* (связующий интерфикс) + *блы* ‘семь’) – *семь комнат*, *хьыджэбзбл* (*хьыджэбз* ‘девушка’ + *и* (связующий интерфикс) + *блы* ‘семь’) – *семь девушек*. В устойчивых выражениях и сложных словах кабардино-черкесского и русского языка исследуемый нумератив и его лексические дериваты имеют семантику неопределенного множества. Приведем несколько примеров:

(1) в кабардино-черкесском языке: *унагъуэм гъуанибл илэц* [Псалъэжхэр 1994: 162] – ‘В семье множество проблем’ (букв.: в семье семь дыр); *зэпэгъуанибл* (*зэпэгъуанэ* ‘дырявый’ + *и* (связующий интерфикс) + *блы* ‘семь’) – ‘целиком дырявый’, ‘с множеством дыр’ – *джэдыгу зэпэгъуанибл* – ‘тулуп с множеством дыр, целиком дырявый тулуп’ [Адыгэ псалъалэ 1999: 280].

(2) в русском языке: *в семи дворах один топор* [ПРН I 1989: 73]; *семиделка* ‘большое количество разных дел’ [Шабалина 2011: 40]; *семь сел, один вол, да и тот гол* [ПРН I 1989: 74], *семеро, да все на семена* [Там же: 95]; *семеро одну соломинку поднимают* [ТСЖВЯ IV 2006: 170]; *Не велик городок, да семь воевод* [Там же] и т.д.

В русской языковой картине мира осмысление семи как показателя малого количества может определяться представлением о расположении счетных в пространстве относительно друг друга: *волок – семь елок* ‘незначительное расстояние’ [Шабалина 2011: 41]. В кабардино-черкесском языке наличие семантики малого количества у нумератива *блы* не обнаружено.

В русском языке существует группа лексем с корнем *сем-*, семантика которых балансирует на грани **неопределенного большого количества** и **интенсивности** [Шабалина 2011: 41]: *семиться* ‘казаться семью’, *семерить* ‘видеться всемеро, мельтишить’, *семиблюдка* ‘роскошный званый обед’ [ТСЖВЯ IV 2006: 170]. В кабардино-черкесском языке семантика интенсивности и усиления может передаваться наличием нумератива *блы*. К примеру: *хьэзаб* ‘мука, мучение’ – *хьэзаббл* ‘сильное мучение’ (букв.: мучения в семикратном размере) – *хьэзабблыр гъэвын* – ‘сильно мучатся, испытывать сильное мучение’ (букв.: мучиться в семикратном размере) – *Мыбдеж хьэжыуэ, ефэндыуэ, бгырысхэу кыщыцэхуэсахэм жалэнумрэ*

яццэнумрэ ямыццэжу хьэзабиблыр ягъэвырт [Шортэн 2016: 569]. – ‘Собравшись хаджи, эфенди, горцы сильно мучились (букв.: мучились в семикратном размере) из-за того, что не знали что говорить и что делать’; гъыбзафиблыр гъэшын ‘сильно причитать’ (букв.: причитать семь плачей) [АФП 2001: 32].

3. Мифологическая семантика и ее репрезентация в языке

Число играло первостепенную роль в ритуальных и культовых отправлениях, фольклорных и древних литературных текстах [Кириллин 2000: 15]. В зависимости от степени развития того или иного коллектива, социальной группы, класса, племени, нации, и в зависимости от самостоятельного прогресса одни и те же числовые слова стали использоваться различно, как одни и те же термины культа получили различное семантическое содержание [Марр 1934: 306].

Число *семь* закрепилось в мировой культуре в таких своих вариантах как

– семь звезд Большой Медведицы (каб.-черк. *Вагъуэзэшибл* ‘семь братьев-звезд’ [Адыгэ псалгальэ 1999: 56]; в русс. яз. *семизвездие* [ТСЖВЯ IV 2006: 170]),

– семь дней недели (ср. в каб.-черк. *блыцхъэ* ‘понедельник’ (букв.: начало семи) [Адыгэ псалгальэ 1999: 56]. В русс. яз. *седмица* ‘семь дней, неделя’ [ТСЖВЯ IV 2006: 170].

– семь смертных грехов. В русс. яз. *семь смертных грехов* ‘большие пороки, непростительные поступки’ [Федоров 2008: 608].

– семь возрастов человека. Согласно русским азбуковникам колесо жизни человека делится на семь периодов: 1. Младенец – до 7 (лет). 2. Отроча – до 14. 3. Детище – до 21. 4. Юноша – до 28. 5. Муж – до 35. 6. Средовечие – от 42 до 49. 7. Старец – от 49 до 56, по сем матерство (глубокая старость) [Громов, Козлов 1990: 283]. В адыгской лингвокультуре обнаружена интересная параллель: 1. *ИльэсиццI ныбжъым* цытым деж цыхур бзум хуэдэци зольатэ. ‘В десять лет человек подобен птице и летает. 2. *Ильэс ныцкIухым* нэсамэ, чыццI къуеуццIейм хуэдэци. ‘В шестнадцать лет человек подобен игривому козленку’. 3. *Ильэс тлоуццI* ирикъуамэ, дыгъужь хуэдэ мэгуихуэ. ‘В двадцать лет человек подобен бесстрашному волку’. 4. *Ильэс плыццIым* нэсамэ, аслъэн хуэдэу хахуэц. ‘В сорок лет он храбрый, словно лев’. 5. *Ильэс хыццI* ирикъуар вы хуэдэ гуаццIафIэц, и акъыл ирикъуац. ‘В шестьдесят лет выносливый, словно вол, и набрался опыта и мудрости’. 6. *Ильэс ныццIейм* нэсмэ, пэцаццэ фIэкI иццIэжыыхуэ цыцIэкъым. ‘В восемьдесят лет человек может только копошиться’. 7. *Ильэсиццэ ирикъуар* джэдыкIэ шкIумпIым хуэдэци. ‘В сто лет он подобен тухлому яйцу’ [цит. по: Жежева 2017: 26].

Семеричность – одна из наиболее распространенных культурных мотивов. Семерка активно функционирует в традиционной культуре русских и других славян [Шабалина 2011: 39]. Русская духовная народная традиция тяготеет больше к слову, нежели к числу. Тем не менее, она пронизана числовой символикой, проявляющейся в сказках, былинах, христианских преданиях. Присутствие чисел в ней наблюдается повсюду и почти всегда они выступают как священные и глубоко символические [Ключников 1996]. Почитание числа семь – явление не случайное. Мистическим оно стало потом. В начале же культовое его почитание имело материальную исходную основу, деление Вселенной на семь частей [Шортанов 1982: 75]. Семь – это магическая природа человека – семь отверстий в человеческой голове: два глаза, два уха, две ноздри и рот. К примеру: в русс. яз. *Стоит дуб, на дубу клуб, на клубе семь дыр* (человек) [ПРН I 1989: 281]; *Шелков клуб, семь дыр вокруг* [Там же]. В каб.-черк. яз. *Хъурей цыкIу гъуаниблиц (цхъэ)*. ‘Кругленький с семью дырами’ (голова) [Псалъэжъхэр 1994: 307].

Концепция многоэтажной вселенной уходит корнями в глубокую древность, в наиболее ранние пласты религиозно-мифологического сознания. Язык сохранил для нас эти свидетельства [Евсюков 1986: 7]. Представления о семьярусности

небесной сферы и подземного мира закрепились в кабардино-черкесском и русском языках в выражениях *цфы къатибл* ('семь ярусов (этажей) земли'), *уафэ къатибл* ('семь ярусов (этажей) неба'), *быть, чувствовать себя и т. п. на седьмом небе* 'ощущать себя очень счастливым' [Ларионова 2014: 223].

В адыгском фольклоре и в адыгской мифологии встречается мифологема *гъуэгуцхьибл* (*гъуэгу* 'дорога'+ *цхьэ* 'главный'+ *и* (связующий интерфикс) + *блы* 'семь') *зэхэкълылэ* 'перекресток семи главных дорог' [Адыгэ псалгальэ 1999: 102]. В современном кабардино-черкесском языке данное выражение используется для обозначения того момента, в котором человек должен сделать важный выбор в жизни, или окажется в непростой и спорной ситуации. Ср. в русс. яз. *на семи ветрах* 'находящийся, расположенный на пересечении всех дорог' [Федоров 2008: 608].

Для экспликации мифологического пространства в русском и кабардино-черкесском языке используются выражения с составным нумеративным компонентом *блы* – *семь*. К примеру:

в каб.-черк. яз. *хы къумиблым я цфыб* 'за семью озерами' [ЭЧМ 2012: 415], *къуришиблым адэклэ* 'за семью горными цепями' [цит по: Хежева 2015: 11];

в русс. яз. *за семью горами* 'очень далеко, неизвестно где' [Шабалина 2011: 42].

В исследуемых лингвокультурах устойчивые выражения с составным компонентом *блы* – *семь* используются для создания гиперболизированного портрета фольклорного, мифического персонажа. В русс. яз. *Кащей – сам с ноготь, борода с локоть, пуга (бич) в семь сажжен* [ТСЖВЯ II 2006: 103]. В каб.-черк. яз. *лэуэлъауэ къофури, Мыщэ и къуэ Батыр цлоплъ: адакъэшым тесу къылухъауэ, зы лыжъ цыкылу зегъэкъри цытыц, езыр си зыбжьэрэ и жьаклэр си бжъиблу* [Таурыхъищэ 1992: 291]. – 'Услышав шум во дворе, выглядывает сын Медведя Батыр, а там верхом на коне-петухе стоит и выпячивается старичок, ростом в одну пядь и с **бородой в семь пядей**'.

Религиозно-мифологические корни имеют и многочисленные приметы и суеверия, которые закрепились и в адыгской и русской лингвокультурах. Обнаруженные эквивалентные приметы и суеверия с числовым компонентом *семь* можно разделить на несколько тематических групп:

А) замужество (женитьба). К примеру: в русс. яз. *На углу стола сидеть семь лет в девах оставаться (не жениться)* [Флигинских 2016: 211]; ср. в каб.-черк. *Хъыджэбз дэмыкълэм гъуджэр икъутамэ, илъэсиблклэ дэмыкълэуэну къалгытэрт*. – 'Если незамужняя девушка разбила зеркало, она в течение **семи лет** не выходила замуж, считали' [цит. по: Хежева 2017: 47].

Б) здоровье. К примеру: в каб.-черк. *Къэрмэфиблыр узыфиблым и хуцхъуэц, жалэрт*. – 'Гвоздичное дерево – лекарство от **семи болезней**, говорили' [Там же]. Ср. в русс. яз. *Лук семь недугов лечит. Чеснок семь недугов изводит* [ТСЖВЯ II 2006: 279], *Лук от семи недуг. Лук семь недуг лечит* [Там же. С. 279], *Юрьева роса от глаза, от семи недугов* [ПРН I 1989: 345].

4. Негативная семантика

В русской лингвокультуре числительное *семь* может выступать как интенсификатор негативного отношения к объекту, при этом важно, что негативная интенсивность подкрепляется лексикой из сфер религии и народной демонтологии: *хоть бы тебя черти семеро побрали* 'пожелание плохого кому-либо', *будь анафема на семи соборах* 'восклицание, выражающее неодобрение' [Шабалина 2011: 49]. В свою очередь числительное *блы* в кабардино-черкесском языке принимает участие в образовании речевых формул с негативной семантикой. Так, словосочетание *цфы къатибл* (*цфы* 'земля'+ *къат* 'этаж, слой'+ *и* (связующий интерфикс) + *блы* 'семь') 'семь слоев земли' используется в современном кабардино-черкесском языке в значении ад, преисподняя, тартары. Этим, по-видимому, и объясняется его

употребительность в речевых формулах с семантикой проклятия. К примеру *цлы къатибл ухъу* ‘чтобы ты провалился в тартары’ (букв. ‘чтобы ты оказался на седьмом слое земли’), *цлы къатиблклэ клуэцлрыхун* = *цлы къатиблым цлэлъэдэн* ‘тот, которому гореть в аду’ (букв.: ‘тот, которому провалиться на седьмой слой земли’) [Адыгэ псалгальэ 1999: 814], *зэнытрыклублыр къыпхуклуэ* ‘будьте вы прокляты’ (букв.: будьте вы прокляты в семикратном размере’) [Емузов 1994: 122], *зэнытрыклубл ухъу ар* ‘будь он проклят’ (букв.: будь он проклят в семикратном размере) [Там же: 162].

Паремии и сложные слова с нумеративом *блы* – *семь* в обоих языках могут иметь семантику двуличности и лицемерия, непостоянства:

1. в русс. яз. *семь пятниц на неделе* ‘кто-либо непостоянен в своих решениях, часто и легко меняет свои мнения, суждения, оценки’ [Федоров 2008: 551], *сваха лукавая, змея семиглавая* [ПРН II 1989: 242], *семихвостница* ‘сплетница’ [Шабалина 2011: 43], *у бабы семь пятниц на неделе* [ПРН I 1989: 308], *на одном дне семь пятниц* [ПРН I 1989: 403].

2. в каб.-черк. яз.: *фибл* (*фэ* ‘кожа’ + *и* (связующий интерфикс) + *блы* ‘семь’) ‘лицемерный, неискренний’ (букв.: с семью слоями кожи). *Жылэнурамэ, фиблт а цыхур, ШытыкIэ куэди фIэдурыст* [ЕО 2019: 12]. – ‘Одним словом, был непостоянным этот человек (букв.: был человеком с семью слоями кожи), дозволенным считал различное поведение’. *Зыхуэгъэфиблын* ‘лицемерить перед кем-л., угождать’ [Адыгэ псалгальэ 1999: 302]. *Тырку сондэджэрым пицы Аслъэнджэрий зыкьыхуегъэфибл. Ди гуапэщ фыкьызэрыклуар, сьт нэхъ къытхуэфша* [Шортэн 2016: 81]. – ‘Турецкий торговец лицемерит пред князем Аслангери. Мы рады, что вы к нам пришли, что интересного вы нам привезли’.

В русском языке негативную семантику приобретают языковые единицы, в которых нумератив *семь* имеет значение массовости, и характеризует халатное отношение к своим обязанностям [Ермакова, Гаврилова 2015: 42]. К примеру: *У семи пастухов не стадо* [ПРН II 1989: 83]; *У семи нянек дитя без глазу* [ПРН I 1989: 217]. В кабардино-черкесском языке в образовании устойчивых языковых единиц с эквивалентной семантикой обычно участвует лексема *куэд* ‘много’. Ср. *Мэлыхуэр куэдмэ, мэлыр псэхэлIэ мэху* [Псалъэжьхэр 1994: 78]. – ‘Если чабанов много, овцы умирают’.

Негативную семантику **разрознённости** числительное *семь* имеет в русском языке в выражении *семь раз поели, за столом не сидели*. Пословица употребляется в том случае, когда нужно охарактеризовать ситуацию, в которой члены семьи обедали порознь. Паремия несет в себе негативную коннотацию в силу того, что нарушался обряд вкушения пищи за столом всей семьей [Ермакова, Гаврилова 2015: 43]. В кабардино-черкесском языке не обнаружено языковых единиц, в которых нумератив *блы* имеет семантику разрознённости.

5. Положительная и нейтральная семантика

Важность принятия обдуманного и взвешенного решения в исследуемых языках выражается наличием числительных *блэ* – *семь раз*. *семь раз померь, один раз отрежь* [ФСРЯ 2003: 464] ср.в каб.-черк. яз. *блэ егъатици, зэ ныуцил* [цит. по: Хежева 2016: 125].

С положительной стороны могут характеризовать человека сложные слова и устойчивые выражения русского и кабардино-черкесского языка с общей семантикой силы, мощи и выносливости. В русс. яз. *семижильный* ‘выносливый, сильный, крепкий’ [СРЯ 1972: 654], *семью пестами в ступе не утолчешь* ‘о сильном, здоровом человеке’ [БСРП 2007: 494]. В каб.-черк. *псибл* ‘двухжильный’, ‘о необычайно выносливом человеке’ (букв.: с семью душами) [АУП 2008: 364].

В обоих исследуемых языках обнаружены языковые данные, свидетельствующие о наличии у числительного *блы* – *семь* семантики надежности. В русс. яз.

за семью замками 1. ‘под строгим присмотром’, ‘под надежной охраной’. 2. ‘надежно спрятан и недоступен’ [Федоров 2008: 245]; за семью печатями ‘тщательно спрятан, недоступен, неизвестен’ [Там же: 468].

в каб.-черк. *лунклыбзибл етауэ хьумэн* ‘хранить за семью замками’: *Ар (цэхур) жицэмэ е итхмэ, абы и цыыхьыр, и цилэр нэхъ лъахъиэ хьуну кьыцохъу, игъафлэу, иригуфлэу, иригуишхуэу унклыбзибл етауэ ар и гум щехъумэ* [Шэмырзэ 2002: 136]. – ‘Ей (Заре) кажется, что если она скажет или напишет о своей тайне, ее честь и достоинство уменьшатся, эту тайну она с радостью и гордостью хранит в своем сердце за семью замками’. В большинстве случаев такие языковые единицы имеют положительную коннотацию.

Обнаружены языковые единицы с составным нумеративным компонентом *блы* – *семь*, которые не имеют явно выраженной негативной или положительной семантики, однако контекстуально могут приобретать разные коннотации. Здесь приемлемо упомянуть фразеологизмы и сложные слова, имеющие общую семантику:

(1) размер: В русс. яз. *семисветный* ‘большого размера, крупный’, *семеро под коленки* ‘высокий’ [Шабалина 2011: 40]. В каб.-черк. *бгъэгу Гэмыцлибл* широкогрудый [букв.: с грудью шириной в семь кулаков] [цит. по Хежева 2017: 58].

(2) Расстояние: в русс. яз. *за семью версту* ‘далеко’ [БРСРП 2007: 78]; *за семь верст киселя есть* Далеко и попусту ехать, идти [Федоров 2008: 224]. В каб.-черк. *псибл (псы ‘вода’, ‘река’ + и (связующий интерфикс) + блы ‘семь’) адрыцл цылэ* ‘находящийся далеко’ (букв.: находящийся за семью реками): *Къэхъуаиц, езы Мэзкуу, хьэмэрэ псибл адрыцл цылэ нэгъуэцл къалэшхуэ гурьым и уэрамьым уздриклуэм илъэсклэ умылъэгъуа уи къуажэсгъум шокъу жоуэ ухуэзэу!* [Гьут 2019: 15]. – ‘Бывало, что на улицах Москвы, или других городов, находящихся далеко (букв.: находящийся за семью реками) встречаешь односельчанина, которого уже год не видел’.

(3) Жизненный опыт. В русс. яз. *в семи ступах толченный* ‘бывалый с большим жизненным опытом’ [Шабалина 2011: 40], *из семи печей хлеба едал* ‘бывалый’ [ТСЖВЯ IV 2006: 170], *купался в семи водах* ‘об опытном человеке’ [БРСРП 2007: 91]. В каб.-черк. *псибл иклац* ‘имеет солидный опыт в чем л.’ (букв.: бывал за семью реками) [Хежева 2016: 124].

(4) Труд. Трудности. В русс. яз. *до седьмого пота* ‘до изнеможения, крайней усталости’ [Ларионова 2014: 142]; *пролить семь потов* ‘напряженно и интенсивно потрудиться’ [Федоров 2008: 537]. В кабардино-черкесском языке полнозначных эквивалентов с составным компонентом *блы* не обнаружено. Здесь важно отметить, что в кабардино-черкесском и в русском языках есть фразеологические единицы с нумеративом *блы* – *семь* с общей семантикой недобровольного и тяжелого труда: в русс. яз. *согнуть семь потов* ‘изнурить, измучить кого-либо непосильной работой, требованиями’ [Федоров 2008: 641], *содрать семь шкур* ‘беспоощадно, жестоко эксплуатировать’ [ФСРЯ 1968: 146]; в каб.-черк.: *фибл техын* ‘заставлять испытывать трудности, подвергать тяжелым испытаниям’ (букв.: снимать семь слоев кожи). *Пасэ зману Ди нэр изыфу, Фиблыр ттезыхьу Зэхамэу лъэпкъхэр Дызыгъэпсэуар* [Хьэхъуаиц 1983: 72]. – ‘Беспросветное прошлое, которое подвергало нас тяжелым испытаниям (букв.: время, которое снимало с нас семь слоев кожи), в котором все народы жили словно чужие’.

На основе анализа языкового материала выявлено, что в русском языке нумератив *семь* является компонентом устойчивых выражений со значениями, в составе которых присутствуют семы положительной и нейтральной оценки, которые не характерны для кабардино-черкесского языка. К примеру:

(1) Ум, познание, мудрость: *семи пядей во лбу* ‘об очень умном’, *семь ступеней познания* [Лагунова 2015: 126].

(2) Удадь, мужество, героизм: *Семеро пойдут – Сибирь возьмут* [Волошин 2016: 51].

Числительное *семь* имеет наиболее ярко выраженное сакральное и ритуальное значение, обусловленное определенными объективными физическими и психологическими закономерностями окружающего нас мира [Приемышева 2009: 32].

6. Заключение

Проведенный сопоставительный анализ семантики числительных *блы* – *семь* в устойчивых выражениях и сложных словах кабардино-черкесского и русского языков позволил нам выявить некоторые семантические сходства и различия.

В русском и кабардино-черкесском языках при помощи нумеративов *блы* *семь* репрезентируется семантика множества и интенсивности. Обращает на себя внимание и то, что в русской лингвокультуре обнаруживаются примеры, в которых исследуемое числительное имеет семантику незначительного количества.

Мифологическая семантика числительного *блы* – *семь* как в русской, так и в адыгской лингвокультуре довольно многообразна и вполне может стать предметом отдельного исследования. В рамках данной статьи мы выявили языковые эквиваленты и синонимичные устойчивые выражения, при помощи которых репрезентируется мифологическая семантика нумеративов *блы* – *семь* в адыгской и русской лингвокультурах. Так, оба языка сохранили свидетельства религиозно-мифологических концепций о многоярусности вселенной. В русс. яз. *на седьмом небе*. В каб.-черк. *уафэ къатибл* ‘семь ярусов земли’, *щІы къатибл* ‘семь ярусов земли’. Достаточно употребительная в русской лингвокультуре фразеологическая единица *на седьмом небе* в кабардино-черкесском языке не имеет однозначного эквивалента, образованного при функциональном участии нумератива *блы*. В то же время высокой употребительностью и достаточно богатой семантикой отличается мифологема *щІы къатибл* ‘семь ярусов (этажей) земли’, которая имеет как отрицательную, так и нейтральную коннотацию.

Выражения *гъуэгущхьибл зэхэКІынлэ* ‘перекресток семи главных дорог’ – на семи ветрах, *къуршиблым адэкІэ* ‘за семью горными цепями’ – за семью горами имеют идентичную семантику. В исследуемых лингвокультурах обнаружены приметы и суеврия с нумеративным компонентом *блы* *семь*, связанные со здоровьем, женьбой (з мужеством).

Числительное *блы* – *семь* и их дериваты в кабардино-черкесском и русском языках встречаются в устойчивых выражениях и сложных словах, характеризующих черты человеческого характера, как с положительной, так и с отрицательной стороны. Так явной негативной семантикой обладают устойчивые выражения кабардино-черкесского и русского языков со значением двуличности, лицемерия, непостоянства. Также, в обоих исследуемых языках обнаружены речевые формулы и устойчивые выражения с общей семантикой проклятия. В кабардино-черкесском и русском языках положительную или нейтральную характеристику репрезентируют устойчивые выражения и сложные слова с общей семантикой силы, выносливости, размера, расстояния, жизненного опыта и др.

В русском языке обнаружены фразеологические единицы с числительным *семь*, содержащие в себе семы положительной и отрицательной оценки, которые не характерны для кабардино-черкесского языка. Так, положительную характеристику репрезентируют языковые единицы русского языка с общей семантикой ума, радости, удалства.

Список источников

Адыгэ псалъалэ 1999 – *Адыгэ псалъалэ*. М.: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь Кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).

АУП 2008 – *Адыгэ-урыс псалъалъэ / зэхэз*. Апажэ М.Л., КӀуэжӀуэ Ж.Н. Налшык: Эльбрус, 2008. 704 н. (Кабардино-черкесско-русский словарь / сост. М.Л. Апажев, Дж.Н. Кокв. Нальчик: Эльбрус, 2008. 704 с.).

АФП 2001 – *Адыгэбзэ фразеологизмэхэм я псалъалъэ / зэхэз*. Бэрбэч Б.Ч., БицӀо Б.Ч., ГутӀыж Б.КӀу. Налшык: Эльбрус, 2001. 240 н. (Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка / сост. Б.Ч. Бербеков, Б.Ч. Бижоев, Б.К. Утижев. Нальчик: Эльбрус, 2001. 240 с.).

Бижоев, Хежева 2019 – *Бижоев Б.Ч., Хежева М.Р.* Семантика числительных *ты* – два в устойчивых выражениях (на материале кабардино-черкесского и русского языков // Научный диалог. 2019. № 7. С. 26–38).

БСРП 2007 – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.

Волошин 2016 – *Волошин Ю.К.* Магическая цифра семь // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 3. С. 49–53.

Габитова 2017 – *Габитова Г.А.* Фразеологизмы с компонентом числительным ‘семь’ в русском и башкирском языках // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2017. № 2 (42). С. 106–110.

Голованова 2011 – *Голованова Е.И.* Символика числа в языковом сознании // Челябинский гуманитарий. 2011. № 3 (16). С. 20–24.

Горомов, Козлов 1990 – *Громов М.Н., Козлов Н.С.* Русская философская мысль X–XVII веков. М.: Издательство МГУ, 1990. 288 с.

Гусейнова 2011 – *Гусейнова В.К.* Числительные в составе фразеологизмов (на материале русского, азербайджанского и английского языков) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4. С. 160–164.

Гьут 2019 – *Гьут А.М.* Емук // Гуашхьэмахуэ. 2019. № 4. Н. 15–19. (Гутов А. М. Емук // Ошхамахо. 2019. № 4. С. 15–19).

Дзедаева 2016 – *Дзедаева М.С.* Символическая составляющая концептов ‘число’ и ‘Number’ с номинаторами ‘Семь’ и ‘Seven’ в русской и английской языковых картинах мира // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1. С. 60–62.

Евсюков 1986 – *Евсюков В.В.* Мифы о мироздании. Вселенная в религиозно-мифологических представлениях. М.: Политиздат, 1986. 112 с.

Емузов 1992 – *Емузов А.Г.* Англо-кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1992. 368 с.

ЕО 2019 – *Пушкин А.С.* Евгений Онегин / перевод на кабардино-черкесский язык М.Л. Шаевой. Нальчик: Принт-Центр, 2019. 288 с.

Ермакова, Гаврилова 2015 – *Ермакова Е.Н., Гаврилова Е.Е.* Отражение культуры русского народа в паремиях с компонентом-числительным семь // Фразеологические единицы как элемент языковой картины мира. Курган: Курганский государственный университет, 2015. С. 41–44.

Жеребило 2010 – *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО “Пилигрим”, 2010. 486 с.

Кириллин 2000 – *Кириллин В.М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). СПб.: Алетейя, 2000. 320 с.

Ключников 1996 – *Ключников С.Ю.* Священная наука чисел. М.: Беловодье, 1996. 192 с. URL: <http://ligis.ru/librari/2067.htm#> (дата обращения: 18.05.2021).

Кумыкова 2017 – *Кумыкова Д.М.* Лакунарность фразеологических единиц в кабардино-черкесском и русском языках // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017. № 1 (32). С. 71–76.

Лагунова 2015 – *Лагунова Н.С.* Символика числа «семь» в системе культуры // Наука – образованию, производству, экономике: в 2 т. Т. 1. Витебск: ВГУ им.П.М. Машерова, 2015. С. 126–127.

Ларионова 2014 – *Ларионова Ю.А.* Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.

Маковский 1996 – *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.

Март 1934 – *Март Н.Я.* Избранные работы в 5-ти т. Т. 3. Язык и общество. М., Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 421 с.

Пасечник 2009 – *Пасечник Т. Б.* Число в русской фразеологии // Русская речь. 2009. № 2. С. 124–127.

Приемышева 1999 – *Приемышева М.Н.* Количественные числительные в современном русском языке. Семантика и функционирование: диссертация... кандидата филологических наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 1999. 241 с.

ПРН I 1989 – *Пословицы* русского народа. сборник В. Даля: в 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1989. 431 с.

ПРН II 1989 – *Пословицы* русского народа: сборник В. Даля: в 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. 447 с.

Псалъэжьхэр 1994 – *Адыгэ псалъэжьхэр.* Налшык: Эльбрус, 1994. 328 н. (Адыгские пословицы. Налчык: Эльбрус, 1994. 328 с.).

Соловьева 2016 – *Соловьева Н. В.* Сопоставительный анализ числовой символики русских и британских народных сказок // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 166–173.

СРЯ 1972 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1972. 846 с.

Таурыхъицэ 1992 – *Таурыхъицэ / зэхэз.* Налло З.М. Налшык: Эльбрус, 1992. 400 н. (Сто сказок / сост. З.М. Налоев. Налчык: Эльбрус, 1992. 400 с.).

ТСЖВЯ II 2006 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. II. И–О. М.: РИПОЛ классик, 2006. 784 с.

ТСЖВЯ IV 2006 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. IV. М.: РИПОЛ классик, 2006. Р–Я. 672 с.

Федоров 2008 – *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

Флигинских 2016 – *Флигинских Е.Е.* Символика чисел в суевериях обрядов перехода народов разных языковых семей: русского, английского, марийского // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 1. С. 211–216.

ФСРЯ 1968 – *Фразеологический* словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. 544 с.

ФСРЯ 2003 – *Фразеологический* словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2003. 608 с.

Шабалина 2011 – *Шабалина Е.В.* Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Екатеринбург, 2011. 175 с.

Хежева 2015 – *Хежева М.Р.* Числовая символика в кабардино-черкесском языке: автореф. диссертации... кандидата филологических наук: 10.02.02. Майкоп, 2015. 23 с.

Хежева 2016 – *Хежева М.Р.* Устойчивые выражения с числительными в словарях кабардино-черкесского языка // В сборнике: Адыгская (черкесская) лексикография: теория и практика. Налчык: Издательский отдел КБИГИ, 2016. С. 122–128.

Хежева 2017 – *Хежева М.Р.* Семантика и символика чисел в кабардино-черкесском языке. Налчык: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 136 с.

ХьэхъуапцIэ 1983 – *ХьэхъуапцIэ А.А.* Тхыгъэхэр. Усэхэр. Хьыбархэр. Налшык: Эльбрус, 1983. 283 н. (Хавпачев А.А. Стихотворения и новеллы. Налчык: Эльбрус, 1983. 283 с.).

Шортэн 2016 – *Шортэн А.Т.* Бгырысхэр. Налшык: Эльбрус, 2016. 1224 н. (Шортанов А.Т. Горцы. Роман. Налчык: Эльбрус, 2016. 1224 с.).

Щамырзэ 2002 – *Щамырзэ I.П.* Махуэ лъапэр къэсыпат. Повесть. Налшык: Эльбрус, 2002. 276 н. (Шамурзаев А.П. Наступил желанный день. Повесть. Налчык: Эльбрус, 2002. 276 с.).

ЭЧМ 2012 – *Мижгаев М.И., Паптова М.М.* Энциклопедия черкесской мифологии. Майкоп: 'ИП Паштов З.В.', 2012. 460 с.

References

Adygebze frazeologizmekhem ya psal'al'e [School phraseological dictionary of the Kabardino-Circassian language] / comp. by B.Ch. Berbekov, B.Ch. Bizhoyev, B.K. Utizhev. Nalchik: Elbrus, 2001. 240 p. (in Kabardino-Circassian)

Adyge psal'al'e [Dictionary of the Kabardino-Circassian language]. M.: Digora, 1999. 860 p. (in Russian and in Kabardino-Circassian)

Adyge psal'ezh'her [Adyge proverbs]. Nalchik: Elbrus, 1994. 328 p. (in Kabardino-Circassian)

Adyge-urys psal'al'e [Kabardino-Circassian-Russian dictionary] / comp. by M.L. Apazhev, J.N. Kokov. Nalchik: Elbrus, 2008. 704 p. (in Russian and in Kabardino-Circassian)

BIZHOEV B.CH., KHEZHEVA M.R. *Semantika chislitel'nyh tlu – dva v ustojchivyh vyrazheniyah (na materiale kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov)* [Semantics of Numerals *mly – dva* 'Two' in Set Phrases (on Material of Kabardino-Circassian and Russian Languages)] IN: *Nauchnyj dialog*. 2019. № 7. P. 26–38. (in Russian)

DAL' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-h t. T. II. I–O*. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. V. II. I–O]. M.: RIPOL classic, 2006. 784 p. (in Russian)

DAL' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-h t. T. R–Ya*. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. V. IV. R–Ya]. M.: RIPOL classic, 2006. 672 p. (in Russian)

DZEDAeva M.S. *Simvolicheskaya sostavlyayushchaya konceptov 'chislo' i 'Number' s nominatorami 'Sem' i 'Seven' v russkoj i anglijskoj yazykovyh kartinah mira* [The symbolic component of the concept «Number» nominated by “Seven” in the Russian and English language pictures of the world] IN: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2016. № 1. P. 60–62. (in Russian)

EMUZOV A.G. *Anglo-kabardino-russkij frazeologicheskij slovar'* [English-Kabardino-Russian Phraseological Dictionary]. Nalchik: Elbrus, 1992. 368 p. (in English, Russian and Kabardino-Circassian)

ERMAKOVA E.N. GAVRILOVA E.E. *Otrazhenie kul'tury russkogo naroda v paremiyah s komponentom-chislitel'nyh sem'* [Reflection of the culture of the Russian people in proverbs with the numeral component seven] IN: *Frazeologicheskie edinicy kak element yazykovoj kartiny mira*. Kurgan: Kurganskij gosudarstvennyj universitet, 2015. P. 41–44. (in Russian)

EVSYUKOV V.V. *Mify o mirozdanii. Vselennaya v religiozno-mifologicheskikh predstavleniyah* [Myths about the universe. The universe in religious and mythological representations]. M.: Politizdat, 1986. 112 p. (in Russian)

FEDOROV A.I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. M.: Astrel: ACT, 2008. 878 p. (in Russian)

FLIGINSKIY E.E. *Simvolika chisel v sueveriyah obryadov perekhoda narodov raznyh yazykovyh semej: russkogo, anglijskogo, marijskogo* [Numerical symbolism in the superstitions of the rites of passage of peoples from different language families: Russian, English, and Mari peoples] IN: *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2016. T. 21. № 1. P. 211–216. (in Russian)

Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka [Phraseological dictionary of the Russian language] M.: Soviet Encyclopedia, 1968. 544 p. (in Russian)

Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka [Phraseological dictionary of the Russian language] M.: YUNVES, 2003. 608 p. (in Russian)

GABITOVA G.A. *Frazeologizmy s komponentomchislitel'nyh 'sem' v russkom i bashkirskom yazykah* [Phraseologisms with the numeral component 'seven' in Russian and Bashkir languages] IN: *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully*. 2017. № 2 (42). P. 106–110. (in Russian)

GOLOVANOVA E.I. *Simvolika chisla v yazykovom soznanii* [The symbolism of the number in the linguistic consciousness] IN: *Chelyabinskij gumanitarij*. 2011. № 3 (16). P. 20–24. (in Russian)

GROMOV M.N., KOZLOV N.S. *Russkaya filosofskaya mysl' X–XVII vekov* [Russian philosophical thought of the X–XVII centuries] M.: Izdatelstvo MGU, 1990. 288 p. (in Russian)

GUSEJNOVA V.K. *Chislitel'nye v sostave frazeologizmov (na materiale russkogo, azerbajdzhanskogo i anglijskogo yazykov)* [Numerals as part of phraseological units (based on the Russian, Azerbaijani and English languages)] IN: *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2011. № 4. P. 160–164. (in Russian)

G"UT A.M. Emuk [Emuk]. IN: Oshkhamaho. 2019. № 4. P. 15–19. (in Kabardino-Circassian)

H'EKH"UPASHCHIE A.A. *Thyg"ekher: Usekher. H"ybarher* [Poems and novels]. Nalchik: Elbrus, 1983. 283 p. (in Kabardino-Circassian)

KHEZEVA M.R. *Chislovaya simbolika v kabardino-cherkesskom yazyke: avtoref. dissertacii... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.02* [Numerical symbolism in the Kabardino-Circassian language: abstract of the dissertation ... Candidate of Philological Sciences: 10.02.02] Maykop, 2015. 23 p. (in Russian)

KHEZEVA M.R. *Ustojchivye vyrazheniya s chislitel'nymi v slovaryah kabardino-cherkesskogo yazyka* [Set expressions with numerals in the dictionaries of the Kabardian-Circassian language] IN: *Adygskaya (cherkesskaya) leksikografiya: teoriya i praktika*. Nalchik: Publishing Department of KBIGI, 2016. P. 122–128. (in Russian)

KHEZEVA M.R. *Semantika i simbolika chisel v kabardino-cherkesskom yazyke* [Semantics and symbolism of numbers in the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2017. 136 p. (in Russian)

KIRILLIN V.M. *Simbolika chisel v literature Drevnej Rusi (XI–XVI veka)* [Symbolism of numbers in the literature of Ancient Russia (XI–XVI centuries)]. St. Petersburg: Aletheya, 2000. 320 p. (in Russian)

KLYUCHNIKOV S.YU. *Svyashchennaya nauka chisel* [The sacred science of numbers] M.: Belovod'e, 1996. 192 p. URL: <http://ligis.ru/librari/2067.htm#> (Date of treatment 05.18.2021). (in Russian)

KUMYKOVA D.M. *Lakunarnost' frazeologicheskikh edinic v kabardino-cherkesskom i russkom yazykah* [Lacunarity of Phraseological Units in the Kabardino-Circassian and Russian Languages]. IN: *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoj Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2017. № 1 (32). S. 71–76. (in Russian)

LAGUNOVA N.S. *Simbolika chisla "sem" v sisteme kul'tury* [The symbolism of the number "seven" in the system of culture] IN: *Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike: v 2 t. T. 1*. Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova, 2015. S. 126 – 127. (in Russian)

LARIONOVA Yu.A. *Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the modern Russian language]. M.: Adelant, 2014. 512 p. (in Russian)

MAKOVSKIJ M.M. *Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropskikh yazykah. Obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbolism in the Indo-European languages. The image of the world and the worlds of images]. M.: Humanitarian publishing center VLADOS, 1996. 416 p. (in Russian)

MARR N.Ya. *Izbrannye raboty v 5-ti t. T. 3. Yazyk i obshchestvo* [Selected works in 5 volumes. V. 3. Language and society]. M., Leningrad: State socio-economic publishing house, 1934. 421 p. (in Russian)

MIZHAEV M.I., PASHTOVA M.M. *Enciklopediya cherkesskoj mifologii* [Encyclopedia of Circassian mythology]. Maykop: 'IP Pashtov Z.V.', 2012. 460 p. (in Russian and in Kabardino-Circassian)

MOKIENKO V.M., NIKITINA T.G. *Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok* [Big dictionary of Russian sayings]. M.: OLMA Media Grupp, 2007. 784 p. (in Russian)

OZHEGOV S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language] M.: Soviet Encyclopedia, 1972. 846 p. (in Russian)

PASECHNIK T.B. *Chislo v russkoj frazeologii* [Number in Russian phraseology] IN: *Russkaya rech'*. 2009. № 2. P. 124–127. (in Russian)

Posloviy russkogo naroda. sbornik V. Dalya: v 2-h t. T. 1. [Proverbs of the Russian people. collection of V. Dal: in 2 volumes. V. 1]. M.: Artistic literature, 1989. 431 p. (in Russian)

Posloviy russkogo naroda. sbornik V. Dalya: v 2-h t. T. 1. [Proverbs of the Russian people. collection of V. Dal: in 2 volumes. V. 2]. M.: Artistic literature, 1989. 447 p. (in Russian)

PRIEMYSHEVA M.N. *Kolichestvennye chislitel'nye v sovremennom russkom yazyke. Semantika i funkcionirovanie: dissertaciya... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01* [Cardinal numerals in modern Russian. Semantics and functioning: the dissertation... candidate of philological sciences: 10.02.01]. St. Petersburg, 1999. 241 p. (in Russian)

PUSHKIN A.S. Eugene Onegin / translation into Kabardino-Circassian by M. L. Shaoyeva. Nalchik: Print Center, 2019. 288 p. (in Kabardino-Circassian)

SHABALINA E.V. *Semantiko-motivacionnoe svoeobrazie russkoj leksiki s chislovyim komponentom: etnolingvisticheskij aspekt: dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01*. [Semantic-motivational originality of Russian vocabulary with a numerical component: ethnolinguistic aspect: dissertation ... candidate of philological sciences: 10.02.01]. Ekaterinburg, 2011. 175 p. (in Russian)

SHCHAMYRZE A.P. *Mahue l'apler k'esypat. Povest'* [The desired day has come. Tale]. Nalchik: Elbrus, 2002. 276 p. (in Kabardino-Circassian)

SHORTEN A.T. *Bgyryskher. Roman* [Highlanders. Novel]. Nalchik: Elbrus, 2016. 1224 p. (in Kabardino-Circassian)

SOLOVIEVA N.V. Sopotavitel'nyj analiz chislovoj simboliki russkih i britanskih narodnyh skazok [Comparative analysis of the numerical symbolism of Russian and British folk tales] IN: Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika. 2016. № 4. P. 166–173. (in Russian)

Tauryh'ishche [One hundred tales] / comp. by Z.M. Naloev. Nalshyk: Elbrus, 1992. (in Kabardino-Circassian)

VOLOSHIN Yu.K. *Magicheskaya cifra sem'* [Magic number seven] IN: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2016. № 3. P. 49–53. (in Russian)

ZHEREBILO T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms] Nazran': OOO 'Pilgrim', 2010. 486 p. (in Russian)

Информация об авторе

М.Р. Хежева – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

M.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 25.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 25.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.

Научная статья

УДК 811. 35

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-88-94

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ: СОХРАНЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФОЛЬКЛОРА

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© С.М. Алхасова, 2022

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к переводу синтаксических конструкций произведений фольклора с адыгского языка на русский. Задача состоит в том, чтобы показать роль переводчика в работе с устойчивыми словесными блоками – клише, нередко встречающимися в песнях и текстах нартского и историко-героического эпоса. Рассматривая текст оригинала как начальное звено художественной коммуникации в переводческой деятельности, автор выявляет наиболее характерные случаи, тенденции при переводе синтаксических конструкций с сохранением стилистической окраски. Таким образом автор стремится определить степень расхождения между оригинальным произведением и его переводом, выявить его специфические особенности. Работа содержит анализ практики перевода фольклорных текстов, собранных учеными-просветителями конца XIX – начала XX веков. Акцент делается на записях и переводах К. Атажукина, Ш.Б. Ногмова (Ногма), Л.Г. Лопатинского. Опираясь на опыт известных переводчиков, а также собственный практический опыт, автор делится своими наблюдениями и пытается ответить на вопрос, что составляет основу адекватности при попытках перевода таких сложнейших синтаксических конструкций, как клише, в фольклорных песнях, и определить, от чего зависит адекватность перевода в данном случае.

Ключевые слова: перевод фольклора, ритмика и фоника стиха, поэтическое представление

Для цитирования: Алхасова С.М. Новые подходы к переводу: сохранение синтаксических конструкций при переводе фольклора // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 88–94. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-88-94

Original article

APPROACHES TO TRANSLATION: PRESERVATION OF SYNTAXIC STRUCTURES IN THE TRANSLATION OF FOLKLORE

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© S.M. Alkhasova, 2022

Abstract. The article discusses various approaches to the translation of folklore from the Adyghe (Circassian) folk on Russian language. It is in these approaches that the translator's creative personality is realized. Considering the original as the initial link of artistic communication in translation activities, the author identifies various translation trends. The task is to show the role of the translator in interpreting the original and the degree of discrepancy between the original work and its translation. The work contains some analysis and analysis of the practice of translating folk texts by scientists-educators of the late nineteenth and early twentieth centuries. Based on the experience of well-known translators, as well as his own practical experience, the author shares his observations and tries to answer the question of what constitutes the basis of adequacy, and why the professional success of the translator depends on it.

Keywords: translation of folklore, rhythm and phonics of the verse, poetic representation

For citation: Alkhasova S.M. Approaches to translation: preservation: of syntactic structures in the translation of folklore. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 2 (53): 88–94. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-88-94

В настоящее время практика и теория перевода фольклорных материалов, причем непременно с учетом разноструктурности языка источника и языка перевода продуктивно разрабатываются. Из богатого опыта переводов фольклорных материалов внимания заслуживают научные издания, выполненные в научных учреждениях бывших союзных и автономных республик во времена СССР или же после распада Союза, но по ранее разработанной методике. Образцовой в данном плане является серия «Эпос народов СССР» (позднее переименовано в «Эпос народов Евразии»), выпускаемая Институтом Мировой литературы РАН, где отдел фольклора возглавлял многие годы В.М. Гацак. В частности, в названной серии были изданы отдельными томами эпические сказания адыгов и карачаево-балкарцев. Не меньший интерес представляет переводческая практика и методология исполнителей многотомных изданий «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» и «Антология карачаево-балкарской народной музыки». Теоретико-методологические принципы их были разработаны с учетом опыта всей отечественной переводческой практики и теории применительно к конкретному материалу; их основы кратко сформулированы в работах З.М. Налоева и А.М. Гутова [см, например: Гутов 2018; 2020; Гутов, Паштова 2012].

Основой для данной статьи стали актуальные положения, разработанные в трудах основателей современной теории перевода фольклора, к примеру, работы В.М. Гацака [Гацак 1977]. Предложенный им сравнительно-типологический метод анализа переводов фольклорных песен и сказаний, исследуемый в этнокультурном аспекте – есть тот инструмент, которым мы пользовались в настоящей работе.

Ранее мы рассмотрели процесс эволюционного развития способов перевода адыгского фольклора, используя стилистические и коммуникативные особенности контекста. В этой статье задача состоит в раскрытии некоторых лингво-синтаксических возможностей при переводе фольклора.

Существует группа проблем, связанных с особенностями языка того или иного народа. Как пишет Ю.В. Лиморенко, «при переводе фольклорного памятника, переводчик сталкивается с множеством проблем. Типы этих проблем можно условно разделить на несколько групп. Первое, это различие синтаксического строя языков оригинала и перевода, грамматические особенности построения текста – солецизмы, эллипсис и другие сходные приемы» [Лиморенко 2007: 158]. Согласимся с автором и позволим себе прибавить к перечисленным выше компонентам перевод таких синтаксических разновидностей, как клише.

Итак, какие способы применимы, чтобы сохранить авторам перевода синтаксическую структуру оригинала, частью или составляющими которых является клише? Как известно, клише в фольклорной песне – это установленная традицией

застывшая форма: мотив, тема, словосочетание. Возможно ли воссоздать не просто ритм подлинника на другом языке, но и его синтаксические особенности, при этом – глубоко национальные? Или воспроизвести их невозможно? Большинство переводов произведений адыгского фольклора в XIX – первой половине XX вв., в частности, Л.Г. Лопатинского, были ориентированы на лингвистическую точность, передачу оригинальных конструкций и словосочетаний адыгского языка средствами русского языка буквально, слово в слово. Однако, от передачи многих синтаксических конструкций, в частности клише, приходилось отказываться. Определяя круг своих задач, нам хотелось бы обратить внимание именно на эти элементы текста.

Используя лингвистический способ перевода, предложенный в свое время Л.Г. Лопатинским, представляется ли возможным передать стандартные образцы словоупотребления, типовые схемы словосочетаний и синтаксических конструкций, общие модели речевого поведения в конкретных обстоятельствах и ситуациях героев эпоса, таких, как клише? Имеются в виду те речевые клише, которые применяются в традиционных сюжетах фольклора, в данном случае – сказаниях нартского эпоса и исторических песнях, собранных Ш.Б. Ногма. Если в русском фольклоре известны такие традиционные клише, как: «сыра земля», «красно солнышко», «русский богатырь», «недюжинная сила» и др., – то в адыгском они совершенно иные. К примеру: «Сосуко – сырой, железоглазый муж» [Лопатинский 1970]. Автор перевода Л. Лопатинский не только стремился буквально придерживаться семантики оригинала, но пытался сохранить и синтаксическую конструкцию. В итоге, в переводе вышел полный абсурд, непонятный русскому читателю. Вот строфы нартской песни про главного героя Сосуко (запись К. Атажукина в переводе Л.Г. Лопатинского):

Сосрыкьуэ – ди къанщ,

Сосрыкьуэ – ди нэхущ [Лопатинский, 1871: 13].

Перевод Лопатинского звучит так: «Сосуко наш приемыш и всех нас любимец!». Нельзя сказать, что данный перевод стал клише. Однако последующие переводы этих строф песни о Сосуко звучат иначе, а именно:

Сосуко – наш покровитель

Сосуко – наш свет [Алиева 1979: 48].

Эти строки, несомненно, превратились в устойчивую синтаксическую конструкцию.

Как видим, при передаче синтаксической конструкции фольклористического перевода поэтических песен с адыгского на русский, существуют немалые трудности. А так как нартские песни бытуют в музыкально-певческом жанре, это создает дополнительные сложности.

Подавляющее большинство песен нартского эпоса, записанные Кази Атажукиным, и песен, записанных Ш.Б. Ногма, представляют собой уникальные, никем и никогда в дальнейшем не записывавшиеся произведения. Некоторые из них, например, «Епископ» (Щийхьнагъ) в записи Ш. Ногма, вовсе забыты певцами. Первый собиратель адыгского фольклора Шора Бекмурзович Ногмов (Ногма) записал и сохранил для потомков эту песню. Русский ученый Л.Г. Лопатинский отмечал, что Ногма – «неутомимый собиратель кабардинских исторических песен и преданий», спасший от забвения лучшие поэтические жемчужины» [Алиева 1970: 30].

В переводах песен, которые в художественной форме рукописи «Черкесские предания» (затем в «Истории адыгейского народа»), осуществлены не самим Ш. Ногма, а лицами, перерабатывавшими и подготавливавшими это произведение, иногда настолько далеки от черкесского подлинника, что если подлинника не было, то перевод можно было бы признать самостоятельным, новым произведением. Когда Ш. Ногма в предисловии к «Черкесским преданиям» пишет, что он «перевел некоторые песни на русский язык, придерживаясь буквально их смысла

настолько, насколько это было возможно при свойствах обоих языков» [Ногма, 1956: 26], эта мысль верна только в отношении к первоначальным черновым переводам, а не к той поэтической обработке песен, которую мы находим в рукописи «Черкесские предания» и в печатных изданиях «Истории адыгейского народа», представивших эту рукопись в несколько переработанном виде. Поэтому здесь не приходится вести речь о застывших формах и мотивах синтаксических конструкций, а тем более, о клише. И все же в записях песен Ш. Ногма и его русских переводах клише встречаются.

Вот историко-героическая песня «Гуртатская война» из сборника Ш. Ногма [Ногма 1956].

Это песня времен Русско-Кавказской войны 1763–1864 гг.:

(Гуртат зао)

(Гуртат зауэ)

Гуртатская битва

Гуртатмэ я мывэ къалэхэм лыгъэр къэхохъэры

«Гуртатовых их каменным крепостям пожар приносит» [Ногма 1956: 61].

Словосочетание «мывэ къалэхэм» легко вычленил из контекста песни как устойчивое сочетание, употребительное до настоящего времени. Здесь мы видим один-единственный вариант, или инвариантный порядок словосочетания и в грамматическом, и в стилистическом плане: это клише «каменные крепости».

Совершенно иным образом выглядит положение этого словосочетания в русском переводе. Можно перевести «каменным крепостям», это будет прямой порядок слов, естественный для русского языка, но в эстетическом отношении нейтральный; но можно перевести «крепостям каменным», и тогда это будет грамматически более вольный, но стилистически окрашенный вариант данного словосочетания.

Клише в оригинале: «лыгъэр къэхохъэры», «лыгъэр хальхъэн». В русском переводе существует устойчивое клише: «охватить пожаром», «охвачен огнем, пожаром». Но переводчик это клише пропустил.

«Гатэ кIэчIкIи мэзауэф». – «**И слабей которой воевать может**». В русском переводе пропущен существенный смысловой элемент: «Даже *короткой саблей* может воевать».

В адыгском варианте грамматически свободный порядок слов в синтаксической конструкции может меняться. И меняться с определенной, свойственной эпической поэзии, стилистической окраской, поскольку существует еще вариант клише: «мэзауэф гатэ кIэчIкIи». Клише в данном случае: «Гатэ (джатэ) зэуэн». В русском же переводе вариантов синтаксических конструкций может быть несколько. Ср.: «и такой саблей воевать может»; «воевать может короткой саблей»; «может воевать и короткой саблей».

Если же вычленил словосочетание «гатэ кIэчIкIи», то это единственный способ существования данного словосочетания, значимый порядок слов и в грамматическом, и в стилистическом плане:

Псы бланэ хуэдэу ди ныбжьычIэфIхэр

Воде (поток) сильной (сильному) подобра наша молодежь славная.

В черкесском варианте «псы бланэ» – инвариантная синтаксическая конструкция, грамматически несвободный порядок слов. В русском же переводе оно грамматически свободное и стилистически отмеченное, оно обладает экспрессивно-стилистической окраской. Ср.: «Воде сильной», «Сильной воде».

И потому перед переводчиком возникает сложная задача при переводе подобных словосочетаний – сделать правильный выбор: грамматического и стилистического варианта, – чтобы не нарушать его синтаксическую конструкцию, а также смысловое содержание, и металогию текста в целом.

Клише часто становятся характерной особенностью устно-поэтической речи. Ведь фольклорные песни насыщены стереотипными словами и фразами, которые

часто переходят в клише. Поскольку народные песни и сказания изобилуют набором готовых фраз и широко известными речениями, набором фразеологии, то их можно отнести к тем или иным видам клише. Часто такие слова-клише или фразы-клише не имеют «параллельного» эквивалента на языке перевода (ср.: «наш къан»). Весьма удачное перечисление таких лексических единиц и их характеристика дается в первом, и пока что единственном, монографическом исследовании функциональной стилистики адыгских языков З.Ю. Кумаховой и М.А. Кумахова: «Синтаксический строй устно-поэтической речи характеризуется существенными особенностями, отличающими ее прежде всего от разговорно-бытовой речи. Многие черты синтаксиса устно-поэтической речи обусловлены характером отдельных жанров, своеобразием их формы и построения. Так, для начала народных сказок существуют традиционные синтаксические клише...» [Кумахова, Кумахов 1985: 57].

Чтобы убедиться, насколько трудными становятся в таком случае задачи переводчика, рассмотрим некоторые особенности понимания и перевода таких клише, например, как очень емкие синтаксические конструкции с однородными членами предложения.

Вернемся к первым строкам «Песни о Сосруко» из нартского эпоса:

Сосрыкъуэ – ди къаниц,

Сосруко – наш покровитель

Сосрыкъуэ – ди нэхуц.

Сосруко – наш свет [Фольклор адыгов 1979: 48].

Сопоставим его с первыми строками песни «Епископ» («Щихънагъ») в записи

Ш. Ногма:

Уэ, щихънагъыри ди къаниц,

О, епископ (он самый) наш покровитель,

Щихънагъыри ди нэху,

Епископ (он самый) наш свет [Ногма 1956: 58].

Синтаксические конструкции «наш свет», «наш покровитель» в данном случае становятся устойчивыми клише, они не раз встречаются в адыгских фольклорных песнях. Однако таким клише, как «къаниц», равно как и «ди нэху», полного адекватного перевода нет. Не следует упускать из виду и то, что эти конструкции из поэтических песен представляют собой типичный устойчивый фольклорный оборот или типичный оборот с однородными определениями в эпической поэзии. Они характеризуют стилистическое своеобразие языка адыгского фольклора.

Данный пример ярко показывает, как важно для переводчика знание не только самих языковых реалий, но и их синтаксической специфики.

Итак, в результате нашего анализа мы пришли к некоторым выводам. Выяснили, что при переводах таких синтаксических конструкций, как клише, в фольклорных песнях и сказаниях в записях К. Атажукина, Ш.Б. Ногма, Л.Г. Лопатинского существуют определенные сложности. Работая над переводом поэтических фольклорных текстов, они столкнулись со множеством проблем. Помимо проблем, связанных со спецификой художественно-изобразительных средств фольклорного произведения, существуют характерные проблемы, возникающие вследствие различий синтаксиса. Различие синтаксического строя языка оригинала и языка перевода создает определенные трудности: особенно в построении синтаксических конструкций текста, например, клише и других сходных устойчивых конструкций. Такие клише, как «кан» (къан»), «хаса» («хасэ») не имеют адекватных аналогов перевода в русском языке. Хотя для отражения специфики синтаксического строя языка оригинала, в каких-то случаях, возможно найти определенные приемы в русском языке с его относительно свободным порядком слов. На это указывал и В.М. Гацак [Гацик 1977: 84].

С течением времени возникли новые подходы к переводу адыгского фольклора. Ведь перевод фольклора – это особый тип перевода, который требует

максимальной осторожности при подходе к этноспецифике. При переводе фольклорной песни возможно сохранить этноспецифику, стремясь сохранить его образную систему и структуру оригинала, но при этом не всегда представляется возможным сохранять синтаксические особенности языка оригинала.

Список источников

Алиева 1970 – Алиева А.И. Лопатинский Л.Г. Жизнь и деятельность. Ученые записки Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Черкесск: 1970. Вып. 6. С. 7–10.

Гацак 1977 – Гацак В.М. Проблемы фольклористического перевода эпоса // Фольклор. Издание эпоса. 1977. М.: 1977. С. 182–196.

Гутов 2018 – Гутов А.М. Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. Нальчик: КБИГИ, 2018. С. 156–176.

Гутов 2020 – Гутов А.М. Особенности научно-аналитического перевода адыгских историко-героических песен // Вестник КБИГИ. 2020. № 2. С. 83–90.

Гутов, Паштова 2012 – Гутов А.М., Паштова М.М. К проблеме перевода адыгского фольклорного текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 3. 2012. С. 46–51.

Кумахова, Кумахов 1985 – Кумахова З.Ю., Кумахов М.А. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М.: 1985. С. 30.

Лопатинский – Лопатинский Л.Г. СМОМПК, 12, отд. «Кабардинские тексты», с. 13: переводы Л. Лопатинского, запись К. Атажукина.

Ногма 1956 – Ногма Ш.Б. Филологические труды. КНИИ. Нальчик: 1956. С. 58–61.

Фольклор адыгов 1979 – Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – нач. XX вв. Книга первая. Нальчик.: Эльбрус, 1979. С. 9–17.

References

ALIEVA A.I. Lopatinsky L.G. *Ghizn I deyatelnost* [Life and activity]. Scientific notes of the Karachay-Cherkess Scientific Research Institute. Cherkessk, 1970. Vol. 6.

GATSAK V.M. *Problemi folkloristicheskogo perevoda eposa*. || *Folklor. Izdaniye eposa* [Problems of folklore translation of the epic In the book. Folklore. Edition of the epic]. M.: 1977. P. 182–196.

GUTOV A.M. *Problemy adygskogo (cherkesskogo) nartskogo eposa* [Problems of the Adyghe (Circassian) Nart epic]. Nal'chik: KBIGI, 2018. S. 156–176.

GUTOV A.M. *Osobennosti nauchno-analiticheskogo perevoda adygskih istoriko-geroicheskikh pesen* [Features of the scientific and analytical translation of the Adyghe historical and heroic songs]. IN: *Vestnik KBIGI*. 2020. № 2. S. 83–90.

GUTOV A.M., PASHTOVA M.M. *K probleme perevoda adygskogo fol'klornogo teksta* [To the problem of translation of the Adyghe folklore text]. IN: *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vyp. 3. 2012. S. 46–51.

KUMAKHOV M.A., KUMAKHOVA Z.Yu. *Yazik adygskogo folklor. Nartsky epos* [The language of Adyghe folklore. Nart epic]. M.: 1985. P. 30.

LOPATINSKY L.G. *SMOMPK, 12, otd. «Kabardinskie teksty»* [Kabardian texts]. P. 13: perevody L. Lopatinskogo, zapis' K. Atazhukina.

NOGMA Sh.B. *Filologicheskiye trudi* [Philological works]. Nalchik. 1956. P. 58–61.

Folklor adigov v zapisyh i publikacijah XIX – nachala. XX vv. [Folklore of the Circassians in the records and publications of the XIX – early. XX centuries]. Book one. Nalchik. 1979. P. 9–17. (In Russian).

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-95-100

ТВОРЧЕСТВО МУХАДИНА БЕМУРЗОВА КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Людмила Борисовна Хавжокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

© Л.Б. Хавжокова, 2022

Аннотация. В статье исследуется поэтическое наследие черкесского поэта Мухадина Хамидовича Бемурзова (1948–2007). Научная новизна работы заключается в ключевом аспекте исследования, в соответствии с которым творчество поэта представляется как этнокультурный феномен. Основное внимание уделяется вопросам национального своеобразия и творческой индивидуальности. Рассматривается тематика, проблематика и поэтика стихов, поэм и венка сонетов «Верен любви» («Лъагъуныгъэм сыхуэщыпкъэш»). Анализируются национально маркированные компоненты произведений (символы, приметы, образы). Определяются основные тематические линии творчества М. Бемурзова, выявляются этнокультурные коды его поэзии, особое внимание акцентируется на гражданской и любовной лирике. В русле историко-сравнительного метода исследования использованы приемы наблюдения, сопоставления, аналитического описания. Полученные результаты могут найти применение в комплексном изучении истории адыгской (адыгейской, кабардинской, черкесской, черкесского зарубежья) литературы, а также в разработке спецкурсов и написании различного рода исследовательских работ.

Ключевые слова: Мухадин Бемурзов, черкесская поэзия, этнокультурный код, национальное своеобразие, творческая индивидуальность, мотив, жанр

Для цитирования: Хавжокова Л.Б. Творчество Мухадина Бемурзова как этнокультурный феномен // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 95–100. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-95-100

Original article

THE CREATIVITY OF MUKHADIN BEMURZOV AS AN ETHNO-CULTURAL PHENOMENON

Lyudmila B. Khavzhokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

© L.B. Khavzhokova, 2022

Abstract. The article examines the poetic heritage of the Circassian author Mukhadin Khamidovich Bemurzov (1948–2007). The scientific novelty of the work lies in the key aspect of the study, according to which the poet's work is presented as an ethno-cultural phenomenon. The main attention is paid to the issues of national originality and creative individuality. The themes, problems and poetics of verses, poems and a wreath of sonnets "Faithful to Love" are considered. Nationally marked components of works (symbols,

signs, lexemes) are analyzed. In general, the main motive lines of M. Bemurzov's creativity are determined, the ethno-cultural codes of his poetry are revealed, civil and love types of lyrics are accentuated. The work uses a number of general scientific methods, including observation, analysis, description, and the comparative historical method. The results obtained can be used in a comprehensive study of the history of the Adyghe (Adygheyan, Kabardian, Circassian, Circassian abroad) literature, as well as in the development of special courses and writing various kinds of research papers.

Keywords: Mukhadin Bemurzov, Circassian poetry, ethno-cultural code, national identity, creative individuality, motif, genre

For citation: Khavzhokova L.B. Creativity of Mukhadin Bemurzov as an ethno-cultural phenomenon. Vestnik KBIGI = KBHR Bulletin. 2022; 2 (53): 95–100. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-95-100

Культура по своей природе этноспецифична, так как существует и развивается в неразрывной связи с определенным этносом. Будучи по своей природе поликодовым феноменом, она содержит в себе большое разнообразие этнокультурных компонентов-кодов, имеющих различные способы объективации и репрезентации. Формирование этнокультурного кода – процесс длительный, протекающий на протяжении всей истории народа и охватывающий все сферы его жизни. От интенсивности данного процесса напрямую зависит самоидентификация личности и всего этноса.

Этнокультурные коды могут иметь вербальное и невербальное воплощение и «манифестироваться как на социальном, так и на личностном уровне» [Зубко 2012: 152]. Одной из форм их актуализации на личностном уровне является литературное творчество, в частности – поэзия. Ярким примером национально маркированного поэтического мира является поэтическое наследие Мухадина Бемурзова.

М. Бемурзов – один из немногочисленных адыгских авторов, чье творчество большей частью ориентировано на отражение истории, культуры, традиции народа. В его поэзии, насыщенной национальными мотивами, этноментальными духовными ценностями и традиционной народной символикой, с особой силой отражена трагедия, постигшая адыгов в эпоху Кавказской войны и выселения народа за пределы исторической родины. При обращении к этим событиям поэт не описывает трагедию войны, а художественно осмысливает и интерпретирует ее последствия. Художественное новаторство в раскрытии обозначенной темы заключается в том, что в ряде произведений тему махаджирства и тяжелой жизни на чужбине автор воспроизводит сквозь призму восприятия самих переселенцев. Так, в «Сетовании адыга, проживающего в Турции» («Тыркум щыпсэу адыгэм и тхьэусыхэ») наряду с внутренними переживаниями махаджиров подчеркивается их безвыходное положение, в котором они пребывают на протяжении более полутора века (с момента окончания Кавказской войны):

*ЖыдымъИэци – дымыгъуэци, жьыдоИэри – дыгъуамэци.
Ар хъунут уи гур мыгъумэ е уи гу къуэпсхэр гъуамэ,
Ар хъунут зы цыыху закъуэм и гуауэу цытыгъамэ
Е лъэпкъым и гукъуэм хэКыпIэ иIэгъамэ.*

[Бемурзов 1993: 113]

Молчим – страдаем, говорим – слывем негодяями.
Можно было бы стерпеть,
если бы сердце утратило способность чувствовать,
Можно было бы стерпеть, будь это страдания одного человека,
Или если был бы виден конец страданиям народа.

(Перевод подстрочный. – Л.Х.)

Мотивы философского осмысления исторической памяти народа также легли в основу ряда других стихотворений М. Бемурзова: «Боль народа» («Лъэпкъ гукъеуэ»), «Плач махаджира» («Хэхэсым и гыбзэ»), «От Майкопа до Адлера...» («Мейкъуапэ шышIэдзауэ Адлер нэсу...»). В них продемонстрировано глубокое осмысление автором истории, а также сопереживание прошлому, воплощенное в ярких образах, оригинальных сравнениях и эпитетах. В одном из стихотворений для характеристики образа чужбины поэт использовал эпитет «жагъуэжъ» – «ненавистный», для выражения душевных терзаний – экспрессивную лексику типа «гъеин» – «оплакивать», «гуIэн» – «быть в глубокой печали» и т.д.: «Узгъейуэрэ си нэпсри гъуыцъжащ, / Псынащхьы здэцымыIэ къум пшахъуэщIу, / УгуIэурэ уил къабзэр цыцъжащ / ЖэнэткIэ зэджэ хэхэс хэку жагъуэжъхэм» [Бемурзов 2002: 7]. – «Оплакивая тебя, иссушил все слезы, / Словно в пустыне без воды, / Будучи в глубокой печали, твои корни сгнили / В ненавистных чужих землях, сливущих раем».

Одна из значимых заслуг М. Бемурзова в увековечении темы трагического для адыгов исхода Кавказской войны состоит в том, что он принимал активное участие в установлении в 1989 г. в родном ауле Али-Бердуковский Хабезского района КЧР мемориального камня в память о жертвах этой войны. На нем высечены строки из его стихотворения «Адыгам, погибшим в Русско-Кавказской войне» («Урыс-Кавказ зауэм хэкIуэда адыгэхэм»), в которых звучит призыв к сплочению всех адыгов мира и сохранению исторической памяти этноса. Параллельно отмечается мужество и отвага участников этих страшных событий:

*Лъэпкъ щIыхьым зи псэр шэпIудз хуэзыщIу,
ЯукIыхункIэ бийм хуимыкIуэтахэм,
Хьэжрэту мыжурьпэм црихужъэу,
ИстамбылакIуэ гъуэгум текIуэдахэм
Щана псэ нэхухэм я фэеплъц мы сынри,
Адыгэ, зэтеувыIи, хуэгумэщI...*

[Бемурзов 1994: 11]

Тем, кто душой, словно щитом, оберегая честь народа,
До самой смерти не уступал врагу,
[Будучи] махаджирами, гонимыми под острием копья,
Погибли на дороге, ведущей в Стамбул,
Их светлым душам посвящается это надгробие,
Адыг, остановись и помолись...

(Перевод подстрочный. – Л.Х.)

Вся поэзия М. Бемурзова отличается самобытностью, национальным колоритом, глубиной философских медитаций. В ней отразились традиции устного народного творчества, менталитет, быт и культура адыгов. «Адыгам быть сегодня нелегко...» [Бемурзов 2002: 4], – пишет поэт в одном из стихотворений. В эпоху научно-технической революции и всеобщей глобализации намного сложнее оставаться человеком, сохраняя в себе веру в духовные ориентиры. В современном обществе с каждым днем со стремительно нарастающей силой обесцениваются такие понятия, как честность, доброта, порядочность, верность данному слову. В наши дни куда важнее материальные блага, которые постепенно вытесняют из сознания людей мысли об общечеловеческих, непреходящих духовных ценностях. «Поэзия М. Бемурзова – неисчерпаемый источник основных правил жизни, выразительности художественных образов, богатства родной речи, мудрости мысли, жизненного опыта – плодов долгих и глубоких медитаций. Доминирующее место в творчестве поэта занимает философская лирика, внутри которой сосредоточено большое множество тем и мотивов» [Хавжокова 2012: 28].

Как отмечает Х.И. Баков, «лирическая поэзия – сплав личности и времени. В ней более всего наглядно можно проследить роль творческой индивидуальности, которая особо важна в новописьменных литературах, таких, как кабардинская, адыгейская, черкесская» [Баков 1994: 25]. Один из главных объектов внимания Бемурзова-лирика – «время» в его синтезированном социальном и космическом измерении. В разных стихах поэт дает различные определения данному понятию. В одном из них встречается оригинальное сравнение времени с заряженным пистолетом, который выстрелит по каждому в отведенный для него срок:

*Дунейр, зэгъацIэ, шэрхъици мэкIэрахъуэ,
Здэмыплъэм уи нэр хуейц гур нэплъысын:
Зэманыр гуцхъэм теубыда кIэрахъуэц –
Чэзур зэгурым уэри къыплъысыниц».*

[Бемурзов 1994: 3]

Этот мир, запомни, вращается, подобно колесу,
Сердце должно видеть дальше, чем доступно глазу:
Время – пистолет, приставленный к сердцу, –
Когда-нибудь пробьет и твой час.

(Перевод подстрочный. – Л.Х.)

Трудно не согласиться с мнением о том, что «... духовный мир, аналогично миру материальному, владеет собственной методологией проникновения в слои более глубокие, чем сознание, и позволяет прийти к важным онтологическим откровениям, нашедшим выражение в художественном языке» [Кучукова 2009: 11]. В рамках философской лирики М. Бемурзов, как истинный поэт, противостоял тем, кто обречен жаждой наживы на духовную гибель. При этом он явственно осознавал, что выстоять перед «власть имущими» сложно, будучи вооруженным только художественным словом: «Абы [къэрал мылкъур зи тхъуалъэхэм. – Л.Х.] я мывэ плIимэр зыдэж Iуацхъэм / Къемыжэхыну сэ си шэрхъ хъуреир» [Бемурзов 1994: 138]. – «С горы, куда они [те, кто катается как сыр в масле. – Л.Х.] / Закатывают свой квадратный камень, / Не сможет скатиться мое круглое колесо», – писал поэт.

Как верно отмечает З.А. Кучукова, «... абсолют единой “картины мира” существует только условно, на деле образуя конгломерацию автономных этнопредставлений о высших законах мироздания» [Кучукова 2009: 11]. Мотивы поэзии М. Бемурзова не всегда ориентированы на этнокультурные ценности, вместе с тем каждый компонент его творчества (поэтическое слово, символ, образ) имплицитно в себе таит ментальное мировосприятие. Его стихи и поэмы пронизаны раздумьями о смысле человеческого существования, о тайнах бытия в целом, поэт уделял особое внимание вопросам познания мира. В одном из стихотворений он определяет жизнь как «кусочек света», и удивляется тому, что некоторые люди не ценят ее. Поэт затрагивает актуальную во все времена проблему суицида, которую пытается увидеть и осмыслить «изнутри», т.е. глазами человека, пребывающего в глубоком отчаянии:

*Иныкбуэр гъацIэм къыхуогулэр здэлэм,
Иныкбуэм я нсэр я Iэклэ хахыж.
Сыт хуэдиз гуауэ уигу цытын хуей дэльу
Птхыжсыным папцIэ: «Сэ дунейм сохыж...».*

[Бемурзов 1994: 57]

Некоторые скорбят потому, что уходят из жизни,
Некоторые уходят «добровольно».

Сколько же горя должно уместиться в сердце,
Чтобы напоследок написать: «Я ухожу из жизни...».

(Перевод подстрочный. – Л.Х.)

Любовная лирика составляет значительную часть творчества М. Бемурзова. При воспроизведении чувства любви в большинстве случаев поэт обращался к образам природы, как, например, в своем «Акростихе»:

*Дыщэм и нэз кIапэу цытми мы дунейр
Уэ узимыIамэ, ар кьум нэщI кьудейт,
Нур зымыдзыж дыгэу мыл хьурей тыкьырт,
Е екIуэлIапIэниэу данэ зэрыль кьырт.
Инжыджытс ежэхьр зэрыхуейуэ нэпкъ,
Мы си гьащIэм сэри сыщытхуейщ, си нэху.*

[Бемурзов 1994: 139]

Даже если этот мир осыпан золотом,
Без тебя он – просто пустыня,
Солнце без лучей, превратившееся в кусок льда,
Или скала с шелками, к которой нет доступа.
Словно Зеленчук, нуждающийся в [своих] берегах,
В своей жизни я нуждаюсь в тебе, мой свет.

(Перевод подстрочный. – Л.Х.)

М. Бемурзов работал в разных жанрах поэзии. Он автор первого в адыгской литературе венка сонетов. Произведение элегического содержания «Верен любви» («Льягъуныгъэм сыхуэщыпкъэщ», 1973) основано на любовной тематике, раскрывающейся, согласно требованиям жанровой формы венка сонетов, по общей схеме «*постановка темы* → *развитие темы* → *подведение итогов*». Сонеты, вошедшие в венок, написаны итальянской формой: два катрена + два терцета. Произведение в целом выстроено в форме лирической исповеди: исповедуясь о собственной боли, лирический герой приходит к универсальным правилам существования, умению адаптироваться к различного рода жизненным ситуациям. Значительное место занимают медитации и элементы пейзажа.

Архитектоника произведения в полной мере соответствует жанровым канонам. Все 15 сонетов, вошедшие в венок, выстроены композиционно и содержательно четко. Последний, пятнадцатый – магистральный – сонет представляет собой тематический и композиционный ключ, замыкающий венок. Он состоит из начальных строк четырнадцати предшествующих сонетов.

М. Бемурзов работал и в лиро-эпических жанрах. Он является автором ряда поэм, определивших тенденции развития черкесской лиро-эпической поэзии 70–80-х гг. XX в.: «Сказ о мужестве» («Лпыгъэм и тхьдэ»), «Братская любовь» («Кьуэщ льягъуныгъэ»), «В добрый путь, молодость!» («Гьуэгу махуэ щIалэгьуэ!», 1977), «Грустная поэма» («Поэмэ нэщхьей», 1987–1991), «Памяти наших князей-дворян» («Ди лъэпкъ пщы-уэркъэхэм я фэеплъу», 2000–2001), «Адиюх» («Iэдиюх»). Даже заголовки некоторых из них содержат информацию об истории и культуре адыгов.

Подводя итоги, следует отметить неопределимый вклад М. Бемурзова в эволюцию адыгской поэзии. О чем бы ни писал поэт, его произведения отмечены печатью национального самосознания. Стихи и поэмы, а также венки сонетов «Верен любви» содержат в себе этнокультурные коды, свидетельствующие об их «генетической» принадлежности к адыгской культурной традиции.

Список источников

Баков 1994 – *Баков Х.И.* Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии. Майкоп: Меоты, 1994. 253 с.

Бемурзов 1981 – *Бемурзов М.Х.* Сказ о мужестве. Стихи и поэмы. [На каб.-черк. яз.: Лыгъэм и тхыдэ. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ]. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1981. 96 с.

Бемурзов 1994 – *Бемурзов М.Х.* Снег на солнечной стороне. Стихи. [На каб.-черк. яз.: ДыгъафӀэ уэс. Усэхэр]. Нальчик: Эльбрус, 1994. 184 с.

Бемурзов 2002 – *Бемурзов М.Х.* Адыгом быть нелегко: Стихотворения и поэмы. [На каб.-черк. яз.: Адыгэу ущытыныр гугъуш: Усэхэмрэ поэмэхэмрэ]. Нальчик: Эльбрус, 2002. 120 с.

Зубко 2012 – *Зубко Г.В.* Самоидентификация этноса и этнокультурный код // Мир психологии. 2012. № 1(69). С. 152–158.

Кучукова 2005 – *Кучукова З.А.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2005. 311 с.

Хавжокова 2018 – *Хавжокова Л.Б.* Духовно-философские основы поэзии Мухадина Бемурзова // Хавжокова Л.Б. Этюды об адыгских (кабардинской, черкесской, адыгейской) литературах: Сборник научных статей. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. С. 26–32.

References

BAKOV Kh.I. *Nacional'noe svoeobrazie i tvorcheskaya individual'nost' v adygskoj poezii* [National originality and creative individuality in the Adyghe poetry]. Maykop: Meoty, 1994. 253 p.

BEMURZOV M.Kh. *Skaz o muzhestve. Stihy i poemy* [A story about courage. Verses and poems]. Cherkessk: Stavropol book publishing house, Karachay-Cherkess branch, 1981. 96 p.

BEMURZOV M.Kh. *Sneg na solnechnoj storone. Stihy* [Snow on the sunny side. Poetry]. Nalchik: Elbrus, 1994. 184 p.

BEMURZOV M.Kh. *Adygom byt' nelegko: Stihotvoreniya i poemy* [It is not easy to be an Adyghe: Poems]. Nalchik: Elbrus, 2002. 120 p.

ZUBKO G.V. *Samoidentifikaciya etnosa i etnokul'turnyj kod* [Self-identification of an ethnos and an ethno-cultural code]. IN: *Mir psihologii* [World of Psychology]. 2012. 1(69). P. 152–158.

KUCHUKOVA Z.A. *Ontologicheskij metakod kak yadro etnopoetiki: (Karachaevo-balkarskaya mental'nost' v zerkale poezii)* [Ontological metacode as the core of ethno-poetics: (Karachay-Balkarian mentality in the mirror of poetry)]. Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarova (Polygraphservice and T), 2005. 311 p.

KHAVZHOKOVA L.B. *Duhovno-filosofskie osnovy poezii Muxadina Bemurzova* [Spiritual and philosophical foundations of the poetry of Mukhadin Bemursov]. IN: Khavzhokova L.B. *Etyudy ob adygskih (kabardinskoj, cherkesskoj, adygejskoj) literaturah: Sbornik nauchnyh statej* [Etudes on Adyghe (Kabardian, Circassian, Adyghe) Literature: Collection of Scientific Articles]. Nalchik: Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2018. P. 26–32.

Информация об авторе

Л.Б. Хавжокова – кандидат филологических наук, зав. сектором кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

L.B. Khavzhokova – Candidate of Science (Philology), Head of the Department of Kabardian-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 18.07.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 18.07.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.

Научная статья

УДК 398.22

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-101-107

МОТИВ НЕПРИЯТИЯ В АДЫГСКОМ (ЧЕРКЕССКОМ) ЭПОСЕ

Адам Мухамедович Гутов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

© А.М. Гутов, 2022

Аннотация. В статье рассматривается один из интересных и малоисследованных мотивов, который в адыгском эпосе выполняет важные функции как в построении сюжета и создании художественного текста, так и в характеристике образов персонажей. Предмет исследования представлен в его эволюции, в контексте изменений системы мировосприятия среды носителей фольклорной традиции. Устанавливается, что мотив неприятия может привести к антагонистическому противостоянию между сторонами или же, напротив, к снятию противоречий и взаимопониманию. Также он способен стать сюжетообразующим ядром повествования или второстепенным фактором, усложняющим сюжет и образную систему. В плане стадийного рассматриваемый мотив остается продуктивным от древнейших эпических образцов до современных литературных произведений. Исследование выполнено на материалах архаического нартского эпоса, историко-героических эпических циклов и образцов адыгской народной лирики.

Ключевые слова: неприятие, народный эпос, лирика, фольклор, художественный конфликт, антагонизм

Для цитирования: Гутов А.М. Мотив неприятия в адыгском (черкесском) эпосе // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 101–107. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-101-107

Original article

THE MOTIVE OF REJECTION IN THE ADYGHE (CIRCASSIAN) EPIC

Adam M. Gutov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

© A.M. Gutov, 2022

Abstract. The article discusses one of the interesting and little-studied motifs, which in the Adyghe (Circassian) epic performs important functions both in building a plot and creating a literary text, and in characterizing the images of characters. The subject of the study is presented in its evolution, in the context of changes in the system of world perception of the environment of the carriers of the folklore tradition. It is established that the motive of rejection can lead to an antagonistic confrontation between the parties or, on the contrary, to the removal of contradictions and mutual understanding. It can also become the plot-forming core of the narrative or a secondary factor that complicates the plot and the figurative system. In terms of stages, the motif under consideration remains productive from the most ancient epic samples to modern literary works. The study was carried out

on the materials of the archaic Nart epic, historical and heroic epic cycles and samples of the Adyghe (Circassian) folk lyrics.

Keywords: rejection, folk epos, lyrics, folklore, artistic conflict, antagonism

For citation: Gutov A.M. The motive of rejection in the Adyghe (Circassian) epic. Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2022; 2 (53): 101–107. (in Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-101-107

Насколько нам известно, *неприятие* как явление не становилось объектом специального изучения ни в фольклористике, ни в литературоведении. Между тем фактор неприязненных отношений между персонажами присутствует в различных видах словесного искусства со всей определенностью, причем он играет немаловажную роль в создании художественного образа. В настоящей статье ставится задача установить наиболее характерные случаи проявления данного мотива, а также определить его основные функции в лиро-эпических и прозаических произведениях. Имеющиеся фактические материалы позволяют полагать, что он относится к числу древнейших мифо-фольклорных универсалий, которые оказались настолько устойчивыми, что функционируют на разных стадиях эволюции словесного искусства и в его различных жанрах, фольклорных и литературных. В частности, высказанное суждение подтверждается многократно примерами из адыгского народного эпоса.

Так, взаимоотношения между сообществом богатырей-нартов и центральным героем в архаическом эпосе адыгов чуть ли не изначально построены на неприятии нарта Сосруко как «от пастуха коров рожденного». Очевидно, что на ранней стадии, в период наиболее активного формирования данного эпического цикла в мировоззрении предков адыгов могли доминировать несколько иные предпочтения. Дело в том, что в древнейшие времена пастух имел высокий социальный статус как представитель одного из первых хозяйственных занятий человека доисторической эпохи, его фигура могла быть даже сакральной. На более высокой эволюционной ступени, когда проявляются первые признаки социального расслоения, на арену решительно выступает клан воинов, а представители некоторых мирных профессий утрачивают прежнее почтительное к ним отношение со стороны общества и оказываются на периферии его внимания. Понятно, что в подобных обстоятельствах стало уже гораздо более престижно вести свою родословную от какого-либо представителя разряда воинов, а то и воинских предводителей, а отнюдь не от прислуживающего им пастуха или землепашца, не имеющего прямого отношения ни к военному быту, ни к оружию. Естественно, в силу ряда объективных обстоятельств еще сохраняется на долгое время почтение к языческим покровителям растительного и животного мира, как и к божествам других сфер из круга прямых интересов рода или племени. Однако клан воинов уже выделяется из общинной среды и возвышается над другими как предтеча аристократического сословия. Поэтому наездник, добытчик и защитник от внешнего врага, не без доли высокомерия считает всех лиц невоинского родословия ниже себя по социальному статусу. Это не антагонизм, не откровенное противостояние, но уже достаточно выразительный признак проявляющейся все с очевидностью демаркационной линии, которая обозначает процесс социального расслоения.

По этой причине, например, нарт Сосруко, центральный персонаж всего многосюжетного и многогеройного архаического эпоса, на определенной стадии функционирования эпоса как жанра ставится в невыгодное для него положение «низкорожденного», не равного с другими нартами, а потому обреченного доказывать свою состоятельность. Чтобы утвердиться в высоком статусе нарта-наездника ему непременно требуется пройти испытание, совершить подвиг. В одном из самых популярных сказаний цикла об этом герое нарты отправляются в

поход, намеренно не позвав с собой Сосруко, в чем проявляется именно нежелание признать его равным себе, то есть пренебрежение и неприятие. Однако когда компания нартских наездников оказывается на грани верной гибели, выручает ее именно первоначально не признанный ими «низкороденный» герой, тот самый, к которому они отнеслись высокомерно. Он добывает для них спасительный огонь, благодаря чему нарты не просто остаются живыми, а впоследствии даже совершают успешный поход, но уже под его водительством [Нарты 2012: 224–228, 232–234, 292–296]. Разумеется, герой не забывает о поступке спесивых соплеменников и в отместку за это демонстративное неприятие издевается над незадачливыми богатырями. Но это не столько признаки враждебного отношения, сколько один из выразительных знаков самоутверждения в качестве нового лидера.

В цикле о другом герое архаического эпоса, о нарте Ашамезе, представлена иная мотивировка неприятия: бывалые нарты признают героя слишком юным, чтобы брать его в походы, и также отправляются в путь без него, чтобы разыскать убийцу его отца и отомстить. Однако именно юный Ашамез, пустившись следом за ними, выполняет их же заветную задачу. Это можно рассматривать как поэтизированное отражение ритуальных инициальных испытаний, что нельзя отрицать, если принять во внимание, что герой не только мстит за отца, но этим доказывает свою состоятельность как воин, а помимо того привозит и богатую добычу, и невесту. Как характерно для художественного нарративного текста, данный сюжетный ход полифункционален.

В отличие от нарта Сосруко, Ашамез после решения главной проблемы, расправы с кровным врагом, не просто демонстрирует взрослым воинам свою состоятельность и даже преимущество, но уже доводит ситуацию до конфликта: расправившись с врагом и утвердив таким образом собственное превосходство, он откровенно издевается над другими богатырями – отбирает их долю добычи, уродует их прислужников [Фольклор адыгов 1979: 105–114]. То и другое носят выраженный знаковый характер и символизируют откровенный вызов тем самым «бывалым нартам», которые опрометчиво посчитали его недостойным состоять в их взрослой компании.

То же мы видим и в цикле о нарте Батразе. Как и Ашамез, он еще в колыбели проявляет признаки богатырства, разрывает ремни люльки и сразу начинает ходить. Это вызывает тревогу у его кормилицы, которая, испугавшись, что враждебно настроенные нарты могут расправиться с младенцем, укладывает его в ту же люльку (субститут корзины, коробки, ладьи, призванной надежно защитить младенца) и опускает в воду / реку [Кабардинский фольклор 1936: 69–70; Нарт хьыбархэр 1945: 66–67]. Здесь мы имеем аналог мировой сюжетной универсалии, удаление новорожденного, известной как устойчиво отмеченная составная часть «эдипова комплекса». Дж. Фрэзер находит объяснение такому способу удаления боязнь правителя за свой трон: согласно принятому правилу, предводитель может находиться у власти до тех пор, пока он не будет побежден в поединке более молодым претендентом [Фрэзер 1980]. Поэтому исходным мотивом удаления является откровенное желание устранить своего будущего соперника и продлить этим собственную жизнь и пребывание у власти. Если принять такое объяснение, то справедливее будет назвать удаление младенца *комплексом Лаия*. Как правило, младенец не умерщвляется немедленно, а вместо этого удаляется, и это позволяет нам причислить данный эпизод к проявлениям мотива неприятия. Хотя в данном случае ситуация более всего приближена к антагонизму, конфликт здесь еще не обозначился. Классический вариант актуализации данного мотива – герой, который должен был погибнуть, спасается и впоследствии совершает подвиг или даже серию громких деяний, в их числе и предопределенных оракулом.

Возвращение нарта Батраза в адыгском фольклоре контаминировано с мотивом кровной мести: оно сопровождается расправой с кровным врагом, но этим

претензии героя не исчерпываются, и они приводят к открытому противостоянию со всем обществом: герой требует в качестве виры за кровь отца совершить такие действия, которые заведомо невыполнимы. Однако, несмотря на значительно более суровый характер обращения Батраза с нартами, которых он винит в гибели отца, по сути, это также не что иное, как символическое и фактическое самоутверждение в качестве не просто в статусе одного из полноправных богатырей, а и новоявленного предводителя, которому отныне должны подчиняться все богатыри.

Удаление как одна из конкретных форм неприятия имеет место и в младшем эпосе адыгов. Так, например, по одной из версий появления героя на свет мать укладывает новорожденного в короб и опускает в море [Андемиркан 2019: 99, 287]. Это одна из модификаций мотива удаления, широко известного по сюжету о царе Эдипе и отмеченного также в адыгском архаическом эпосе. В качестве каузальной основы такого поступка адыгское сказание называет опасение матери за собственную жизнь и за судьбу младенца. Однако смена причины не устраняет самого действия из коллективной памяти. В том же цикле сказаний представлен сюжет, опирающийся на удаление неугодного героя в чужой край с явным намерением погубить его: верховный князь, или просто князь, отправляет героя к крымскому хану (в вариантах – к своему дальнему товарищу) якобы с важным поручением. На самом деле в письме, которое герой должен был передать лично адресату, содержалась просьба погубить его предьявителя. Это еще одна фольклорная универсалия, известная как *подменное письмо*. Обычно герой вместо того чтобы погибнуть обретает или надежную защиту, или богатство и невесту. Согласно некоторым версиям цикла об Андемиркане, дочь хана, очарованная красотой юноши, узнает содержание послания и подменяет письмо на другое – с просьбой выдать ее за героя [Адыгские историко-героические песни ... 2019: 61–62, 91–92, 330–331]. В вариантах сказания адресат письма подвергает героя серии испытаний, типологически сходных с трудными задачами, которые дает Гераклу царь Эврисфей в древнегреческом мифе. После успешного выполнения этих заданий неприязненное отношение к Андемиркану меняется на благожелательное.

В цикле сказаний о том же герое неприятие имеет две причины. Во первых, он не признается равным с «чистокровными» князьями, так как, по одной из распространенных версий, происходит от связи князя с простой крестьянкой. Поэтому за ним закрепляется прозвище *тума – метис, полукровка*. Вторая причина – его дерзкое поведение в сочетании с тем, что в силе и воинском искусстве он превосходит всех, в том числе и самого верховного князя. Это может подспудно рассматриваться как посягательство на власть (или же отголосок древней формы преемственности правления) и становится причиной неприятия со стороны повелителя, а поэтому перерастает в открытую вражду, приводящую героя к гибели.

Однако не всегда неприятие влечет за собой антагонизм. Так, в цикле о бывалом наезднике Нартуге песня помогает герою вернуть к себе достойное отношение со стороны общества и сменить неприязненное отношение, вызванное тем, что общество не ведало о подлинных достоинствах героя [Гутов 2021: 53–55].

В другом цикле, о Каракашкатауской битве, отмечен интересный случай – остракизм, которому подвергается герой: некий молодой и без меры дерзкий, неуживчивый дворянин Лазароко изгоняется из общества и находит пристанище в Крымском ханстве. Это не конфликт, доведенный до открытого противостояния, а именно наказание ввиду неприятия. Впоследствии, когда крымцы собираются совершить набег на Кабарду, они назначают его своим проводником. Но, осознав свою неправоту, герой, улучив момент, бежит из крымского войска и успевает предупредить кабардинцев об опасности. Ни в песне, ни в прозаическом сказании не сообщается о дальнейшей судьбе этого персонажа, но из контекста очевидно,

что примирение все-таки состоялось или же было наиболее вероятно [Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1969: 187–192].

В некоторых случаях мотив неприятия, являясь одним из катализаторов развития действия, в развязке не приводит ни к примирению сторон, ни к обострению отношений. Так можно оценивать функцию данного мотива в цикле о Нашхожуко: герой, возвратившийся из похода, находит свое селение разоренным и предлагает обществу организовать погоню за грабителями. Ссылаясь на многочисленность и силу врага, соплеменники не решаются на такое рискованное дело. Тогда герой в одиночку настигает вражеский отряд и отбивает у грабителей свое добро и свою жену. Осмелевшие при виде этого соплеменники просят его о новом нападении на врага, но Нашхожуко, помнящий о проявленной их слабости и не приемлющий ее, отказывается от этой затеи [Готов 2021: 150]. Здесь, как характерно, нет прямого противостояния и вражды, но мотив неприятия малодушия оказывается одним из центральных и в сюжете сказания, и в содержании песни. Отказ героя совершить вторичное нападение на неприятеля это не знак вызова обществу и также не свидетельство примирения. Скорее всего, это урок, преподанный смелым рыцарем-наездником.

Неприятие, отчужденные отношения между персонажами или же между героем и коллективом могут быть как одним из ряда компонентов сюжета, так и основным сюжетобразующим мотивом сказания. Например, в прозаическом предании из цикла о Гучипсе, возникшем на сравнительно поздней стадии продуктивной жизни младшего эпоса, основной причиной возникновения конфликта стало именно неприязненное отношение братьев Кармовых к своему односельчанину Камботу Сатушиеву, известному смутьяну. Братья, принадлежащие к знатной фамилии, принимают высоких гостей и не хотят в праздничный день видеть Камбота, явившегося к ним с поздравлением. Следствием неприятия становится трагедия: вспыльчивый посетитель в порыве гнева убивает Гучипсу, который добровольно вызвался избавить Кармовых от общения с ним [Народные песни... 1990: 390]. Примечательно, что это сугубо бытовое происшествие послужило каузальной основой возникновения песни лироэпического характера, в которой акценты смещены настолько, что погибший незадачливый «медиатор» представляется настоящим героем, братья Кармовы – злодеями, а имя настоящего убийцы даже не упоминается.

Как явствует из рассмотренных сведений, побудительные мотивы негативных отношений могут быть разными. Однако примечательно, что в перечне подобных причин довольно редко встречается принадлежность к другой этноязыковой группе. Это можно объяснить или пока еще недостаточно развитым чувством самосознания данного общества, или же, напротив, настолько высоким развитием, которое позволяет преодолеть прямолинейное размежевание по принципу *свой – чужой*. В нашу задачу не входит решение этой весьма сложной и щепетильной проблемы, но есть основание признать, что если внимание общества не заострится на данном факторе, то оно, это общество, достаточно открытое для контактов и для взаимодействия с инокультурными феноменами. В данном плане представляет интерес песня «Приход русских», возникшая, как можно полагать, в XIX в., во времена активного освоения новопоселенцами территории Северного Кавказа. Впервые она была опубликована Л.Г. Лопатинским и П.И. Тамбиевым в XXV выпуске Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа [Сборник 1898, отд. 3, с. 61–66]. Резонно было бы ожидать от песни на тему появления непрошенных пришельцев острой и едкой сатиры. Судя по некоторым фрагментам, так оно и может представиться. Однако основной пафос отнюдь не полное отрицание и осуждение, а оценка явления в духе амбивалентной смеховой культуры. Один из способов, которыми создается сатирико-комический эффект, это сочетание откровенно неприязненных оценок с указанием позитивных новшеств,

а также непривычных и пока еще чуждых, но не отвергаемых бытовых элементов. В одном ряду стоят вытеснение коренных жителей с пастбищных угодий и открытие торговых заведений, вырубание яблонь и груш и похвальная деловитость, с которой русские осваивают пространство, увлечение «табачищем» и удачливость в начинаниях, привычка насаждать свои правила и охота строить дороги и мосты через реки, то есть ойкуменизация пространства. К сожалению, песня дошла до нас в текстовой записи, без нот и музыкальной характеристики. Но, судя по содержанию вербального текста, можно быть уверенным, что мелодия гармонично дополняла доминирующий смеховой акцент произведения с элементами трагедии. В подобном ключе сочинялись песни, исполняемые на вечеринках молодежи, когда жители одного селения вышучивали, порою далеко небезобидно, представителей соседних селений. Те же отвечали не менее острыми куплетами. Поэтому появление смеховой сатирической песни можно рассматривать отнюдь не как отторжение и полное неприятие, а, напротив, как своего рода объективную констатацию появления нового соседа. В плане типологическом произведение стоит по своему стилю между типичными историко-героическими циклами и песней бытового характера.

В песнях и сказаниях бытового и любовно-лирического характера мотив неприятия нередко становится центральным. В целом ряде песен по-разному интерпретируется мотив неодобрения или прямого неприятия родственниками союза двух влюбленных, что становится лейтмотивом переживаний лирического героя. На данном принципе построен основной конфликт таких широко распространенных песен как «Сетования изгнанной невесты» (вариант песни о Хатха сыне Магомете), », «Таукан», «Полевая голубка» [Къэбэрдей уэрэдхэмрэ... 1948: 59, 64–65, 129] и др. В них часто оказывается очевидной условность называемого конфликта, и это полностью выводит произведение из сферы утилитарных функций, когда возникновение песни связывается с конкретным реальным событием, в сферу эстетического осмысления действительности.

Рассмотренный материал, несмотря на его неполноту, позволяет сделать вывод о том, что мотив неприятия – один из древнейших и ключевых в адыгском эпосе и фольклоре в целом. Если на раннем этапе эпического творчества он сохранял связь с архаическим мотивом, условно обозначенном нами как *комплекс Лаия* (нарт Батраз), в других проявлениях причины обращения к нему варьируются. Это может быть недооценка героя, не прошедшего обряда посвящения во взрослое сообщество (Ашамез), в других – социальное неравенство (Андемиркан), в третьих недопонимание или отступление от принципов рыцарской этики (Нартуг, Нашхожуко), наконец, немотивированная неприязнь к противной стороне (любовные лирические песни). Независимо от причинно-следственных отношений неприятие как мотив играет важную роль в сюжетообразовании, характеристиках персонажей и создании художественных образов в эпосе.

Список источников

Адыгские историко-героические песни ... 2019 – *Адыгские историко-героические песни и предания*. Том первый. Андемиркан. Под ред. А.М. Гутова. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 430 с.

Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1969 – *Адыгэ Гуэрыгуатэхэр*. 2-нэ т. Зэхэз. КъардэнгъуцI З.П. Налшык: Эльбрус, 1969. Н. 412 (Адыгский фольклор. Т. II. Сост. З.П. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1969. 412 с.).

Гутов 2021 – *Гутов А.М.* Поэтика и стиль историко-героического эпоса адыгов. Нальчик: Принт-центр, 2021. 232 с.

Кабардинский фольклор 1936 – *Кабардинский фольклор*. Сост., вступит. ст., коммент. М.Е. Талпы. М.-Л.: Academia, 1936. 644 с.

Къэбэрдей уэрэдхэмрэ ... 1948 – *Къэбэрдей уэрэдхэмрэ псалъэжъхэмрэ*. Зэхэз. Шортэн А. сымэщ. Налшык: Къэбэрдей къэрал тхылъ тедзапIэ, 1948 (Кабардинские песни и пословицы. Сост. А.Шортанов и др. Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1948). Н. 196.

Народные песни ... 1990 – *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов*. Под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор 1990. 488 с.

Нарт хыбархэр 1945 – *Нарт хыбархэр* (Нартские сказания). Под редакцией А. Дадова, Х. Эльбердова. Нальчик: Кабгосиздат, 1945. 82 с.

Нарты 2012 – *Нарты*. Адыгский эпос. Ранние циклы эпоса. Сосруко. Под общей редакцией А.М. Гутова. Нальчик: Тетраграф, 2012. 424 с.

Фольклор адыгов 1979 – *Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв.* Сост. А.И. Алиева. Нальчик: Эльбрус, 1979. 404 с.

Фрэзер 1980 – *Фрэзер Джеймс Джордж*. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Изд. политической литературы. 1980.832 с.

References

Adygskiyе istoriko-geroicheskiye pesni i predaniya. Tom pervyy. Andemirkan. Pod red. A.M. Gutova. Nal'chik: IGI KBNTS RAN, 2019. 430 s.

Adyge iueryiuatekher. 2-ne t. Zekhez. K"ardeng"ushchl Z.PI. Nalshyk: El'brus, 1969. N. 412 (Adygskiy fol'klor. T. II. Sost. Z.P. Kardangushev. Nal'chik: El'brus, 1969. 412 s.).

GUTOV A.M. *Poetika i stil' istoriko-geroicheskogo eposa adygov*. Nal'chik: Print-tsentr, 2021. 232 s.

Kabardinskiy fol'klor. Sost., vstupit. st., komment. M.Ye. Talpy. M.–L.: Academia, 1936. 644 s.

K"eberdey ueredkhemre psal"-ezh'khemre. Zekhez. Shorten A. symeshch. Nalshyk: Keberdey k"eral tkhyl" tedzapIe, 1948 (Kabardinskiye pesni i poslovitsy. Sost. A.Shortanov i dr. Nal'chik: Kabardinskoye gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1948). N. 196.

Narodnyye pesni i instrumental'nyye naigryshi adygov. Pod red. Ye.V. Gippiusa. T. III. Ch. 2. M.: Sovetskiy kompozitor 1990. 488 s.

Nart kh"ybarxher (Nartskiyе skazaniya). Pod redaktsiyey A. Dadova, KH. El'berdova. Nal'chik: Kabgosizdat, 1945. 82 s.

Narty. Adygskiy epос. Ranniye tsikly eposa. Sosruko. Pod obshchey redaktsiyey A.M. Gutova. Nal'chik: Tetragraf, 2012. 424 s.

Fol'klor adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX – nachala XX vv. Sost. A.I. Aliyeva. Nal'chik: El'brus, 1979. 404 s.

FREZER, DZHEYMS DZHORDZH. *Zolotaya vetv'. Issledovaniye magii i religii*. M.: Izd. politicheskoy literatury. 1980. 832 s.

Информация об авторе

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Adyghe Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 20.07. 2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 20.07. 2022; accepted for publication 28.07.2022.

Научная статья
УДК 398.1=398.8
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-108-115

**СЮЖЕТ И МОТИВЫ ЦИКЛА
О НАРТУГЕ (МАРАТИНЕ) КОШИРОКО.
ГЕОГРАФИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ**

Ляна Адамовна Гутова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© Л.А. Гутова, 2022

Аннотация. В статье рассматриваются разные варианты сюжета, а также центральные мотивы сказания и песни о герое историко-героического эпоса, Нартуге (Мартине) Кошироко. Особое внимание обращается на степень распространенности сюжета на территории проживания адыгов, на стилевые особенности текстов сказания и на то, что историко-героические нарративы иногда сопровождаются песнями очистительного характера. В результате изучения материалов делается вывод о соответствии характера изложения основной сюжетной линии жанровым признакам эпоса, устанавливаются функции предметной атрибутики в раскрытии образа главного героя и идейного замысла песнетворца. Анализ песенных текстов производится с опорой на наблюдения над поэтикой и стилистикой песенного текста. (структура, гиперболизация, аллитерация).

Ключевые слова: историко-героический эпос, типологизация сюжета, мотив, зеко, пхапшина, князь, очистительная песня, сказание

Для цитирования: Гутова Л.А. Сюжет и мотивы цикла о Нартуге (Мартине) Кошироко. География распространения // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 108–115. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-108-115

Original article

**PLOT AND MOTIVES OF THE CYCLE
ABOUT NARTUGA (MARATINA) KOSHIROKO.
GEOGRAPHY OF DISTRIBUTION**

Liana A. Gutova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© L.A. Gutova, 2022

Abstract. The article discusses different versions of the plot, as well as the central motifs of the legend and song about the hero of the historical and heroic epic – Nartug (Martin) Koshiroko. Particular attention is paid to the degree of prevalence of the plot in the territory of the residence of the Adygh's, to the stylistic features of the texts of the legend and to the fact that historical and heroic narratives are sometimes accompanied by songs of a purifying nature. As a result of studying the materials, it is concluded that the nature of the presentation of the main storyline corresponds to the genre features of the epic, the functions of subject attributes in revealing the image of the main character and the ideological plan of

the songworker are established. The analysis of song texts is based on observations on the poetics and stylistics of the song text (structure, hyperbolization, alliteration).

Keywords: historical and heroic epic, typologization of the plot, motif, zeko, pkhaph-shina, prince, cleansing song, legend

For citation: Gutova L.A. Plot and motives of the cycle about Nartuga (Maratina) Koshiroko. Geography of distribution. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 2 (53): 108–115. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-108-115

Как известно, главный принцип возникновения циклов в адыгском историко-героическом эпосе – это сочинение песни по следам реального события и формирование сопровождающего предания как художественно значимого комментария, без которого не все детали, упоминаемые в песенном тексте, могут быть понятными слушателю [Аутлева 2018: 19–268; Гутов 2021]. Однако данный принцип не универсален, и в некоторых случаях налицо отступления от общего правила. В связи с этим важно принять во внимание, что в традиционном адыгском обществе активно функционировал самостоятельный институт джегуако, профессиональных носителей культуры, в функции которых наряду с другими областями деятельности входило и сочинение песен [Налоев 2011], причем совсем не обязательно – по горячим следам события. Вполне естественно, что далеко не все песни, бытующие в устном обиходе, сочинялись именно ими, но все же джегуако занимались песнетворчеством и исполнением профессионально. Отсюда справедливо сделать вывод, что нельзя исключать вероятности возникновения сюжетов некоторых циклов не только из подлинных событий, а вполне возможно и из услышанных где-то интересных историй, и даже из понравившихся древних сказаний. И даже когда в основе эпического цикла лежит реальное событие, оно обязательно пропускается через художественное сознание творца, а при проникновении в фольклорный обиход исходный сюжет и центральные мотивы претерпевают все трансформации, естественные для устного бытования. В данном плане интересно рассмотреть сюжет и центральные мотивы сказания и песни цикла о Нартуге Кошироко, по другой версии имени героя – о Мартине Кошироко.

Прежде чем рассматривать сюжеты данного цикла, считаем важным представить краткий обзор наиболее интересных материалов, имеющих в качестве источников по избранной теме. Отчасти они опубликованы в различных изданиях, но по большей же части хранятся в рукописном архиве ИГИ КБНЦ РАН. Также необходимо оговорить принципы отбора и систематизации материала. Самая ранняя публикация была осуществлена в 1898 г. П.И. Тамбиевым и Л.Г. Лопатинским [СМОМПК 1898]. Следующая датируется советским временем: в издании «Кабардинский фольклор» 1936 г. помещен поэтический перевод песни, предположительно выполненный с оригинала первой публикации или же, что вероятнее, с записи, которая весьма близка к ней. Важное отличие данного варианта заключается в том, что текст песни предваряется прозаическим сказанием, в котором изложены подробности события, ставшего толчком для возникновения песни [Кабардинский фольклор 1936: 404–408]. Это первый случай представления целостного цикла, песни и сказания данного цикла, причем прозаический нарратив – один из наиболее полных и логически стройных вариантов, которые были записаны за всю историю собирания. Последующие публикации научного и научно-популярного характера были выполнены в середине и второй половине XX в. З.П. Кардангушевым или же при его участии. Это, по сути, перепечатки одного варианта, исполненного самим составителем, который получил широкое признание и как исследователь, и как незаурядный исполнитель [Адыгэ уэрэдыжхэр 1969: 53–54, 102; Адыгэ уэрэдыжхэр 1979: 48–49, 176–177; НПИНА 1990: 371–375; 376–383].

Ряд записей хранится в рукописном Архиве КБИГИ. Так в разделе историко-героического эпоса имеется отдельная папка, посвященная вышеназванному

герою, в ней содержится 26 паспортов [Архив ИГИ КБНЦ РАН: папка 21 р], в ней помещено 34 вариантов песен и преданий, записанных в разное время и от разных информантов. В ходе ознакомления с материалами мы сочли нужным выбрать для более обстоятельного изучения такие записи, которые не вызывали сомнения в аутентичности текстов, были наиболее значительны в художественном плане и отражали все версии данного цикла. Таким образом, мы отобрали 9 наиболее подходящих по представленным критериям сказаний, большинство которых сопровождаются песенными текстами (8 песен). Среди них есть и ранее не опубликованные.

Вопрос типологизации сюжетов всегда остается недостаточно раскрытым в фольклоре. Но ученые все же дают свое объяснение данному явлению, в особенности, когда речь идет о сюжетах, бытующих в общем локализованном пространстве, таком как Северный Кавказ и республики, находящиеся на этой территории. К примеру, сказания о Ходже Насреддине бытуют не только у восточных народов, они записаны на многих языках, одни и те же сюжеты в разных интерпретациях широко распространены и среди народов Кавказа, что говорит об их взаимодействии с Востоком [Двадцать три Насреддина 1978]. Если же говорить о сказаниях и песнях одного народа, то, само собой разумеется, что взаимодействие есть естественный процесс, который четко отражен и в фольклоре. Предпосылками тому было множество обстоятельств: многочисленные походы – *зеко*, породнённые представители разных селений и соседствующих этнических образований, активное взаимодействие социальных структур общества. Наряду с этим ареал бытования цикла может быть в одном случае относительно широким, как это очевидно с такими произведениями фольклора как «Андемиркан» [Адыгские историко-героические песни ... 2019] или «Кучук Аджигирей» / «Кушук Ажджерий» [НПИ-НА 1990: 52–72; МыкГосэрэ... 1994: 227–243 (всего семь записей на различных западноадыгских диалектах)] и др., записанные фактически на всей территории исторического обитания адыгов – от кабардинцев на востоке ареала до бжедугов и абадзехов на северо-западе. Рассматриваемый цикл имеет более локальное распространение и записан только у носителей кабардино-черкесского варианта общеадыгского языка.

Так, при изучении материалы, касающихся легендарного героя эпоса Кошироко Нартуга (Мартина) мы видим множество совпадений сюжетов и мотивов сказаний, которые были зафиксированы в разных населенных пунктах Кабардино-Балкарской республики. К примеру, совпадения основополагающего сюжета наблюдаются в сказаниях о Нартуге зафиксированные в селениях Кахун [Архив ИГИ КБНЦ РАН: папка 21р, паспорт 18], Старый Лескен [Архив ИГИ КБНЦ РАН: папка 21р, паспорт 7], Арик [Архив ИГИ КБНЦ РАН: папка 21р, паспорт 8]. Здесь сюжет один: герой расправляется с князем, который из-за своей прихоти не предоставляет адекватных условий для жизни и труда своим подданным. В данном случае во всех трех вариантах князь требует от людей заняться совершенно несвоевременным делом – огородить его земли забором вокруг селения, а в одном из вариантов и семикратной колючей изгородью вместо того, чтобы выйти на пахоту в разгар сезона. В тот период люди должны были особенно трудиться, чтобы должным образом обеспечить свои семьи и его самого пропитанием в предстоящем году. Заносчивый князь даже не прислушивается к авторитетному среди людей воину Кошироко Нартугу, за что герой решает расправиться с неугомонным феодалом и убивает его. В большинстве случаев это происходит на нейтральной территории, когда князь выезжает в *зеко*, а воин, с острым чувством справедливости нападает на него и убивает в поединке. Таким образом, мотивируется убийство князя. В качестве источника конфликта выступает бездумное жестокое отношение господина к своим подданным. В идеале всякому рыцарю-наезднику было предписано всемерно заботиться о своих подданных. Здесь же налицо не служение во благо общества, а самовластие во удовлетворение своих прихотей

и бездумная эксплуатация подданных, за что князь и оказывается наказанным от рук главного героя. Здесь следует упомянуть о том, что согласно адатам кровной мести, личность, посягнувшая на жизнь высокопоставленного лица (князя, уорка) должна была понести наказание. Род князя объявлял убийце сородича кровную месть и уничтожал не только его самого, но и всех членов его семьи, в особенности мужского пола. Об этом подробно пишет известный адыгский исследователь-этнограф Х.М. Думанов в своем труде «Словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка»: «Кровная месть. Древний обычай адыгов. Если кто-то умышленно или случайно убил человека, то его родственники подлежали к мести со стороны родственников потерпевшего» [Думанов 2006: 90]

В вариантах сказания также повествуется о том, что в силу того, что Нартуг мог понести наказание за убийство князя, он тщательно скрывает этот факт, хороня его тело, и пряча надежно отдельные атрибуты (усы, кольчужную рубаху, коня). С одной стороны герой совершает преступление по отношению к вышестоящему лицу, но с другой, он защищает интересы общества, простых людей. Чтобы пойти на такой риск, как убийство князя нужно было обладать большим мужеством, сильным, волевым характером. Также следовало безупречно владеть оружием, так как князья с особой тщательностью обучались тонкостям всего, что касалось воинского искусства. Удивительно и то, что во всех сказаниях герой не выставляет себя как победитель, не хвастается своими заслугами перед остальными, а раскрывается лишь посредством песни. Зачастую во всех сюжетах герой, будучи уже в преклонном возрасте, через песенный текст оглашает свои подвиги. Песню ненароком слышит либо проходящая мимо его дома старушка, либо соседская сноха – они и распространяют весть о подвигах героя. В одном варианте сказания о Нартуге такая песня представляется как очистительная. Отметим, что о песнях, их значимости в обществе и об их очистительном характере писал известный адыгский фольклорист З.М. Налоев, посвятивший целую статью песням очистительного характера и восприятию обществом таких песен. «Очистительная песня предполагает существование в средневековом адыгском обществе представления о несовместимости песни с ложью. Песенное слово – это слово правды, оно предполагает события и факты так, как было в действительности, фиксирует, но не интерпретирует их. То, что сказано в песне, не может быть ложью. Без такой веры в искренность песни, в ее природную правдивость не могла бы возникнуть очистительная функция песни» [Налоев 2009: 149]. Таково было доминирующее представление о функции песни в адыгском традиционном обществе.

Возвращаясь к сказанию о Нартуге, отметим, что подобного рода песня зафиксирована в одном из вариантов сказания в селении Кахун [АрхивИГИ КБНЦ РАН: папка 21р, паспорт 13]. Узнав о том, что князя убил Нартуг (или как повествуется в тексте Мартина), против героя восстает не только княжеская семья, но и все жители родного селения. Мартина, подвергаемый остракизму, покидает родину и подается в абреки. Лишь изредка он возвращается в отчий дом. Так, в очередной раз, вернувшись домой, он берет свою *пхатишину* и излагает в песне все, что случилось на самом деле и почему ему пришлось убить князя. Здесь мотив убийства князя несколько иной, так как в этом варианте сказания герой вынужден был отстаивать свое собственное достоинство. Встретившись со спесивым молодым князем, который дерзко ведет себя по отношению к герою, Мартина, будучи настоящим воином, профессиональным наездником, оказывается в безальтернативной ситуации, и он вынужден ответить на провокацию князя и убить его, чтобы самому не погибнуть или не стать опозоренным. Обо всем этом и о том, как, несмотря на оскорбления со стороны князя, он со всеми почестями похоронил его, он сообщает миру песней, которую невольно слышит младший брат убитого. Таким образом, становится очевидным, что Мартина поступил так, как и полагается настоящему воину. Песня оказывается воистину очистительной, что

приводит к мирному разрешению конфликта: общество, а с ним и родные князя, находят поступок героя песни мотивированным.

Несколько иной сюжет о Нартуге зафиксирован в селениях старый Урух и 2-ой Лескен [Архив ИГИ КБНЦ РАН: папка 21р, паспорт 5, 10]. Здесь сюжеты идентичны – в обоих текстах фигурирует князь со своим спесивым характером и нежеланием его признавать за людьми права иметь свое мнение, помимо его собственной воли. Так в одном варианте Мартина выступает как оруженосец князя, он, в отличие от своего заносчивого сюзерена, по возвращении из *зеко* раздает добычу нуждающимся. Естественно, что это с одобрением воспринимается народом, ставит его в глазах общества выше самого князя, и тот не может мириться с таким положением. В другом варианте, герой, будучи уже в преклонном возрасте, дает советы людям, которые часто к нему обращаются. Здесь, как и в предыдущем сюжете, князь не приемлет другого авторитетного лица, помимо себя самого. Это приводит к тому, что сам князь провоцирует конфликт. Князь отправляется с ним в поход в сопровождении Нартуга как оруженосца, но по ночам на стоянках тайно охотится за героем. Он надеется застать того спящим и убить его. Но бдительный Нартуг, защищаясь, сам убивает князя. Когда проясняются все обстоятельства, он оказывается в глазах общества неповинным, ибо он был вынужден защищаться.

Еще один интересный сюжет о Нартуге зафиксирован в селении Верхний Курп Кабардино-Балкарской республики [Архив ИГИ КБНЦ РАН: папка 21 р, паспорт 6]. Здесь мотив убийства вышестоящего лица как такового не зафиксирован. Сюжетообразующим звеном является убийство сына Нартуга его же братьями, которые завидовали в свое время Нартугу, а теперь и его сыну, за то, что юноша унаследовал от отца мужество, расторопность в делах и высокое владение воинским искусством. Узнав о том, что родные братья погубили его единственного сына, Нартуг посредством песни рассказывает о том, как он однажды убил князя. Песню слышит проходящая мимо старушка и разглашает весть по всему обществу. Поскольку согласно обычному праву весь род князеубийцы подлежит уничтожению, родня князя в отместку убивает всех братьев Нартуга и его самого, а Нартуг, сам не проливая крови своих родных, мстит за смерть сына чужими руками. Поскольку герой уже свое отжил, он с легким сердцем принимает смерть, но зато этим самым оказывается пресеченной и родословная линия его недостойных завистливых братьев.

Возвращаясь к теме о типологизации сказаний, хотелось бы отметить и наличие сходных образов, представленных в сюжетах. Главными образами являются сам герой и князь, второстепенными выступают либо народ, либо брат или братья героя, княжеский род. Также тексты насыщены и сходными предметными образами в виде подкольчужной белой рубахи князя, княжеских усов, коня, борзых серых собак, черного сундука или колчана. Эти образы идентичны во всех текстах, что свидетельствует о едином источнике всех вариантов.

Обращаясь к песням, в цикле о Нартуге Кошироко, отметим, что в большинстве случаев каждая повествовательная версия дополняется стихотворным текстом песни. В некоторых вариантах она частично дублирует сказание, но чаще переключается с ним, образуя суггестивные иносказания, понимание которых возможно при знании нарратива. Не смотря на то, что фамильное имя «Кошироко» известно в Кабарде до настоящего времени, никаких достоверных сведений о конфликте человека из данного рода с неким князем не имеется. Скорее всего, песня возникла не на основе реального события, а в результате творческой обработки интересного сюжета, который сложился в устном обиходе, вне прямой связи с конкретными реальными событиями.

В ходе работы над текстами мы с очевидностью установили, что варианты сказания о Нартуге Кошироко во многом сходны между собой, то же самое можно сказать и о записях песни. В разных вариантах достаточно часто встречаются

одинаковые языковые обороты. То же самое отмечается и в центральных образах, последовательности действий, мотивировке происхождения самой песни. В частности мотив происхождения песен из цикла, посвященного мужественному Нартугу Кошироко, несет явно выраженный очистительный характер: герой, как мы уже говорили ранее, вынужден прибегнуть к посредству песни, чтобы достичь желанной цели. Он либо отвергнут обществом по причине неприятия его поступка, воспринятого как преступление, либо, будучи уже в преклонном возрасте, он лишен должного уважения, поскольку никто не знает о его славном прошлом. Посредством песни он передает слушателю информацию о своих переживаниях, о своей невиновности или же былых подвигах, чтобы, не нарушая приличий, донести правду о себе до всего общества и восстановить достойное отношение к себе.

Аналогичный прием этикетного, «внесудебного», восстановления справедливости типичен для адыгского историко-героического фольклора, о чем писали исследователи [Налоев 2009; Гутов 2021]. Вполне вероятно, что повторяемость ситуации в условиях раннефеодального рыцарского общества с его строгими этическими императивами могла стать сюжетообразующим ядром эпического цикла и стать толчком для поэтов-джегуако к сложению самой песни на его основе.

Список источников

Адыгские историко-героические песни ... 2019 – *Адыгские историко-героические песни и предания*. Том первый. Андемиркан. Нальчик, 2019. 430 с.

Адыгэ уэрэдыжхэр 1969 – *Адыгэ уэрэдыжхэр*. Зэхэзыльхьар Къардэнгъушц Зырмакыуц. Налшык: Эльбрус, 1969. 116 н. (Адыгские народные песни. Сост. Зарамук Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1969. 324 с. На кабард. яз).

Адыгэ уэрэдыжхэр 1979 – *Адыгэ уэрэдыжхэр*. Зэхэзыльхьар Къардэнгъушц Зырмакыуц. Налшык: Эльбрус, 1979. 324 н. (Адыгские народные песни. Сост. Зарамук Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1979. 324 с. На кабард. яз).

Архив ИГИ КБНЦ РАН папка 21-р, паспорт № 13. Исп. Амирхан Хавпачев: 63 года, сел. Кахун Кабардино-Балкарии. Зап. В 1945 г. (дата не указана) З. Берекетов.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, папка 21-р, паспорт № 5: Къуэшырокъуэ Нартыгу и уэрэд, и таурыхь (Песня и предание о Нартуге Кошироко). Исп. Тимижев Казгери: 75 лет, с. Верхний Курп Кабардино-Балкарии. Зап. Зап. 3 окт. 1956 г. А. Шортанов.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, папка 21-р, паспорт № 7. Къуэшырокъуэ Нартыгу и таурыхь-ымрэ и уэрэдымрэ. (Нартуг Кошироко: предание и песня о нем). Исп. Мухамед Эльджероков: 72 года. Сел. Андзорей (Старый Лескен Кабардино-Балкарии). Зап. 29 окт. 1956 г. Х. Жакамухов.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, папка 21-р, паспорт № 10. Сказ и песня про Храброго Мартина. Исп. Чаш Дзахмишев: 65 лет, сел. Старый Урух Кабардино-Балкарии. Зап. 12 мар. 1962 г. А. Сруков.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, папка 21-р, паспорт № 6: Къуэшырокъуэ Нартыгу и уэрэд, и таурыхь (Песня и предание о Нартуге Кошироко). Исп. Тимижев Казгери: 75 лет, с. Верхний Курп Кабардино-Балкарии. Зап. Зап. 3 окт. 1956 г. А. Шортанов.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, папка 21-р, паспорт № 8. Къуэшырокъуэ Нартыгум и уэрэдымрэ и хьыбарымрэ (Нартуг Кошироко: предание и песня о нем). Исп. Циру Набитов: 88 лет, сел. Арик Кабардино-Балкарии. Зап. 13 дек. 1968 г. А. Гукемух.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, Фольклорный фонд, Папка № 21-р.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, Папка 21-р, паспорт 18

Аутлева 2018 – *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков. Аутлева С.Ш. Избранные труды. Нальчик: Печатный двор, 2018. 616 с.

Гутов 2021 – *Гутов А.М.* Поэтика и стилистика историко-героического эпоса адыгов. Нальчик: Принт-центр, 2021. 232 с.

Двадцать три Насреддина 1978 – *Двадцать три Насреддина*. М.: Наука, 1978. 584 с.

Думанов 2006 – *Думанов Х.М.* Словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 213 с.

Кабардинский фольклор 2000 – *Кабардинский фольклор*. Под ред. Г.И. Бройдо и Ю.М. Соколова. Изд. 2-е. Нальчик: Эль-фа, 2000. 651 с.

МыкIосэрэ... 1994 – *МыкIосэрэ жъуагъохэр*. Мыекъуапэ, 1994. 334 н. (Немеркнушие звезды. Майкоп, 1994. 334 с.).

Налоев 2009 – *Налоев З.М. Очистительная песня в адыгском фольклоре / Этюды по истории культуры адыгов*. Нальчик: Эльбрус, 2009. С. 144–158.

Налоев 2011 – *Налоев З.М. Институт джегуако*. Нальчик, ООО «Тетраграф», 2011. 407 с.

НПИНА 1990 – *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов*. Под общей ред. Е.В. Гиппиуса. М.: Советский композитор. Т. III. Ч. 2. 1990. 488 с.

СМОМПК 1898 – *Сборник для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. 25. Тифлис, 1898.

References

Adyge ueredyzh'her [Adyge old songs]. Zekhezyl'h'ar K'ardeng'ushchI Zyramykushch. Nalshyk: El'brus, 1969. 116 n. (Adygskie narodnye pesni. Sost. Zaramuk Kardangushev. Nal'chik: El'brus, 1969. 324 s. Na kabard. yaz.).

Adyge ueredyzh'her [Adyge old songs]. Zekhezyl'h'ar K'ardeng'ushchI Zyramykushch. Nalshyk: El'brus, 1979. 324 n. (Adygskie narodnye pesni. Sost. Zaramuk Kardangushev. Nal'chik: El'brus, 1979. 324 s. Na kabard. yaz.).

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport 18.

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport № 7. K'ueshyrok'ue Nartygu i tauryh'y mre i ueredymre. (Nartug Koshiroko: predanie i pesnya o nem). Isp. Muhamed El'dzherokov: 72 goda. Sel. Andzorej (Staryj Lesken Kabardino-Balkarii). Zap. 29 okt. 1956 g. H. Zhakamuhov.

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport № 8. K'ueshyrok'ue Nartygum i u№ eredymre i h'ybarymre. Isp. Ciru Nabitov: 88 let, sel. Arik Kabardino-Balkarii. Zap. 13 dek. 1968 g. A. Gukemuh.

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Fol'klornyj fond, Papka № 21-r.

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport № 13. Isp. Amirhan Havpachev: 63 goda, sel. Kahun Kabardino-Balkarii. Zap. V 1945 g. (data ne ukazana) Z. Bereketov.

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport № 5: K'ueshyrok'ue Nartygu i uered, i tauryh' (Pesnya i predanie o Nartuge Koshiroko). Isp. Timizhev Kazgeri: 75 let, s. Verhnij Kurp Kabardino-Balkarii. Zap. Zap. 3 okt. 1956 g. A. Shortanov.

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport № 10. Skaz i pesnya pro Hrabrogo Martina. Isp. Chash Dzahmishev: 65 let, sel. Staryj Uruh Kabardino-Balkarii. Zap. 12 mar. 1962 g. A. Srukov.

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport № 6: K'ueshyrok'ue Nartygu i uered, i tauryh' (Pesnya i predanie o Nartuge Koshiroko). Isp. Timizhev Kazgeri: 75 let, s. Verhnij Kurp Kabardino-Balkarii. Zap. Zap. 3 okt. 1956 g. A. Shortanov.

AUTLEVA S.Sh. *Adygskie istoriko-geroicheskie pesni XVI–XIX vekov* [Historic and heroic Adyge songs of XVI–XX centuries]. /Autleva S.Sh. Izbrannye trudy. Nal'chik: Pechatnyj dvor, 2018. 616 s.

DUMEN H'.M. *Adygekhem ya dauedapshchekher. Etnografie terminhem ya psal'al'e* [Dictionary of ethnographic terms of the Kabardino-Circassian language]. Nalshyk: El'-Fa, 2006. 213 n. (Dumanov H.M. Slovar' etnograficheskikh terminov kabardino-cherkesskogo yazyka. Nal'chik: El'-Fa, 2006. 213s.)

Dvadcat' tri Nasreddina [Twenty three Nasreddins]. M.: Nauka, 1978. 584 s.

GUTOV A.M. *Poetika i stilistika istoriko-geroicheskogo eposa adygov* [Poetic and stylistics of the historical and heroic Adyge epic] Nal'chik: Print-centr, 2021. 232 s.

Kabardinskij fol'klor [Circassian Folklore]. Pod red. G.I. Brojdo i Yu.M. Sokolova. Izd. 2-e. Nal'chik: El'-fa, 2000. 651 s.

MykIosere zh'uag'oher [Unfading stars]. Myek'uape, 1994. 334 n. / Nemerknushchie zvezdy Maykop, 1994. 334s.

NALOEV Z.M. *Institut dzheguako* [Institute of dzheguako]. Nal'chik, ООО «Тетраграф», 2011. 407 s.

NALOEV Z.M. *Ochistitel'naya pesnya v adygskom fol'klore* [Sketches on the history of culture of the Circassians] / Etyudy po istorii kul'tury adygov. Nal'chik: El'brus, 2009. S. 144–158.

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Adyghs] . Pod obshchej red. E.V. Gippiusa. M.: Sovetskij kompozitor. T. III. Ch. 2. 1990. 488 s.

Sbornik dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza [A collection for describing the localities and tribes of the Caucasus] <https://translate.yandex.ru/translator/ru-en> Vypusk 25 Tiflis 1898.

Thyder zi l'abzh'e adyge ueredyzh'hemre h'ybatrhemre [Adyghe historical and heroic songs and legends]. Yape thyl'. Andemyrkan. Nalshyk, 2019. 430 n. (Adygskie istoriko-geroicheskie pesni i predaniya. Tom pervyj. Andemirkan. Nal'chik, 2019. 430 s.

Информация об авторе

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.A. Gutova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 5.07.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 5.07.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.

ЮБИЛЕИ

Научная статья

УДК 811.512.142

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-116-121

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ТЮРКОЛОГА (к 65-летию Б.А. Мусукова)

*Махти Зейтунович Улаков¹, Людмила Хамангериевна Махиева²,
Жаухар Магомедовна Локьяева³*

^{1, 2, 3} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹ maxtti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5972-8472>

² liudmila.makhieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6186-0395>

³ lokyaeva.zh@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-1599-4397>

© М.З. Улаков, Л.Х. Махиева, Ж.М. Локьяева, 2022

Аннотация. Статья приурочена к юбилею доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки КБР Бориса Абдулкеримовича Мусукова. В ней кратко освещается биография, научная и преподавательская деятельность лингвиста, внесшего весомый вклад в развитие карачаево-балкарского языкознания и тюркологии в целом. Проводится анализ основных изданных им монографических исследований. Отмечается, что его научные труды вкуче сделали имя Бориса Абдулкеримовича широко известным.

Ключевые слова: тюркология, карачаево-балкарское языкознание, научный потенциал, лексикографические издания, языковые явления, новые направления

Для цитирования: Улаков М.З., Махиева Л.Х., Локьяева Ж.М. Тернистый путь тюрколога // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 116–121. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-116-121

Original article

THE THORNY PATH OF THE TURKOLOGIST (to the 65-th anniversary of Boris Musukov)

Mahti Z. Ulakov¹, Lyudmila H. Makhieva², Zhauhar M. Lokyaeva³

^{1, 2, 3} Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹ maxtti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5972-8472>

² liudmila.makhieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6186-0395>

³ lokyaeva.zh@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-1599-4397>

© М.З. Улаков, Л.Х. Махиева, Ж.М. Локьяева, 2022

Abstract. The article is dedicated to the anniversary of Boris Abdulkерimovich Musukov, Doctor of Philology, Honored Scientist of the KBR. It briefly highlights the biography, scientific and teaching activities of the linguist who made a significant contribution

to the development of Karachay-Balkarian linguistics and Turkology. The analysis of the main monographic studies, published by him, is carried out. It is noted, that his scientific works together made the name of Boris Abdulkеримovich widely known.

Keywords: turkology, Karachay-Balkarian linguistics, scientific potential, lexicographic publications, linguistic phenomena, new directions

For citation: Ulakov M.Z., Makhieva L.H., Lokyaeva Zh.M. The thorny path of the Turkologist. Vestnik KBIGI = KBINR Bulletin. 2022; 2 (53): 116–121. (In Balkarian.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-116-121

В этом году известному языковеду-тюркологу, доктору филологических наук, заслуженному деятелю науки Кабардино-Балкарской Республики, заведующему сектором карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН *Борису Абдулкеримовичу Мусукову* исполнилось 65 лет.

Борис Абдулкеримович родился 29 июня 1957 г. в с. Верхняя Жемтала Советского (ныне Черекского) района КБР. Он окончил среднюю школу в родном селе и в 1974 г. поступил на русско-балкарское отделение историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета. После окончания университета поступил в очную аспирантуру сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР (Москва). В 1985 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Структурные модели глагольного аффиксального словообразования в карачаево-балкарском языке (продуктивные и непродуктивные модели)» [Мусуков 1984].

Б.А. Мусуков, получив статус специалиста, начинает свою трудовую деятельность в образовательных учреждениях. Он несколько лет проработал учителем русского и балкарского языков в средних школах г. Нальчика (№ 13, № 16, № 24), с. Яникой. После, учитывая наличие педагогического опыта, его приглашают на работу в Кабардино-Балкарский институт усовершенствования учителей. Понимая ответственность своей работы, он занимается разработкой новых типовых учебных программ, пособий, методических рекомендаций для совершенствования и повышения качества обучения в городских общеобразовательных учреждениях.

С 2006 г. Борис Абдулкеримович работает в ИГИ КБНЦ РАН. Начав свою трудовую деятельность в качестве старшего научного сотрудника сектора карачаево-балкарского языка, к настоящему времени он достиг должности ведущего научного сотрудника. Более того, с 2016 г. Б.А. Мусуков является заведующим сектором карачаево-балкарского языка ИГИ КБНЦ РАН.

Без отрыва от основной работы Борис Абдулкеримович подготовил и в 2011 г. успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Морфологическая деривация глаголов в карачаево-балкарском языке» (г.Нальчик).

Область научных интересов известного лингвиста весьма обширна: грамматика (морфология, словообразование), диалектология, ономастика, топонимика, теоретическая и практическая лексикография. Б.А. Мусуков – автор более 80 научных трудов, в том числе более 25 научных статей, опубликованных в ведущих российских и зарубежных изданиях, монографий «Морфологическая деривация глаголов в карачаево-балкарском языке» [Мусуков 2009]; «Функционально-семантическая парадигма усилительных конструкций в тюркских языках» [Мусуков 2016]. Он является соавтором и членом редакционной коллегии фундаментального труда «Современный карачаево-балкарский язык» в двух частях [СКБЯ 1 2016; СКБЯ 2 2018]. Данный труд отражает достижения карачаево-балкарского языкознания за последние 40 лет.

Весьма важным направлением его деятельности является редактирование и рецензирование научных изданий (авторефератов, кандидатских и докторских диссертаций, статей, монографий, обобщающих коллективных трудов, словарей). Он

является научным редактором второй части академического труда «Современный карачаево-балкарский язык» (коллектив авторов), получившего высокую оценку специалистов-тюркологов, десятков монографий, ряда лексикографических изданий, составленных сотрудниками сектора карачаево-балкарского языка: «Словарь омонимов карачаево-балкарского языка» [Гузеланы 2013]; «Словарь малкарского (ц/з) диалекта карачаево-балкарского языка» [Гузеланы, Махийланы 2015]; «Словарь синонимов карачаево-балкарского языка» [КъМТСС 2017]), сборников научных статей «Тенденции развития лексики и грамматики карачаево-балкарского языка» [Тенденции развития... 2018; Тенденции развития... 2021].

В настоящее время под руководством Б.А. Мусукова (научный редактор) сотрудниками сектора карачаево-балкарского языка Института ведется активная деятельность по подготовке к публикации нового «Русско-карачаево-балкарского словаря», который станет значительным событием в тюркологии.

Борис Абдулкеримович за время работы в стенах Института показал себя вдумчивым и целеустремленным исследователем, активно вникающим в узловые, проблемные вопросы лингвистики. Его труды направлены на изучение наиболее актуальных языковых явлений современного карачаево-балкарского языкознания и тюркологии в целом. В научной деятельности ученого можно выделить три приоритетных направления:

- 1) комплексное исследование аффиксального словообразования глаголов в карачаево-балкарском языке в сравнении с материалами других тюркских языков;
- 2) исследование семантического поля цветообозначений в тюркских языках;
- 3) полиаспектное исследование фольклорных текстов с точки зрения лингво-фольклористики.

Особо следует отметить исследование вопросов деривационной морфологии глаголов как по карачаево-балкарскому, так и другим тюркским языкам. Монография, написанная по данной теме Б.А. Мусуковым, представляет собой первое комплексное описание основных структурно-семантических моделей и типов аффиксального словообразования глаголов в карачаево-балкарском языке в сопоставительном с другими тюркскими языками плане

Отмечая достижения Б.А. Мусукова в сфере лингвистики, связанные с изучением морфологической деривации в карачаево-балкарском языке, следует обратить внимание на то, что исследователь впервые в тюркологии обратил внимание на двойственную природу залоговых аффиксов и разграничил на фактологическом материале тюркских языков словообразовательное и залоговое значения залоговых аффиксов, выявил критерии их дифференциации. Его заслугой является разработка принципов отбора и лексикографического описания отглагольных глаголов, устранение терминологической и содержательной двойственности, что имеет важное значение в лексикографической практике по карачаево-балкарскому и другим тюркским языкам.

Общетюркологическое значение приобрели его научные изыскания, посвященные малоизученным разделам исследуемого языка, они значительно обогатили теорию словообразования и в родственных языках. Глубоко аргументированные выводы Б.А. Мусукова по некоторым спорным вопросам карачаево-балкарского языкознания и тюркологии нашли отражение во многих работах тюркологов, связанных с изучением лексики и фразеологии, а также словообразования тюркских языков.

Другим приоритетным направлением в его научных трудах является исследование формально-семантических особенностей усилительных конструкций в тюркских языках, образованных по моделям как полного повтора так и частичной редупликации. Ученый рассматривает продолжающиеся особенности модифицирующих идентификаторов в лексических единицах трансформированного повтора, анализирует особенности лексико-семантического параллелизма

и аллитерации как звуковой организации карачаево-балкарского стиха и формы усиления языка.

Научные изыскания Б.А. Мусукова, которые определили новые направления в карачаево-балкарском языкознании и в целом в тюркологии, являются значительным вкладом в отечественную науку.

Говоря о научной деятельности Б.А. Мусукова, следует упомянуть и о том, что он – один из авторов проекта реформы алфавита, орфографии и пунктуации современного карачаево-балкарского языка.

Признанного лингвиста волнуют вопросы сохранения и развития карачаево-балкарского языка в условиях глобализации, повышения его престижа путем расширения языковых функций.

Б.А. Мусуков принимает активное участие в работе региональных, всероссийских и международных научных конференций по актуальным проблемам тюркского и сопоставительного языкознания.

Помимо исследовательской, он занимается и преподавательской деятельностью. Руководит квалификационными работами аспирантов и соискателей НОЦ КБНЦ РАН, читает лекции по тюркскому языкознанию на кафедре «Языкознания и литературоведения»; является автором учебных программ для аспирантов-филологов. Вот уже несколько лет Борис Абдулкеримович является членом специализированного совета КБГУ по защите кандидатских и докторских диссертаций. Им написано множество отзывов на кандидатские и докторские диссертации, авторефераты, он не раз выступал оппонентом. Все это свидетельствует о его высоком научном потенциале и квалификации.

В научных кругах региона и тюркологов страны Б.А. Мусуков пользуется заслуженным уважением.

Безупречный, добросовестный и многолетний научно-педагогический труд юбиляра отмечен высокой наградой «Заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики» (2016). За активную научную и организаторскую деятельность он неоднократно поощрялся Почетными грамотами Института и КБНЦ РАН.

От имени коллег и друзей поздравляем Мусукова Бориса Абдулкеримовича с юбилеем, желаем крепкого здоровья, благополучия и творческого долголетия!

Список источников

Гузеланы 2013 – *Гузеланы Ж.М.* Къарачай-малкъар тилни омонимлерини сёзлюгю. М.: Эльбрусид, 2013. 496 б. (Гузев Ж.М. Словарь омонимов карачаево-балкарского языка. М.: Эльбрусид, 2013. 496 с.).

Гузеланы, Махийланы 2015 – *Гузеланы Ж., Махийланы Л.* Къарачай-малкъар тилни малкъар (ц/з) диалектни къысха сёзлюгю. Нальчик: РИА КъМИА-ны басма арасы, 2015. 149 б. (Гузев Ж.М., Махиева Л.Х. Краткий словарь малкарского (ц/з) диалекта карачаево-балкарского языка. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2015. 149 с.).

КъМТСС 2017 – *Къарачай-малкъар тилни синонимлерини сёзлюгю / жарашдыргъанла Улакъланы М.З.* эм д.б. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2017. 556 б. (Словарь синонимов карачаево-балкарского языка / сост. М.З. Улаков и др. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2017. 556 с.). (На карач.-балк. яз.)

Мусуков 1984 – *Мусуков Б.А.* Структурные модели глагольного аффиксального словообразования в карачаево-балкарском языке (продуктивные и непродуктивные модели). М., 1984. 221 с.

Мусуков 2009 – *Мусуков Б.А.* Морфологическая деривация глаголов в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 255 с.

Мусуков 2016 – *Мусуков Б.А.* Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций в тюркских языках. Нальчик: Принт Центр; Полиграфсервис и Т, 2016. 376 с.

Тенденции развития... 2018 – *Тенденции развития лексики и грамматики карачаево-балкарского языка.* Сб. науч. ст. Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 172 с.

Тенденции развития... 2021 – *Тенденции развития лексики и грамматики карачаево-балкарского языка* (К 70-летию Махти Зейтуновича Улакова). Сб. науч. ст. Нальчик: Принт Центр, 2021. 192 с.

СКБЯ 1 2016 – *Современный карачаево-балкарский язык*: в 2-х ч. Ч. 1. Фонетика, фонология, орфоэпия, графика и орфография, лексикология, фразеология, лексикография, морфемика, морфонология, словообразование/ коллектив авторов. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 448 с.

СКБЯ 2 2018 – *Современный карачаево-балкарский язык*: в 2-х ч. Ч. 2. Морфология, синтаксис/ коллектив авторов. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 480 с.

References

GUZELANY ZH.M. *K»arachaj-malk»ar tilni omonimlerini syozlyugyu* [Dictionary of homonyms of the karachay-balkarian language]. Moscow: Elbrusoid, 2013. 496 p. (In Karachay-Balkarian)

GUZELANY ZH.M., MAHIJLANY L.H. *K»arachaj-malk»ar tilni malk»ar (c/z) dialektni k»ysha syozlyugyu* [Concise dictionary of malkar (c/z) dialect of the karachay-balkarian language]. Nalchik: Publishing house of KBSC RAS, 2015. 149 p. (In Karachay-Balkarian)

K»arachaj-malk»ar tilni sinonimlerini syozlyugyu [Dictionary of synonyms of the karachay-balkarian language] / compiled by M.Z. Ulakov and others. Nalchik: Printing Yard LLC, 2017. 556 p. (In Karachay-Balkarian)

Strukturnye modeli glagol'nogo affiksals'nogo slovoobrazovaniya v karachaevo-balkarskom yazyke (produktivnye i neproduktivnye modeli) [Structural models of verbal affixal word-formation in the karachay-balkarian language (productive and non-productive models)]. Moscow, 1984. 221 p. (In Russian)

MUSUKOV B.A. *Morfologicheskaya derivaciya glagolov v karachaevo-balkarskom yazyke* [Morphological derivation of verbs in the karachay-balkarian language]. Nalchik: KBIGI Publishing house of KBIHR, 2009. 255 p. (In Russian)

MUSUKOV B.A. *Formal'no-semanticheskaya paradigma usilitel'nyh konstrukcij v tyurkskih yazykah* [Formal-semantic paradigm of amplifying constructions in turkic languages. Nalchik: Print Center; Polygraphservice and T, 2016. 376 p. (In Russian)

Tendencii razvitiya leksiki i grammatiki karachaevo-balkarskogo yazyka [Trends in the development of vocabulary and grammar of the karachay-balkarian language]. Collection of scientific articles. Nalchik: Publishing Department of IHR KBSC RAS, 2018. 172 p. (In Russian)

Tendencii razvitiya leksiki i grammatiki karachaevo-balkarskogo yazyka (K 70-letiyu Mahti Zeytunovicha Ulakova) [Trends in the development of vocabulary and grammar of the karachay-balkarian language (To the 70th anniversary of Mahti Zeytunovich Ulakov)]. Collection of scientific articles. Nalchik: Print Center, 2021. 192 p. (In Russian)

Sovremennyy karachaevo-balkarskij yazyk: v 2-h chastyah. Chast' 1. Fonetika, fonologiya, orfoepiya, grafika i orfografiya, leksikologiya, frazeologiya, leksikografiya, morfemika, morfo-nologiya, slovoobrazovanie [Modern karachay-balkarian language: In 2 parts. Part 1. Phonetics, phonology, orthoepy, graphics and spelling, lexicology, phraseology, lexicography, morphemic, morphonology, word formation]. Nalchik: Printing Yard LLC, 2016. 448 p. (In Russian)

Sovremennyy karachaevo-balkarskij yazyk: v 2-h chastyah. Chast' 2. Morfologiya, sintaksis [Modern karachay-balkarian language: In 2 parts. Part 2. Morphology, syntax]. Nalchik: Printing Yard LLC, 2018. 480 p. (In Russian)

Информация об авторах

М.З. Улаков – советник генерального директора КБНЦ РАН, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка.

Л.Х. Махиева – заместитель директора по научной работе, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка.

Ж.М. Локьяева – младший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the authors

M. Z. Ulakov – Advisor to the General Director of the KBSC RAS, Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Karachay-Balkar Language Sector.

L.H. Mahieva – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Leading Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Language.

Zh.M. Lokyaeva – Junior Scientific Worker of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000-40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. *ТИП СТАТЬИ* (научная статья, обзорная статья, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. *ИНДЕКС УДК* (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. *ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ* на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. *ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)* располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзацного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта .

ПРИМЕР:

Иванович Иванов¹, Петр Петрович Петров²

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>**

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:
Иван Иванович Иванов¹, **Петр Петрович Петров**²

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

² petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, **П.П. Петров**², **В.В. Васильева**³, **Ф.Ф. Федоров**⁴

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: **Иван Иванович Иванов**, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «*Аннотация.*» (*Abstract.*).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «*Ключевые слова:*» (“*Keywords:*”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки и список источников

В список источников включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБККИА [АБККИА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и

писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзачным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013а – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013б – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуз 2005 – *Кыщокъуз А. Хъуэпсэгъуз нур.* Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Нальчик: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М.* Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой.* М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзачным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (согласно стандарту BSI). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем систему кодировки BSI).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S. A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenij v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of treatment 25.08.2015). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoj Respubliki (prinjata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment 12.12.2015). (In Russian)

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
11,2

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 287

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушкова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*